

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ
ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК» (ЮНЦ РАН)**

Научный журнал
КАЗАКОВЕДЕНИЕ
(16+)

Сетевое издание

**Том 1, № 2
2025**

Основан в 2024 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Матишов Геннадий Григорьевич, академик РАН

Редакционная коллегия:
Баранов Андрей Владимирович, д.и.н. (Краснодар)
Бритвин Николай Николаевич, общественный деятель, генерал-полковник (Ростов-на-Дону)
Венков Андрей Вадимович, д.и.н. (заместитель главного редактора) (Ростов-на-Дону)
Волвенко Алексей Александрович, к.и.н. (Таганрог)
Колесников Владимир Александрович, к.и.н. (Ставрополь)
Колесникова Марина Евгеньевна, д.и.н. (Ставрополь)
Лукьяшко Сергей Иванович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Малов Александр Витальевич, к.и.н. (Москва)
Матвеев Олег Владимирович, д.и.н. (Краснодар)
Матвеева Наталья Сергеевна, к.и.н. (Москва)
Мининков Николай Александрович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Очиров Уташ Борисович, д.и.н. (Элиста)
Панкова-Козочкина Татьяна Викторовна, д.и.н. (Новочеркасск)
Ратушняк Олег Валерьевич, д.и.н. (Краснодар)
Рвачева Ольга Владимировна, д.и.н. (Волгоград)
Рыблова Марина Александровна, д.и.н. (Волгоград)
Сень Дмитрий Владимирович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Скорик Александр Павлович, д.и.н., д.филос.н. (Новочеркасск)
Тюменцев Игорь Олегович, д.и.н. (Волгоград)
Худобородов Александр Леонидович, д.и.н. (Оренбург)
Шадрина Алла Валерьевна, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Яровой Андрей Викторович, д.филос.н., к.соц.н. (Зерноград)
Бевза Татьяна Гарриевна (ответственный секретарь) (Ростов-на-Дону)

Утвержден ученым советом ЮНЦ РАН

Издание осуществляется при поддержке ЮНЦ РАН (Ростов-на-Дону)

Сетевое издание «Научный журнал "Казаковедение"»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-88811 от 02 декабря 2024 г.

Адрес редакции: 344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41; e-mail: kazak@ssc-ras.ru
Адрес сайта: <http://kazak.ssc-ras.ru>

© ЮНЦ РАН, 2025

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
“FEDERAL RESEARCH CENTRE SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES” (SSC RAS)

Scientific journal

KAZAKOVEDENIE

(16+)

Online Media

Volume 1, No. 2
2025

First published in 2024
There are 4 issues a year

Editor-in-Chief:

Matishov Gennadij Grigor'evich, D.Sc. (Geography), the academician of RAS

Editorial Board:

Baranov Andrej Vladimirovich, Dr (History) (Krasnodar, Russia)
Britvin Nikolaj Nikolaevich, Public figure, Colonel-General (Rostov-on-Don)
Venkov Andrej Vadimovich, Dr (History), Editor (Rostov-on-Don, Russia)
Volvenko Aleksej Aleksandrovich, PhD (History) (Taganrog, Russia)
Kolesnikov Vladimir Aleksandrovich, PhD (History) (Stavropol', Russia)
Kolesnikova Marina Evgen'evna, Dr (History) (Stavropol', Russia)
Luk'yashko Sergej Ivanovich, Dr (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Malov Aleksandr Vital'evich, PhD (History) (Moscow, Russia)
Matveev Oleg Vladimirovich, Dr (History) (Krasnodar, Russia)
Matveeva Natal'ya Sergeevna, PhD (History) (Moscow, Russia)
Mininkov Nikolaj Aleksandrovich, Dr (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Ochirov Utash Borisovich, Dr (History) (Elista, Russia)
Pankova-Kozochkina Tat'yana Viktorovna, Dr (History) (Novocherkassk, Russia)
Ratushnyak Oleg Valer'evich, Dr (History) (Krasnodar, Russia)
Rvacheva Olga Vladimirovna, Dr (History) (Volgograd, Russia)
Ryblova Marina Aleksandrovna, Dr (History) (Volgograd, Russia)
Sen' Dmitrij Vladimirovich, Dr (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Skorik Aleksandr Pavlovich, Dr (History), Dr (Philosophy) (Novocherkassk, Russia)
Tyumencev Igor' Olegovich, Dr (History) (Volgograd, Russia)
Hudoborodov Aleksandr Leonidovich, Dr (History) (Orenburg, Russia)
Shadrina Alla Valer'evna, Dr (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Yarovoj Andrej Viktorovich, Dr (Philosophy), PhD (Sociology) (Zernograd, Russia)
Bevza Tat'yana Garrievna, Assistant Editor (Rostov-on-Don, Russia)

Editorial Office: 41 Chekhov ave., Rostov-on-Don, 344006; e-mail: kazak@ssc-ras.ru
URL: <http://en.kazak.ssc-ras.ru>

© SSC RAS, 2025

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

- Венков А.В.*
Роль атаманов и атаманской власти на Дону 5
- Скорик А.П.*
Панегирик или экспертное суждение: юбилейные персоналии
историков-казаковедов как историографический источник 16
- Шадрина А.В.*
Места памяти донского казачества: кладбище Старочеркасской станицы 29

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

- Тюменцев И.О.*
Воспоминания начальника разведки штаба обороны Царицына Т.И. Козьмина
как источник по истории Гражданской войны в России в 1918–1922 гг. 38

ОТЗЫВЫ

- Скорик А.П.*
О череде модернизаций в Казачьем регионе
(к выходу новой монографии Р.Г. Тикиджьяна) 60

ИССЛЕДОВАНИЯ КРАЕВЕДОВ

- Шананин С.П.*
Новые факты о боевых действиях на территории Ейского отдела
Кубанской области в годы Гражданской войны 83

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ

- Скорик А.П.*
Донское казачество в системе российского приграничья (1990–2020 гг.)
(отзыв официального оппонента) 93

СОВРЕМЕННОЕ КАЗАЧЕСТВО
(взгляд неравнодушного человека)

- Говоровский В.В.*
Казачество Верхнего Дона (субъективный взгляд из станицы Вёшенской) 104

SCIENTIFIC ARTICLES

<i>Venkov A.V.</i> The role of atamans and ataman authorities on the Don	5
<i>Skorik A.P.</i> Eulogy or expert opinion: Jubilee personalities of Cossack historians as a historiographical source	16
<i>Shadrina A.V.</i> Places of memory of the Don Cossacks: the cemetery of the Starocherkassk stanitsa	29

PUBLICATIONS OF DOCUMENTS

<i>Tyumentsev I.O.</i> Memoirs of the chief of intelligence of the defense staff of Tsaritsyn T.I. Kozmin as a source on the history of the Civil War in Russia in 1918–1922	38
--	----

REVIEWS

<i>Skorik A.P.</i> On the series of modernizations in the Cossack region (to the publication of a new monograph by R.G. Tikijyan)	60
---	----

RESEARCH BY LOCAL HISTORIANS

<i>Shananin S.P.</i> New facts about the fighting that took place on the territory of the Yeysk department of the Kuban region during the Civil War	83
---	----

DISSERTATION DEFENSE

<i>Skorik A.P.</i> The Don Cossacks in the Russian Borderland system (1990–2020) (review by an official opponent)	93
---	----

**MODERN COSSACKS
(the view of a caring person)**

<i>Govorovsky V.V.</i> The Cossacks of the Upper Don (a subjective view from the village of Vyoshenskaya)	104
---	-----

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

УДК 94(47)

РОЛЬ АТАМАНОВ И АТАМАНСКОЙ ВЛАСТИ НА ДОНУ

© 2025 г. А.В. Венков

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук
(Ростов-на-Дону, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается проблема роли и статуса атамана в казачьем сообществе с момента его возникновения и до середины XIX в., когда центральная российская власть стала назначать на пост донских атаманов людей, которые не являлись донскими казаками по происхождению. Показано, что при наличии в казачьем сообществе группы неформальных лидеров, атаман временами был фиктивным вождем, исполнителем воли высшего властного органа казаков – круга, либо выражал интересы группы неформальных лидеров. Усиление влияния на Дону центральной российской власти сделало атамана исполнителем воли этой власти.

Ключевые слова: атаман, казачий круг, войско Донское, власть, «подставное лицо».

Публикация подготовлена по теме НИР «Казачество в цивилизационном освоении Россией южного фронта» в соответствии с государственным заданием ЮНЦ РАН на 2024 г. (00-234-15, № 124012200178-4, направление ПФНИ 6.1.2.8).

THE ROLE OF ATAMANS AND ATAMAN AUTHORITIES ON THE DON

A.V. Venkov

Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
(Rostov-on-Don, Russia)

Abstract. The article examines the problem of the role and status of the chieftain in the Cossack community from the moment of the emergence of this community until the middle of the 19th century, when the central Russian government began to appoint people who were not Don Cossacks by origin to the post of Don chieftains. It is shown that when there was a group of informal leaders in the Cossack community, the chieftain was sometimes a fictitious leader, an executor of the will of the highest authority of the Cossacks, the circle, or expressed the interests of a group of informal leaders. The increasing influence of the central Russian government on the Don made the chieftain the executor of the will of this government.

Keywords: ataman, Cossack circle, Don Army, government, “figurehead”.

The publication was prepared on the topic of research and development “Cossacks in the civilizational development of the southern frontier by Russia” in accordance with the State Task of the UNC RAS for 2024 (00-234-15, No. 124012200178-4, direction PFNI 6.1.2.8).

В мае 1625 г. во время совместного набега запорожцев и донцов на турецкие берега Чёрного моря произошёл случай, привлёкший наше внимание. После захвата части турецкого Трабзона произошла драка между донцами и запорожцами. «...отошедши далее от города, у черкас с донскими казаками был бой меж себя за то, что казаки... донские поспешили притти под город прежде их; и атамана... донсково лутчево убили» [1, с. 152].

В.Н. Королев писал: «Никаких подробностей об обстоятельствах смерти атамана мы не знаем, и, видимо, нельзя исключить элемент случайности, непреднамеренности и т.п. [2, с. 380].

Н.А. Мининков считает, что 24 мая был убит Исай Мартемьянов: «Гибель этого выдающегося боевого предводителя была тяжелой потерей для войска Донского. Однако она в конечном счете не повлияла на характер взаимоотношений войска Донского и Запорожской Сечи, сутью которых оставалось боевое братство» [3, с. 371]. И все бы так, но потом казаки выдали С.Т. Разина, застрелили или довели до самоубийства К.А. Булавина, а уральцы, не колеблясь, сдали Е.И. Пугачева... Интересно, неужели на самом Яике не нашлось лихого казака, который объявил бы себя Петром III Федоровичем, и пришлось беглого донца выдвигать?

Таким образом, встает вопрос о реальной роли атамана в казачьем сообществе. Следует выяснить реальные границы его власти. Был ли он самовластным правителем (хотя бы в походе, где, по устной традиции, власть его была безраздельна) или подставным лицом, к какой мысли нас склоняют приведенные выше факты.

Проблема формирования и существования атаманской власти на Дону тесно связана с возникновением самого казачества. В книге Н.А. Мининкова «Донское казачество на заре своей истории» [4]. Проанализирована эволюция представлений о казаках в документах, современных событиям, и трудах историков, показано, как изменялось содержание понятия «казак» на протяжении XVI–XX вв. от «наших холопей» царя Ивана Грозного, «татей и разбойников» из «Летописи о многих мятежах», до «храброго и сильного народа», как писал о них В.Н. Татищев, и искателей «дикой вольности и добыч» не весьма благородного происхождения, в оценке Н.М. Карамзина [4, с. 7–37]. Из последних работ на эту тему стоит обратить внимание на труд А.В. Малова и Н.И. Никитина «Российское казачество на заре своей истории (XV–XVII века)» [5].

Осознавая принцип «после чего-то не значит вследствие чего-то», хотелось бы всё же отметить, что официальное признание казачества как некой реальности, «Войска», относят к 1570 году. Тогда, согласно устоявшейся устной традиции и общеизвестным документам, царь вступает с казаками в переписку и обещает жаловать их за службу. А за 5 лет до этого на землях Московского государства вводится опричнина, князя и бояре подвергаются гонениям, а значительное их число гибнет. В связи с этим возникает закономерный вопрос: а куда подевались их дружинники?

Когда опричники брали боярина «в розыск», у его дружинников оставалось четыре пути: 1) отбивать своего боярина, то есть восставать против царя; 2) ждать, когда боярин сознается, что он польский шпион, и вместе с ним положить голову на плаху; 3) уйти в монастырь; 4) бежать.

Таким образом, на Дону в 1570 г. мы, скорее всего, имеем дело с теми «детьми боярскими» (боярскими и княжескими дружинниками) и «военными холопами» (оруженосцами, рядовым составом), которые бежали. Именно с этого времени на Дону господствуют настроения, напоминающие идеологию боярской оппозиции времен Ивана IV Грозного. Старинная песня четко определяет отношение к царю и конкретных врагов (известно, что бояре, например, были против войны в Прибалтике и считали, что главный враг России – степные кочевники) [6, с. 104]:

Ох и горд наш батюшка Тихий Дон,
Царю Белому он не кланялся,

У Москвы как жить не спрашивался,
А с Туретчиной и Татарщиной
Саблей острой век здоровался.

Не следует забывать, что и до 1570 г. и даже до опричнины вольное казачье сообщество в той или иной форме существовало, и одновременно с ним существовало служилое казачество (происхождение которого – особый вопрос). К.Э. Аксаян считает, что «граница между вольным и служилым казачеством, боевыми холопами и помещиками в этот момент была проницаема» [7, с. 171].

Таким образом, перед нами довольно сложное по своему происхождению сообщество – обломки княжеских и боярских дружин, вышедшие на какое-то время из подчинения Разрядному приказу отряды служилых казаков, просто шайки бандитов.

Некоторые исследователи (В.М. Пудавов [8], А.А. Скальковский [9], Д.И. Эварницкий [10]) еще в дореволюционный период находили общее между казачьими сообществами и средневековыми рыцарскими орденами. Из современных авторов схожей точки зрения придерживается А.В. Кондрико [11]. Вряд ли это было единое сообщество по образцу рыцарского ордена. Скорее это напоминало сборище «рыцарских копий» (подразделений ордена). Н.А. Мининков объясняет это явление так: «Эти люди видели в себе рыцарей и обладали некоторыми рыцарскими чертами характера, типичными для вольных военных слуг – вассалов своего сюзерена-государя и нетипичными для русских служилых людей, закрепощенных службой государству» [3, с. 468].

Каждое сообщество имеет свои традиции формирования власти. Д.М. Володихин допускает, что «воинский обычай первой половины 1550-х гг. еще позволял служилым казакам управляться собственными атаманами, не исключено, что даже выборными» [12, с. 167]. Что касается духовно-рыцарских орденов, то там высший капитул, состоявший из всех высших должностных лиц и наиболее уважаемых рыцарей, избирал пожизненно великого магистра, который утверждался Папой Римским.

Однако со временем, по мере пополнения сообщества представителями разных этносов, конфессий и социальных слоев, казачье сообщество, в поисках понятной всем системы сосуществования, должно было упростить свою социальную структуру, «понизить» ее до обычной военной демократии. Так, в 1592 г. во время приема жалования казаки заявили, «что у них больших нет никого, все равны» [3, с. 182]. Возник круг, где носители оружия становились лицом к лицу и принимали решения и избирался атаман, наделенный полномочиями провести эти решения в жизнь. Ему в помощники выбирался есаул (или два есаула). Голос атамана считался равным голосу простого казака. Атаманом мог стать каждый достойный. В словесной формуле «атаманы-молодцы» и поговорке «Казаки все наголо атаманы» – выражалась идея их равенства в возможностях [13, с. 46].

Однако в XVI в. единого войска на Дону еще не было, как и единого атамана. В грамоте царя Иоанна Грозного от 3 января 1570 сказано: «Донским атаманам и казакам... тем бы вы Нам послужили... а Мы вас за службу жаловать хотим» [14, с. 9].

Власть в руках держали атаманы отдельных шаек. Михаил Черкашенин стал первым атаманом низового Войска примерно с 1570 г. Отряды казаков были малочисленны. Д.М. Володихин, описывая участие казаков в обороне Пскова в 1581–

1582 гг., когда М. Черкашенин и погиб, считает, что «вольных донских казаков, прибывших во Псков во главе с Михаилом Черкашенином и Степаном Суконкиным, было всего 224 человека, считая командиров» [15, с. 47].

В 1580–1590-е годы все известные фигуранты на Дону – атаманы низового Войска. В этом низовом Войске мы видим по 2–3 атамана. За 1592 г. названы Семен Воейков, Василий Жигулин, Иван Нос, Иван Федоров, Иван Федоров Трубечких, Василий Кабан, Прокофий Трубчанин и с ними «многие атаманы и казаки» [3, с. 247].

При этом проявляются две тенденции. Первая – уже названное стремление к равенству. Вторая – концентрация власти. После Смутного времени главным атаманом среди других считается Смага Чертенский. Атаман Игнат Бедрищев говорил в Москве «от Смаги Чертенского с товарищи снизу доверху». В 1615 г. главными атаманами Войска называются Смага и Епиха Радилов, в 1617–1618 гг. – Радилов и Мартемьянов. С 1621 г. называется имя одного атамана [3, с. 248]. Естественно, встает вопрос – куда подевались атаманы мелких шаек?

Бывшие атаманы формально становились рядовыми, но их посылали со станицами в Москву, переизбирали. Создается впечатление, что бывших атаманов держат про запас как хороших работников, «...войсковыми атаманами избирались те, кто имел атаманский опыт» [3, с. 245]. Смага Чертенский избирался с перерывами до 1623 г. В их руках сохранялась реальная, пока еще неформальная власть. Заслуживает внимания мнение А.В. Малова и Н.И. Никитина: «Главную роль в жизни казачьих общин, в том числе в принятии решений на кругу, играли «старые казаки» (старожила, противопоставляемые в московских документах казакам «новым»), из числа которых обычно избирали атаманов» [5, с. 125]. Эти неформальные лидеры – «господа старые казаки» – оказывали влияние на жизнь всего Войска.

При сильных неформальных лидерах за избранным на кругу атаманом оставалась исполнительная власть и еще одна важная функция – представительство [3, с. 215]. И всё это, видимо, под жестким контролем.

Любое сообщество имеет некую спайку на этнической, религиозной или даже родственной основе. Варлам Шаламов нашел стремление иметь таковую даже в «воровском мире»: «Воры действуют всегда в компании – одинокий блатарь невозможен. Публичность кутежей, «правил» в воровском подполье нужна и большим, и малым ворами. Нужно принадлежать к какому-то миру, искать и находить там помощь, дружбу, совместное дело» [16].

Если такое сообщество не уверено в благоприятном исходе задуманного дела, то на роль лидера оно выдвинет способного человека, но такого, которого не жалко «сдать». Именно поэтому среди атаманов мы замечаем много людей «нерусского» происхождения. Самый прославленный (до Ермака Тимофеевича) атаман Михаил Черкашенин назывался современниками-иностранцами бывшим «королевским подданным» [15, с. 56].

Знаменитый Андрей Корела, который «просто спился» [3, с. 139], был лифляндским уроженцем финского происхождения. (Не зря современные финны установили у себя сухой закон).

Выходцем из Тарнополя был Иван Мартинович Заруцкий, от которого донцы в конце Смуты отшатнулись.

Даже если атаман и не подставное лицо, нельзя забывать специфику сообщества: «Главарь – собственно, руководит бандой, но учтите, что абсолютная

монархия невозможна, так как банда идет лишь с теми, с кем выгодно идти, так что главарь – понятие относительное, один неверный шаг, и либо смерть, либо изгнание и вечный позор» [17]. А иногда ему заранее отводится роль подставной фигуры. У казаков был опыт выдвижения самозванцев. «Лжепетр, в отличие от Лжедмитрия I, не был инициатором нового движения, а лишь символической фигурой, необходимой казакам» [7, с. 176].

В данном нарративе, на первый взгляд, мы необоснованно обращаемся к опыту криминальных структур. Но не зря А.В. Малов и Н.И. Никитин задались вопросом: «насколько допустимо ставить на одну доску уголовные и казачьи сообщества России XVI–XVII вв.» и пришли к выводу, что «до определенного момента – вполне допустимо» [5, с. 150]. А.Л. Станиславский считал: «В организации разбойничьих и казачьих отрядов было много общего» [18, с. 26–27]. Он обращался к мнению Л. Самойлова: «В этой связи интересно проведенное Л. Самойловым сближение первобытного общества и современного уголовного мира в исправительно-трудовой колонии (например, общей для них трехкастовой структуры)» [18, с. 244]. Действительно, Лев Самойлов пишет: «Сообщество уголовников в лагере четко разделяется на три касты (*масти*). В нашем лагере они назывались: воры, мужики и чушки». [19]. Возможно, А.Л. Станиславский увидел в этом схожесть с «господами старыми казаками», просто казаками и «чурами» (молодыми людьми, находящимися на стадии ученичества у казаков).

Если мы допускаем на определенном этапе сравнение разбойничьих и казачьих структур, то объяснение такого явления, как выдвижение в атаманы человека, которого потом можно «сдать», попытаемся найти в традициях криминального мира.

Опыт сицилийской мафии указывает: «Помимо “босса” и “исполняющего обязанности босса”, некоторые семьи иногда официально или неофициально использовали должности подставного босса (*front boss*) и уличного босса (*street boss*). “Подставной босс” обычно назначается чтобы действовать как босс, отвлекая внимание полиции от фактического руководителя семьи, действующего за кулисами. “Уличный босс” обычно рассматривается как доверенное лицо или заместитель босса, координирующий, контролирующий и управляющий уличными операциями от имени босса, который предпочитает оставаться за кулисами (либо по собственному желанию, либо не желая привлекать внимание полиции)» [20].

Вряд ли выдвижение в атаманы подставного лица было явлением постоянным, сравнимое с «нежеланием привлекать внимание полиции». «Полиция», если понимать под ней центральную российскую власть, большую часть XVI и XVII вв. имела целый ряд более важных проблем.

Видимо, в атаманы попадали волевые, сильные люди, отстаивающие свои взгляды и идущие на конфликт.

Весь XVII век мы наблюдаем, как круги смещают атаманов: в 1630 г. сместили атамана Волокиту Фролова, при нем отношения с Москвой ухудшились. Атаман Каторжный сменил Волокиту Фролова и наладил отношения с Москвой, но уклонился от присяги. В 1641 г., через три недели после начала осады Азова, казаки сняли с атаманства Наума Васильева и поставили Осипа Калуженина. В 1656 г. снова сняли Наума Васильева после неудачного похода на Азов [3, с. 233].

После сдачи казаками Азова и понесенных ими страшных потерь наблюдается частая смена атаманов. И. Каторжный и П. Чесночихин меняют друг друга. В 1646 г. три месяца атаманит Осип Калуженин. Н.А. Мининков считает, что за каждым

атаманом стоит «партия» казаков. За Каторжным – ветераны, за Чесночихиным – молодые казаки и прибывшие на Дон в 1646 г. За Калужениным – участники азовской обороны [3, с. 250].

Стоит обратить внимание, что «узок круг» выдвигаемых в атаманы лиц.

Епифан Радилов бывал атаманом с перерывами с 1613 по 1630 г., Иван Каторжный – с 1633 по 1648 г., Наум Васильев – с 1639 по 1656 г., Осип Петров Калуженин – с 1641 по 1663 г., Павел Федоров Чесночихин – с 1645 по 1650 г., Корнила Яковлев – с 1661 по 1680 г.

Сложная и даже запутанная история с атаманством Степана Разина, которого «сдал» крестный отец и даже ехал перед телегой с Разиным со знаменем [3, с. 426], нуждается в специальном исследовании относительно нашего контекста. То же самое относится к атаманству Кондратия Булавина (хотя Разин не был законным атаманом Войска, а Булавин был избран на казачьем круге). Но явно подставная фигура – Петр Емельянович Рамазанов.

А.И. Ригельман писал, что после Булавинского мятежа царь казаков простил и «пожаловал же им из них же в войсковые Атаманы Петра Емельянова сына Рамазанова по смерти его», за что казаки «молебствовали везде о многолетнем здравии Его Величества» [21, с. 149].

Как видно из указа, посланного на Дон в январе 1711 г. князем Василием Долгоруким, П. Рамазанова выбрали сами казаки. В. Долгорукий писал, что «при отъезде своем из Черкасского приказал вам именным его великого государя указом выбрать войскового атамана доброго и правдивого человека, который бы служил ему, великому государю, верно, безо всякой шатости и измены, и в Черкасском на Зерщиково место выбран был войсковым атаманом Петр Емельянов» [22, л. 4]. Видимо, царь избрание Рамазанова утвердил, за что казаки и молились о его, царском, многолетнем здравии.

В своей интересной статье «Биография атамана Войска Донского Петра Емельянова: источниковедческие аспекты реконструкции» [23] Д.В. Сень приводит суждение о том, что неграмотного и отягченного «нелестными характеристиками» Рамазанова казаки избрали атаманом в августе-сентябре 1708 года [23, с. 197].

Как здесь не вспомнить фразу князя Долгорукова, подавившего восстание Булавина: «В лице выберут дураков, а сами из-за них воруют...» [24, с. 185]. В 1702 г. будущий атаман «засветился» в Москве – гостинной сотни купец Григорий Милекин бил челом на Петра Рамазана об отнятых им у жены купца пожитках и платье [5, с. 710]. Вот его казаки и выбрали...

Е.П. Савельев характеризует его как «человека ограниченного и мало известного» [25, с. 412]. Тем не менее Д.В. Сень считает, что Петр Рамазанов был фигурой известной. Это был черкасский житель, связанный с торговцами и работоторговцами – «его хорошо знали торговые армяне и ногайцы, включая работоторговцев» [23, с. 202]. Его привлекали к посредническим и обменным мероприятиям с турками, татарами и ногайцами. Боевыми подвигами он не прославился. Зато имел в Черкаске восемь лавок, которые отдавались в наем разным купцам погодно [23, с. 195].

Петр I, судя по всему, понимал суть этого избрания, но специально продержал П. Рамазанова на атаманском посту до самой смерти этого проходимца, хотя сами казаки вскоре завалили царя доносами о многочисленных и разнообразных злоупотреблениях П. Рамазанова. Что ж, от этих злоупотреблений в первую очередь страдали они сами.

В 1715 г. П. Рамазанов умер. Следующие атаманы избирались уже не всем кругом, «а старшинами и казаками близлежащих станиц, единомышленниками старшин» [25, с. 413]. Царь мог утвердить, а мог и не утвердить избранного.

Так, в 1723 г. умер атаман Василий Фролов, потомок любимого царем Фрола Минаева. На атаманскую должность был избран Иван Матвеевич Краснощеков, но он находился под судом по делу «об обидах турок из Кафы», и царь назначил атаманом неграмотного Андрея Лопатина [25, с. 412]. Впрочем, Краснощеков тоже был неграмотен.

Лопатин продержался у власти более 10 лет. В 1735 г. он умер, и атаманом был назначен Иван Иванович Фролов, внук Фрола Минаева, зять Андрея Ивановича Лопатина.

Ю.Д. Гражданов в свое время проследил, как менялась формула обращения центральной российской власти к атаману. В 1725 г. указ Екатерины I от 9 февраля был адресован «на Дон, в нижние и верхние юрты, войсковому атаману Андрею Лопатину и всему войску Донскому», в 1728 г. в указе Петра II от 9 сентября Андрей Лопатин именуется «нашим войсковым атаманом», а в указе Анны Иоанновны от 8 марта 1736 г. «нашими» т.е. имперскими подданными называются все «атаманы и казаки», а к имени войскового атамана добавлено – «наказный» [26, с. 38].

В 1738 г. атаманом был назначен Данила Ефремович Ефремов, при котором атаманская власть на Дону чуть ли не стала наследственной и слово «наказный» не употреблялось. Г.Г. Небратенко и Е.И. Куксенко считают, что «в 1723–1738 гг. руководители Войска Донского официально именовались “наказными атаманами”, но для возвышения престижа соответствующей должности старшина Данила Ефремович Ефремов “исходатайствовал” для себя соответствующий пост с прежним наименованием, хотя данная трансформация уже не отражала реального положения войскового атамана» [27, с. 142].

Второй случай «династического» брака имел место между семьями атаманов Данилы Ефремова и того же Андрея Лопатина. Данила Ефремов женил сына Степана на дочери Лопатина Евдокии Андреевне.

И Данила, и Степан Ефремовы доказали свою приверженность царской власти. Они являлись потомками известного Ефрема Петрова, казненного К.А. Булавиным. А Степан Ефремов еще и участвовал в «Петергофском походе», помогал взойти на престол Екатерину II. Доверие царской власти к таким людям было велико. Причем при отсутствии какого-либо законодательства или органа, формально ограничивающего власть атамана, власть эта стала практически безграничной.

По поводу отстранения Степана Ефремова от власти, из-за того что вскрылись неслыханные злоупотребления [28], можно пока привести высказывание А.И. Ригельмана: Ефремов «возгордел уже своим состоянием и возмечтал о себе выше меры, не стал, наконец, повиноваться многим Указам, даже и посылаемым к нему грамотам», за что был арестован, осужден и сослан [21, с. 161–162]. В Войско был временно назначен новый атаман, Семен Сулин, и вскоре произошла смена формы правления – вместо Канцелярии было создано Гражданское правительство.

С отстранением от власти атамана Степана Ефремова донская олигархическая верхушка сохранилась, вместе с С.Д. Ефремовым никто не пострадал, не был подвергнут репрессиям. И это очень похоже на очередную «сдачу» атамана.

Следующие атаманы подбирались властью по тому же принципу – из людей, доказавших свою преданность самодержавию. А.И. Иловайский отличился при поимке Е.И. Пугачева, В.П. Орлов был командиром придворной казачьей команды. М.И. Платов тоже был вернейшим человеком, любимцем Г.А. Потёмкина.

Однако полного доверия между российской властью и донской казачьей верхушкой не было, и даже вернейшему из верных Матвею Платову в 1812 г. А.П. Ермолов выговаривал: «Вы почитаете себя лишь союзниками русского государя, но никак не подданными его» [29, с. 130]. В 1827 г., после восстания декабристов, император Николай I, помня настрой общества и судьбу некоторых российских императоров, в том числе и судьбу своего отца Павла Петровича, в определенной мере разуверился в дворянстве и сделал ставку на казаков, ибо среди декабристов таковых не было. В 1827 г. верховным атаманом всех казачьих войск был объявлен наследник престола и со временем даже стал шефом донского Атаманского полка, переведенного в Санкт-Петербург. А сам Николай Павлович даже похоронить себя завещал в казачьем мундире, хотя обычно царей хоронили в мундире Преображенского полка. Назначение наследника престола верховным атаманом всех казачьих войск связало эти военные структуры с императорской фамилией новой нитью. Атаманы войск с 1836 по 1917 г. вновь стали называться «наказными». Наследника престола, как и любого атамана, старались держать в курсе всего, что делается среди казаков, поздравляли с любым событием в его семье и иногда отмечали такие события, в зависимости от значимости, молебнами и салютами. Традицию салютов в честь рождений и бракосочетаний в императорской семье ввел М.И. Платов. Но при всем этом на пост Войсковых атаманов какое-то время назначали природных донских казаков. И они отстаивали за собой права бесконтрольного (хотя бы частично) управления Войском. Так, 3 (15) декабря 1812 г. М.И. Платов, докладывая о бое у Ковно, сделал интересное замечание: «урон с нашей стороны, благодарение Богу, весьма не велик, в прочем, в войске Донском в рассуждении урона в бывших на прошедших днях сражениях ведется домашний счет» [30, с. 296]. То есть казаки сами вели подсчет своих потерь, и этот счет не всегда совпадал с официальными данными. Кстати, М.И. Платов умер, так и не отчитавшись о 800 тысячах рублей, полученных после наполеоновских войн из казны «на удовлетворение претензий казачьих полков» [31, с. 423].

Последним атаманом из природных донских казаков был Максим Григорьевич Власов, происходивший из казаков станицы Раздорской, первой столицы донских казаков, что было очень символично.

Таким образом, донской атаман как должность (или статус) прошел путь от ставленника сообщества до ставленника центральной российской власти. Мы имеем примеры противостояния атамана и казачьего круга и смещения кругом ряда атаманов. Имеем явные признаки выдвижения сообществом на атаманский пост того или иного подставного лица. При этом интересы сообщества являются большей ценностью, чем интересы атамана или даже жизнь атамана. Но были ли атаманы признанными вождями, выросшими из группы неформальных лидеров, или это были заведомо подставные лица? Ясно, что это были люди «рисковые», несомненно, с долей артистизма, согласные рискнуть головой либо в интересах сообщества, либо ради самовыражения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов н/Д.: Издательство «ГинГо», 2001. 516 с.
2. Королев В.Н. Босфорская война. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2002. 704 с.
3. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1998. 512 с.
4. Мининков Н.А. Донское казачество на заре своей истории: Учебное пособие. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1992. 168 с.
5. Малов А.В., Никитин Н.И. Российское казачество на заре своей истории (XV–XVII века): исследования, справочные материалы, источники. М.: Изд-во «Снежный ком», 2023. 758 с.
6. Скрынников Р.Г. Иван Грозный: подробная биография. М.: Изд-во «Родина», 2022. 448 с.
7. Аксаян К.Э. К вопросу о роли казачества на заключительном этапе восстания Болотникова // Казачество на службе Отечества: к 370-летию Переяславской рады и присоединения Запорожского войска к России. Сборник научных статей. М.: Изд-во «Снежный Ком М» (ИП Штепин Д.В.), 2024. С. 169–181.
8. Пудавов В.М. История войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск: Изд-во «М.В. Пудавов», 1890. 328 с.
9. Скальковский А. История новой Сечи или последнего коша Запорожского. На основании подлинных документов Западного Сечевого Архива. Издание III. Ч. I. Одесса: Тип. А. Шульце, 1846. 378 с.
10. Эварницкий Д.И. История Запорожских казаков. В 3 т. Т. I. М.: Центрполиграф, 2017. 495 с.
11. Кондрико А.В. Система казачьего самоуправления в рамках российской государственности на примере Запорожской Сечи в сер. XVII – кон. XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 23 с.
12. Володихин Д.М. Древнейшие известия о русском казачестве в Никоновском летописном своде // Казачество на службе Отечества... С. 152–168.
13. Рудиченко Т.С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовской государственной консерватории им. С. В. Рахманинова, 2004. 512 с.
14. История лейб-гвардии казачьего Его Величества полка. 1775–1813–1875–1913. Часть первая. Составил Б.Р. Хрещатицкий. СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1913. 408 с.
15. Володихин Д.М. Участие казаков в обороне Пскова 1581–1581 годов // Казачество на страже Отечества. Сборник научных статей по истории русского казачества. М.: Изд-во «Снежный ком», 2023. С. 47–57.
16. Варлам Шаламов. Очерки преступного мира. URL: http://www.urantia-s.com/library/shalamov/ocherki_prestupnogo_mira/5 (дата обращения: 09.01.2025).
17. Особенности должностей. URL: https://vk.com/topic-12035971_21670071 (дата обращения: 09.01.2025).
18. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990. 270 с.
19. Лев Самойлов. Этнография лагеря. URL: e0archive_1990_1_096_samoilov.pdf (дата обращения: 09.01.2025).
20. DeStefano A.M. Gangland New York: The Places and Faces of Mob History. 2015.
21. Ригельман А.И. История о донских казаках. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1992. 224 с.
22. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 470. Л. 4.
23. Сень Д.В. Биография атамана Войска Донского Петра Емельянова: источниковедческие аспекты реконструкции // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития: материалы II Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 19–20 мая 2023 г.). Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2023. С. 192–205.
24. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. VIII. Т. 15–16. М.: Мысль, 1993. 639 с.
25. Савельев Е.П. История казачества с древнейших времен и до конца XVIII века. Историческое исследование в 3 частях. Репринтное воспроизведение изданий 1915–1918 годов. Часть 3. Ростов н/Д.: Памятники Отечества, 1990. С. 315–444.
26. Гражданов Ю.Д. Казачество России в XVII – нач. XX в. (Основные вехи истории и проблемы научных оценок // Донское казачество: история и современность. Волгоград: Тип. «Старая Сарепта», 2004. С. 34–49.
27. Небратенко Г.Г., Куксенко Е.И. Теория и история обычного права донских казаков. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2005. 248 с.
28. О Войсковом атамане Степане Ефремове // Труды Областного Войска Донского Статистического комитета. Выпуск второй. Новочеркасск: Изд. ОВДСК, 1874. С. 48–64.

29. *Погодин М.П.* Генерал Ермолов. Сражения и победы легендарного солдата империи, героя Эйлау и Бородина и безжалостного покорителя Кавказа. М.: Центрполиграф, 2017. 527 с.
30. Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814. Сборник документов. Ростов н/Д., 2012. 752 с.
31. *Венков А.В.* Атаман Войска Донского Платов. М.: Изд-во «Вече», 2008. 480 с.

REFERENCES

1. Sukhorukov V.D. *Istoricheskoe opisanie Zemli Vojska Donskogo* [Historical description of the Land of the Don Army]. Rostov-on-Don, Publishing house "GinGo", 2001. 516 p.
2. Korolev V.N. *Bosforskaya vojna*. [The Bosphorus War]. Rostov-on-Don, Publishing house of Rostov State University, 2002. 704 p.
3. Mininkov N.A. *Donskoe kazachestvo v ehpokhu pozdnego Srednevekov'ya (do 1671 g.)* [The Don Cossacks in the Late Middle Ages (before 1671)]. Rostov-on-Don, Publ. House of Rostov State University, 1998. 512 p.
4. Mininkov N.A. *Donskoe kazachestvo na zare svoej istorii: Uchebnoe posobie* [The Don Cossacks at the dawn of their history: A textbook]. Rostov-on-Don, Publ. House of the Rostov State University, 1992. 168 p.
5. Malov A.V., Nikitin N.I. *Rossiyskoe kazachestvo na zare svoej istorii (XV–XVIII veka): issledovaniya, spravochnye materialy, istochniki* [The Russian Cossacks at the dawn of their history (XV–XVIII centuries): research, reference materials, sources]. Moscow, Publ. House "Snowball", 2023. 758 p.
6. Skrynnikov R.G. *Ivan Groznyj: podrobnaya biografiya* [Ivan the Terrible: a detailed biography]. Moscow, Rodina, 2022. 448 p.
7. Aksanyan K.E. *K voprosu o roli kazachestva na zaklyuchitel'nom etape vosstaniya Bolotnikova* [On the role of the Cossacks at the final stage of the Bolotnikov Uprising]. *Kazachestvo na sluzhbe Otechestva: K 370-letiyu Pereyaslavskoy rady i prisoedineniya Zaporozhskogo voyska k Rossii* [Cossacks in the service of the Fatherland: On the 370th anniversary of the Pereyaslav Rada and the annexation of the Zaporozhian army to Russia. Collection of scientific articles]. Moscow, Publ. House "Snowball M" (IP Shtepin D.V.), 2024. P. 169–181.
8. Pudavav V.M. *Istoriya voyska Donskogo i starobytnost' nachal kazachestva* [The history of the Don army and the antiquity of the beginnings of the Cossacks]. Novocherkassk, Publ. house "M.V. Pudavov", 1890. 328 p.
9. Skalkovsky A. *Istoriya novoy Sechi ili poslednego kosha Zaporozhskogo. Na osnovanii podlinnykh dokumentov Zapadnogo Sechevogo Arkhiva* [The history of the new Sich or the last Kosh of Zaporizhia. Based on the original documents of the Western Sich Archive]. Edition III. Part I. Odessa, A. Schulze Printing House, 1846. 378 p.
10. Evarnitsky D.I. *Istoriya Zaporozhskikh kazakov* [The history of the Zaporozhian Cossacks]. In 3 volumes, T. I. Moscow, Tsentrpoligraf, 2017. 495 p.
11. Kondriko A.V. *Sistema kazach'ego samoupravleniya v ramkakh rossijskoj gosudarstvennosti na primere Zaporozhskoy Sechi v ser. XVII – kon. XVIII v.* [The system of Cossack self-government within the framework of Russian statehood on the example of the Zaporozhian Sich in the 17th–19th century]. *Extended abstract of candidate's thesis (Historical Sciences)*. Moscow, Moscow State Regional University, 2015. 23 p.
12. Volodikhin D.M. *Drevnejšie izvestiya o russkom kazachestve v Nikonovskom letopisnom svode* [The oldest news about the Russian Cossacks in the Nikon chronicle]. *Kazachestvo na sluzhbe Otechestva* [Cossacks in the service of the Fatherland ...]. P. 152–168.
13. Rudichenko T.S. *Donskaya kazach'ya pesnya v istoricheskom razvitii* [The Don Cossack song in historical development]. Rostov-on-Don, Publishing house of the Rostov State Conservatory named after S.V. Rachmaninov, 2004. 512 p.
14. *Istoriya lejbgvardii kazach'ego Ego Velichestva polka. 1775–1813–1875–1913* [History of the Life Guards of His Majesty's Cossack Regiment. 1775–1813–1875–1913]. Part one. Compiled by B.R. Khreschatytsky. St. Petersburg, Partnership of R. Golike and A. Vilborg, 1913. 408 p.
15. Volodikhin D.M. *Uchastie kazakov v oborone Pskova 1581–1581 godov* [Participation of Cossacks in the defense of Pskov in 1581–1581]. *Kazachestvo na strazhe Otechestva* [The Cossacks are on guard of the Fatherland]. Collection of scientific articles on the history of the Russian Cossacks. Moscow, Publ. house "Snowball", 2023. P.47–57.
16. Varlam Shalamov. *Ocherki prestupnogo mira* [Essays on the criminal world]. URL: http://www.urantia-s.com/library/shalamov/ocherki_prestupnogo_mira/5
17. *Osobennosti dolzhnostej* [Features of positions]. URL: https://vk.com/topic-12035971_21670071
18. Stanislavsky A.L. *Grazhdanskaya vojna v Rossii XVII v.: Kazachestvo na perelome istorii* [The Civil War in Russia of the XVII century: The Cossacks at the turning point of history]. Moscow, Publ. House "Mysl", 1990. 270 p.
19. Lev Samoilov. *Ehtnografiya lagerya* [Ethnography of the camp]. URL: eoarchive_1990_1_096_samoilov.pdf

20. DeStefano A.M. Gangland New York: The Places and Faces of Mob History. 2015.
21. Rigelman A.I. *Istoriya o donskih kazakah* [The story of the Don Cossacks]. Rostov-on-Don, Publ. House, 1992. 224 p.
22. *Gosudarstvennyj arkhiv Rostovskoj oblasti* [The State Archive of the Rostov region]. Archives 55. Anagraph 1. Document 470. Vol. 4.
23. Sen' D.V. *Biografiya atamana Vojska Donskogo Petra Emel'yanova: istochnikovedcheskie aspekty rekonstrukcii* [Biography of ataman of the Don Army Peter Yemelyanov: source aspects of reconstruction]. *Arhivy i arhivnoe delo na Yuge Rossii: istoriya, sovremennost', perspektivy razvitiya: materialy II Vserossijskoj nauchnoj konferencii* [Archives and archival work in the South of Russia: history, modernity, development prospects: Materials of the III All-Russian Scientific Conference (Rostov-on-Don, May 19–20, 2023)]. Rostov-on-Don; Taganrog, Southern Federal University Press, 2023. P.192–205.
24. Solovyov S.M. *Sochineniya* [Essays]. In 18 books VIII. Vol. 15–16. Moscow, Mysl, 1993. 639 p.
25. Savelyev E.P. *Istoriya kazachestva s drevnejshikh vremen do konca XVIII veka* [The history of the Cossacks from ancient times to the end of the XVIII century]. Historical research in 3 parts. Reprint reproduction of editions from 1915–1918. Rostov-on-Don, 1990. P. 315–446.
26. Grazhdanov Yu.D. *Kazachestvo Rossii v XVII – nach. HH vv. (Osnovnye vekhi istorii i problemy nauchnyh ocenok)* [The Cossacks of Russia in the XVII – beginning. XX centuries. (The main milestones in the history and problems of scientific assessments)]. *Donskoe kazachestvo: istoriya i sovremennost'* [The Don Cossacks: history and modernity]. Volgograd, Staraya Sarpepta Publisher, 2004. P. 34–49.
27. Nebratenko G.G., Kuksenko E.I. *Teoriya i istoriya obychnogo prava donskih kazakov* [Theory and history of customary law of the Don Cossacks]. Rostov-on-Don, Publishing house of Rostov. University, 2005. 248 p.
28. *O Vojskovom Atamane Stepane Efremove* [About the Military Chieftain Stepan Yefremov]. *Trudy Oblastnogo Vojska Donskogo Statisticheskogo komiteta* [Proceedings of the Regional Army of the Don Statistical Committee]. Issue 2. Novocherkassk, Publication of the Regional Army of the Don Statistical Committee, 1874. P. 48–64.
29. Pogodin M.P. *General Ermolov. Srazheniya i pobedy legendarnogo soldata imperii, geroya Eylau i Borodina i bezzhalostnogo pokoritelya Kavkaza* [General Ermolov. Battles and victories of the legendary soldier of the Empire, the hero of Eylau and Borodin and the ruthless conqueror of the Caucasus]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2017. 527 p.
30. *Donskoe kazachestvo v Otechestvennoj vojne 1812 g. i zagranichnykh pohodakh russkoj armii 1813–1814* [The Don Cossacks in the Patriotic War of 1812 and the foreign campaigns of the Russian army of 1813–1814]. *Collection of documents*. Rostov-on-Don, 2012. 752 p.
31. Venkov A.V. *Ataman Vojska Donskogo Platov* [Ataman of the Don Army Platov]. Moscow, Publishing house “Veche”, 2008. 480 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВЕНКОВ Андрей Вадимович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация; Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

VENKOV Andrey Vadimovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation.

E-mail: andrey_venk@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-4455-2822

© A.B. Венков, 2025.

Дата поступления в редакцию: 12.02.2025.
Дата принятия статьи: 10.03.2025.

УДК 930

ПАНЕГИРИК ИЛИ ЭКСПЕРТНОЕ СУЖДЕНИЕ: ЮБИЛЕЙНЫЕ ПЕРСОНАЛИИ ИСТОРИКОВ-КАЗАКОВЕДОВ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

© 2025 г. А.П. Скорик

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова
(Новочеркасск, Россия)

Аннотация. В последние годы в исторической науке развернулась дискуссия о предмете историографии и историографических источниках, и она носит теоретико-методологический характер. С неоклассических позиций в статье анализируется понятие «историографический источник» и дается его авторское толкование.

В работе предлагается оригинальная интерпретация юбилейных персоналий историков-казаковедов в качестве одного из видов историографических источников, рассматриваются ключевые маркеры понятия. Эмпирической основой для обоснования научной целесообразности применения в исследовательской практике такого историографического источника избрано научное творчество известного ростовского историка-кавказоведа Д.В. Сеня и вышедшие к его 50-летию публикации персонального характера в ряде региональных научных журналов. На этом примере доказывается не только обоснованность выделения персоналий историков в самостоятельный вид (группу) историографических источников, но и реальная необходимость публикаций персоналий историков для развернутого историографического анализа их произведений.

Ключевые слова: автонаратив, диссертация, историографический источник, казакосведение, панегирик, персоналия историка, признаки понятия, публикации, учитель в науке, экспертная оценка.

EULOGY OR EXPERT OPINION: JUBILEE PERSONALITIES OF COSSACK HISTORIANS AS A HISTORIOGRAPHICAL SOURCE

A.P. Skorik

M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI) (Novocherkassk, Russia)

Abstract. In recent years, there has been a discussion in historical science about the subject of historiography and historiographical sources, and it is of a theoretical and methodological nature. From a neoclassical perspective, the article analyzes the concept of a “historiographical source” and gives its author’s interpretation. The paper offers an original interpretation of the jubilee personalities of Cossack historians as one type (group) of historiographical sources, and examines the key markers of the concept. The empirical basis for substantiating the scientific expediency of using such a historiographical source in research practice is chosen by the scientific work of the famous Rostov historian of the Caucasus D.V. Senya and personal publications published by his 50th anniversary in a number of regional scientific journals. This example proves not only the validity of separating the personalities of historians into an independent type (group) of historiographical sources, but also the real need for the publication of personalities of historians for a detailed historiographical analysis of their works.

Keywords: autonarrative, dissertation, historiographical source, Cossack studies, panegyric, personality of the historian, signs of the concept, publications, teacher in science, expert assessment.

Более 15 лет назад в своем научном дискурсе мы предметно обратились к жанру персоналий историков, что тогда было обусловлено личностным стремлением разобраться в научном творчестве одного из наших Учителей, известного ростовского историка-казаковеда, доктора исторических наук, профессора А.И. Козлова. В серии наших публикаций на обозначенную тему самой обстоятельной оказалась статья «Донской историк Александр Иванович Козлов», опубликованная в московском

журнале «Вопросы истории» [1, с. 109–115]. Статья привлекла внимание признанного историографа Северного Кавказа (к сожалению, безвременно ушедшей из жизни), главного научного сотрудника лаборатории истории и этнографии ЮНЦ РАН доктора исторических наук, профессора Т.П. Хлыниной. Мы долго с Татьяной Павловной обсуждали особенности и сложности этого жанра исторических исследований, обращение к которому требует предметной подготовки, прежде всего в плане поиска правомерного баланса между желанием воздать должное рассматриваемой личности историка и конструктивной критикой его взглядов, между изложением примечательных фактов биографии и раскрытием своеобразия творческой лаборатории ученого, между тенденциями современной историографии и личностным реагированием профессионального историка на актуальные вызовы времени.

И вот спустя много лет мы решили вернуться к продолжению того давнего разговора с Татьяной Павловной, а поводом для этого послужило 50-летие ростовского историка, профессора Института истории и международных отношений Южного федерального университета, доктора исторических наук Д.В. Сenea. Безусловно, Дмитрий Владимирович – это один из самых успешных, востребованных и продуктивных историков-казаковедов, внесший значительный личностный вклад в сохранение и популяризацию исторического наследия донского казачества, ведущий многолетнюю эффективную научно-образовательную деятельность, за что он получил медаль ордена «За заслуги перед Ростовской областью», но цель настоящей статьи заключается не в том, чтобы создать некий панегирик в его честь, а установить, какие именно предикаты в юбилейных персоналиях историков-казаковедов имеют историографическое значение, и доказать значение личностно ориентированных публикаций как отдельной (самостоятельной) группы (вида) историографических источников.

В отношении понятия «историографический источник» в методологии исторической науки существуют различные подходы, и, как правомерно пишет доцент кафедры отечественной истории средних веков и нового времени Института истории и международных отношений ЮФУ Д.П. Исаев, «сегодня, когда появились предложения отказаться от его использования, возникает потребность в целостном взгляде на попытки содержательного определения, практики использования, эволюцию понятия за эти полвека (после появления. – А. С.), чтобы подумать о его дальнейших перспективах» [2, с. 100]. Но если Дмитрий Петрович говорит о постановке проблемы, то профессор кафедры истории России и зарубежных стран историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, доктор исторических наук Н.Н. Алеврас предлагает радикальные перемены в предметной области историографии. Наталия Николаевна подчеркивает: «Субъективный фактор в истории исторической науки всё больше привлекает внимание ученых, так как индивидуальное научное творчество, персональная судьба историка и его наследия, характер системы его межличностных отношений позволяют развернуть взгляд историографа в глубины творческого процесса. Вследствие этого в предметное поле историографии настойчиво входит “бытийная” составляющая научной жизни (“историографический быт”), включающая многообразные практики и поведенческие стратегии историко-научного сообщества на ниве его движений к достижению научного результата – нового исторического знания» [3, с. 175]. Такой подход, если следовать логике суждений и точке зрения челябинского историка, вытесняет из предметной области историографии концепции историков,

историографические факты, историографические источники, этапы и периоды, тенденции, достижения, лакуны, иные элементы историографии.

Но вряд ли приведенные суждения Н.Н. Алеврас отменяют историографическую аксиому, выведенную историком Л.Н. Пушкарёвым еще 50 лет назад о том, что «историографический анализ в качестве неперменного и обязательного этапа включает в себя выявление и анализ историографических источников того или иного исследования» [4, с. 73]. И далее Лев Никитич писал: «Задачи источниковеда и историографа в этом отношении почти идентичны: важно найти такой первоисточник, который самостоятельно, независимо от других и при данном состоянии науки хронологически впервые по сравнению с другими источниками непосредственно отобразил в своем содержании интересующий нас факт, явление, событие и т.д.» [4, с. 73]. Вот с таких позиций юбилейные персоналии историков выступают самостоятельным и, главное, наиболее репрезентативным историографическим источником, ибо биографическая дата ученого обязывает, как говорится, сверить часы.

Мы солидарны с профессором Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики (г. Самара), доктором исторических наук Г.М. Ипполитовым в том, что «к категории историографических источников можно отнести **разнотипные исторические источники**, содержащие информацию **о творчестве и жизни известных историков** (выделено нами. – А. С.), о возникновении и развитии исторического образования и науки, о характерном для каждой эпохи политическом и научном мышлении» [5, с. 189]. Такая позиция Георгия Михайловича, на наш взгляд, развивает методологические подходы, заложенные известными российскими источниковедами С.О. Шмидтом и Л.Н. Пушкарёвым. Первый из упомянутых классиков источниковедения подчеркивал: «Историографическим источником можно признать всякий источник познания историографических явлений», а второй – расширил и существенно детализировал эту трактовку: «Историографический источник – часть исторического источника. Под историографическим источником следует подразумевать любой исторический источник, содержащий данные по истории исторической науки... Любой исторический источник, касающийся хотя бы косвенно фактов истории исторической науки, может быть отнесен к числу историографических источников» [6, с. 112, 102–103]. И, конечно же, подлежит корректировке прежде совершенно незыблемая формулировка партийного историографа, профессора Н.Н. Маслова: «К историографическому источнику надо относить только труд ученого-историка, воплощенный в статье, монографии, диссертации, рукописи, стенограмме или магнитофонной записи» [7, с. 31]. Такой историографический императив Николая Николаевича в свое время упорядочивал научные изыскания историков, а сегодня свобода научного творчества открывает новые исследовательские горизонты, поэтому активизировались дискуссии о природе и классификации историографических источников, а также форм и способов нарративизации «историй историков».

Остановимся на отдельных признаках понятия «юбилейная персоналия историка», которые характеризуют его в качестве историографического источника и позволяют решить дилемму: панегирик или экспертное суждение. Прежде всего, речь идет о методологических позициях исследователя, на которых базируются его научные изыскания и складывается научная биография. В нашем случае «стремление Д.В. Сеня к отходу от одностороннего освещения истории казачества к учету сложности отношений с соседними политическими образованиями и культурами

совпало с усилившимся вниманием отечественных историков к теории фронта, до того времени у нас по существу слабо известной» [8, с. 116]. Так оценивает методологические позиции историка его научный консультант по защищенной в 2009 г. докторской диссертации, профессор Н.А. Мининков, опубликовавший обозначенную юбилейную персоналию. Однако, по признанию самого Д.В. Сеня, он «испытал немалое влияние других теорий и концепций, других историографических течений и представлений (новая имперская история, концепция ментальных карт и воображаемой географии...)» [9, с. 56].

В юбилейных персоналиях историков традиционно отмечают защищенные кандидатские и докторские диссертации как знаковые вершины в научном творчестве. Историк-казаквед Д.В. Сень 20 сентября 1999 г. защитил в диссертационном совете Кубанского государственного университета по историческим наукам кандидатскую диссертацию «Социальная и военно-политическая история некрасовских казаков (1708 г. – конец 1920-х гг.)» (научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В.Н. Ратушняк, на тот момент заведующий кафедрой дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета). Это исследование получило высокую оценку научного сообщества и в дальнейшем стало основой для переизданной дважды авторской монографии [10; 11], где автор «особо подчеркивал, что некрасовцы составили органичную часть Первого Кубанского казачьего войска и были связаны происхождением с верховым донским казачеством, что само это войско образовалось на Кубани после прихода некрасовцев, пополнивших ряды донских казаков, бежавших на Кубань после поражения движения старообрядцев на Дону в 1686–1689 гг.» [8, с. 115]. Вместе с тем следует отметить полученные концептуальные замечания: «Так, по мнению Б.Е. Фролова и Н.А. Мининкова, автор недооценил роль религиозного фактора, говоря о причинах ухода части бывших булавинцев на Кубань в 1708–1709 гг. На взгляд В.Н. Королёва, правильней было бы считать некрасовцев особой этноконфессиональной группой не русского народа, но донского казачества. Кроме того, В.Н. Королёв, равно как Н.А. Мининков, полагает, что Д.В. Сень вряд ли прав, когда утверждает, будто в начале XVIII в. крымские и кубанские татары были схожи с донскими казаками в том, что все они были далеки от идеи государственности» [12, с. 240]. Как отмечает сам Дмитрий Владимирович, его старших оппонентов и многих коллег по цеху не устроил выдвинутый «тезис о том, что казаков-некрасовцев с полным основанием можно считать и называть *кубанскими казаками*»: «По-прежнему [я] убежден в своей научной правоте» [9, с. 58].

В успешной защите кандидатской диссертации Д.В. Сенем большая заслуга принадлежит научному руководителю, оценочные суждения о котором соискатель фиксирует следующим образом: «Крупный ученый и организатор науки, заведовал кафедрой дореволюционной отечественной истории... Я стал писать курсовые под началом профессора В.Н. Ратушняка, выступать на студенческих Неделях науки и пр. К слову, когда я сам подошел к Валерию Николаевичу и сказал, что хочу писать у него курсовую по казакам-некрасовцам, он ответил примерно так: «У меня уже был студент, который даже защищал диплом по этой теме». Меня это не остановило, профессор не стал возражать, и наш творческий тандем продолжился. В 1995 г., когда я был еще студентом-старшекурсником, именно В.Н. Ратушняк взял меня на первую в моей жизни «взрослую» научную конференцию Всероссийского масштаба в Ейске. Там я выступил с докладом на тему «К вопросу о характере

ухода на Кубань донских казаков в августе 1708 г.» и опубликовал небольшую работу, тоже первую в своей жизни [13, с. 13–15]. Впоследствии, когда я в 1996 г. поступил в аспирантуру по кафедре новейшей истории и социологии, В.Н. Ратушняк вместе с В.И. Чёрным выступили моими научными руководителями» [9, с. 54, 56–57]. К сожалению, профессор Владимир Иванович Чёрный (руководивший кафедрой новейшей отечественной истории в 1990–2015 гг. и работавший в 1989–2001 гг. проректором Кубанского госуниверситета) не перенес тяжелого течения коронавирусной инфекции и скончался 3 ноября 2021 г. в возрасте 75 лет. Профессор Валерий Николаевич Ратушняк 2 января 2025 г. отметил свое 85-летие, и к его юбилею вышел памятный сборник статей, в котором, естественно, помещена статья его ученика, Дмитрия Владимировича Сеня на тему: «Замирения» Войска Донского и османского Азова во второй половине XVII в.: продолжение или угасание традиции?» [14, с. 289–311]. «Учителя Д.В. Сеня, профессора В.Н. Ратушняк и В.И. Чёрный, – подчеркивает профессор Н.А. Мининков в опубликованной им юбилейной персоналии историка-казаковеда, – сформировали у него особый интерес к истории и культуре казаков-некрасовцев, более двух сотен лет живших за пределами своей исторической родины и сохранивших до Новейшего времени свои культурно-исторические особенности уже после возвращения в Россию в XX в.» [8, с. 115].

25 декабря 2009 г. Д.В. Сень защищает в диссертационном совете по историческим наукам Южного федерального университета докторскую диссертацию «Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XIX в.)» (научный консультант – доктор исторических наук, профессор Н.А. Мининков, на тот момент заведующий кафедрой специальных исторических дисциплин и документоведения ЮФУ), основные идеи которой нашли отражение в авторской монографии [15]. «На основании большого комплекса источников Д.В. Сень сделал вывод, что со второй половины XVII в. в отношениях между донскими казаками и мусульманскими соседями в Приазовье и Причерноморье наметился всё более ярко выраженный вектор, ранее не просматривавшийся или просматривавшийся слабо. Заключался он в развитии отношений неконфронтационной направленности, которые при этом вступили в противоречие с традицией, в основе которой лежала война против «турских и крымских басурман» [8, с. 116]. Так Николай Александрович оценивал научный вклад в казаковедение своего ученика. По мнению соискателя, «некрасовское движение было не только казусом, возникшим в конкретных условиях поражения Булавинского восстания. Оно органично вытекало из общих тенденций в развитии взаимоотношений донских казаков с их мусульманскими соседями, в которых всё более заметными становились не конфронтационные отношения» [8, с. 116].

Для многих ученых-историков, к сожалению, качественный профессиональный рост заканчивается после защиты двух (кандидатской и докторской) диссертаций, научно-квалификационных работ, подтверждающих высокий профессиональный уровень соискателя ученых степеней. Нельзя сказать, что обозначенная группа профессиональных историков затем лишь исключительно поживает на лаврах, но каких-то принципиально новых, прорывных исследований за частью наших коллег после прошедших защит уже практически не наблюдается. Поэтому важным маркером юбилейной персоналии историка является расширение и углубление исследовательского поля, видение новых ключевых проблем в изучаемом историческом пространстве, в чём проявляются эвристические и мотивационные качества

личности профессионального ученого-историка и о чём «говорят» создаваемые им научные тексты. Так, историк Д.В. Сень пошел значительно дальше в своих изысканиях и «особо выделил отношения, складывавшиеся в связи с положением, которое получил «Азов... после Азака». В частности, это касалось истории взятия Азова при Петре I, казалось, хорошо изученной. Д.В. Сень взглянул на ход этих событий не с традиционной, «русской» стороны, но со стороны ее противников, защищавших Азов, и такого малоизвестного сюжета, как участие ахреян в защите крепости» [8, с. 117]. В результате появился примечательный сюжет в творчестве историка, относительно недавно реопубликованный в его монографическом сборнике, где собраны ранее изданные, избранные труды Д.В. Сени [16, с. 136–169]. Историк увлекся изучением истории аппарата местного управления в российской провинции, «а также в Войске Донском. Частью аппарата управления была работа по переводу письменных документов и устной речи в ходе переговоров. Поэтому переводчики и толмачи стали одной из тем его исследования» [8, с. 117]. Итоги подобных научных изысканий воплотились в ряде публикаций, начиная с авторской статьи 2019 г., также включенной в монографический сборник 2020 г. [17, с. 73–83]. При изучении истории «государств, обществ, управленческих и делопроизводственных традиций в центре его внимания оказываются конкретные люди, как первого, так и второго исторического плана. В качестве такой личности, реальное значение которой было недооценено, Д.В. Сень указал царевича, «кубанского султана» Бахты-Гирея» [8, с. 117]. И таких вот, как обозначенный выше профессором Н.А. Мининковым [18, с. 286–303], исторических сюжетов, заново появившихся и получивших достойное осмысление в научном творчестве Дмитрия Владимировича, немало [19, с. 109–119; 20, с. 239–258; 21, с. 71–87]. Всего же в активе Д.В. Сени более 300 научных публикаций, и описать даже основные труды историка-казаковеда в одной статье не представляется возможным.

Но в целом «область его научных интересов широка и охватывает историю южного пограничья XVII – начала XIX в., военно-политическую историю Северного Кавказа указанного периода, историю пограничной дипломатии, устной и письменной коммуникации пограничных сообществ и местного населения с региональными администрациями нескольких государств, процессов управления Российской и Османской империями своими пограничными владениями на Северном Кавказе и на сопредельных территориях (в контексте итогов и последствий русско-турецких войн, а также истории русско-крымско-османских отношений)» [22, с. 469]. При этом очерчивание круга научных интересов любого профессионального ученого-историка вовсе не означает, что в его научном багаже не могут отложиться эксклюзивные работы. Так, «в творчестве «казаковеда Дмитрия Сени» появились сюжеты из области иудаики» [9, с. 58]. В результате вышла фундаментальная статья в журнале «Этнографическое обозрение» [23, с. 10–28] о горских евреях Северного Кавказа в условиях советской модернизации во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг.

У каждого профессионального ученого-историка есть своя индивидуальная траектория интеллектуального поиска, приводящая к желаемому научному результату. Описание такого связующего звена всех законченных и опубликованных работ историка выступает неотъемлемой чертой юбилейных персоналий, ибо оно характеризует творческую лабораторию ученого, которая обеспечивает его научные достижения. «Все исследования Д.В. Сени отличаются обоснованным выбором актуальной проблематики, исключительно глубоким знанием историографии.

Они построены на тщательной эвристической работе и глубоком эмпирическом анализе источниковой базы, способности его подводить итоги многолетних исторических исследований и выдвигать новые проблемы, соответствующие новому уровню осмысления исторических событий, явлений и процессов. Всё это нашло наглядное выражение в его анализе современной российской историографии Разинского восстания, с середины 90-х гг.» [8, с. 118]. Сегодня любой исследователь, обращающийся к проблематике массовых народных движений, непременно будет знакомиться с этим исследованием Д.В. Сеня [24, с. 232–263]. Коллеги по цеху ценят его отношение к выявлению новых исторических источников, ведь «историку довелось работать примерно в 20 российских и зарубежных архивах» [22, с. 469]. Сам же Дмитрий Владимирович говорит: «С глубочайшим уважением отношусь к понятию историографического факта, исторического факта, полагая двумя несущими столпами исторического знания историографию и источниковедение» [9, с. 56]. И такой исключительный автонаратив, наряду с множеством созданных историком-казаковедом научных текстов на основе многостороннего историографического анализа и глубокой проработки исторических источников, выступает индикатором высокого уровня профессионализма Д.В. Сеня, одного из лучших представителей регионального исторического сообщества и авторов оригинальных научных трудов по истории российского казачества. Именно произведения историков (и здесь мы полностью поддерживаем точку зрения профессора С.И. Маловичко, а также ряда других авторов), «созданные в самых разных формах» [25, с. 63], составляют базисную историографическую классификацию историографических источников, и, соответственно, многообразное авторское историческое сочинение (труд) «наиболее полно соответствует базовому понятию *историографический источник*» [26, с. 116]. Предложенный Сергеем Ивановичем неоклассический подход к пониманию историографического источника, на наш взгляд, сохраняет и сегодня свою актуальность.

Для российского исторического казаковедения большое значение имеют консолидация сциентистских усилий всех поколений исследователей, широкий обмен мнениями по актуальным темам в данном направлении исторической науки, проведение обстоятельных профессиональных дискуссий, позволяющих уточнить и усилить авторские позиции, выявить неизбежные коллизии исторического процесса и фальсификации истории, выступить в защиту исторической правды с фундированными аргументами. Новые научные достижения в историческом казаковедении должны получить достойную апробацию, для чего очень важны конференции, круглые столы, семинары и прочие формы научного диалога, и если в числе организаторов есть известные историки-казаковеды (но не временные попутчики и удачливые соискатели актуальных научных грантов), то это непременно привлекает к таким встречам высококвалифицированных профессионалов, признанных специалистов по определенным проблемам казаковедения, а научное мероприятие приобретает значимость и желаемую эффективность. Поэтому «особо следует отметить огромную работу Д.В. Сеня в качестве организатора Донского казаковедческого семинара, начавшего свою работу на базе ИИМО ЮФУ с 21 мая 2021 г. Семинар, в котором к настоящему времени было уже проведено семь заседаний (на момент подготовки настоящей статьи состоялось девять заседаний. – А. С.) с выступлениями известных исследователей России и ближнего зарубежья, поднимает разные актуальные и дискуссионные вопросы истории казачества – от эпохи позднего средневековья

до советского периода – и пользуется широкой известностью» [8, с. 119]. Как подчеркивает в этой связи сам Дмитрий Владимирович, «во главу угла мы ставим историко-компаративный метод при озвучиваемой характеристике какого-либо явления или события из жизни *разных* казачьих групп (войск). При этом у нас выступают каждый раз два докладчика, темы выступления которых заранее известны обоим... Всем выступающим предлагается рефлексировать по поводу мотивов и причин, обусловивших их *личный* научный интерес к исследуемой проблеме» [9, с. 63]. Сегодня действует информационный канал межрегионального «Донского казаческого научного семинара» (ДКНС), и любой пользователь Интернета (включая профессиональных историков) может обратиться непосредственно к видеозаписям заседаний ДКНС [27]. Тем не менее, как считает профессор Д.В. Сень, «нам, историкам-казачеводам, явно не хватает новых научных дискуссий по тематике происхождения казачества, классификации казачьих сообществ, участия казаков в народных движениях, решения так называемого казачьего вопроса в Российской империи XIX в. и пр. <...> Не стоит бояться решения трудных исследовательских вопросов – как уже имеющих прочную историографическую основу, так и тех, которые ранее не формулировались в науке либо по какой-то причине считались маргинальными или непоказательными в пространстве “престижных” казаческих тематик» [9, с. 71, 72]. Только таким путем, как мы полагаем, дополняя тезисы Дмитрия Владимировича, можно действительно добиться укрепления российских традиционных духовно-нравственных ценностей, отделяя, согласно Библейской притче, зёрна от плевел (Мф. 13: 24–30), «а плевелы – сыны лукавого» (Мф. 13: 37–43). Только так необходимо противодействовать деструктивной идеологии, откуда бы она ни исходила, стремиться достичь упрочения российской гражданской идентичности, эффективно заниматься патриотическим воспитанием не только молодежи, но и российского общества в целом, реально защищать историческую правду и оказывать убедительное противодействие всевозможным фальсификациям истории казачества на всех доступных публичных площадках.

Профессионального ученого-историка характеризует участие в подготовке кадров высшей квалификации, поэтому не случайно в диссертационных советах стремятся привлечь к такой многотрудной деятельности наиболее известных ученых, способных подготовить и представить обстоятельное заключение о завершённой научно-квалификационной работе в виде кандидатской или докторской диссертации. Эта экспертная деятельность по оценке трудов соискателей ученых степеней традиционно отмечается в юбилейных персоналиях историков. В течение ряда лет Д.В. Сень «являлся членом объединенного диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций на базе ФБГОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова» и ФБГУН Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН. Неоднократно выступал официальным оппонентом на защитах кандидатских и докторских диссертаций в области исторического кавказоведения» (Скворцов (2009), Струполева (2007), Урушадзе (2011), Нагоева (2012), Каншоков (2012), Марзей (2021), Алхасова, (2024). [22, с. 470]. Ныне историк-казачевед, профессор Д.В. Сень входит в состав диссертационного совета Южного федерального университета 801.03.01 по историческим наукам.

Вместе с тем редкая юбилейная публикация о персоналии историка обходится без упоминания полуромантических биографических свидетельств, показывающих героя такой статьи в лучшем свете, особенно, если берется интервью. Это вполне

естественно, ведь человеку, достигнувшему заметных жизненных и научных вершин, больше вспоминается приятное, нежели неказистые сюжеты из личного прошлого. Отчасти грешит таким подходом обстоятельное историческое интервью, взятое у Д.В. Сеня и опубликованное ученым секретарем Южного филиала (г. Краснодар) Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, кандидатом исторических наук А.В. Крюковым, где из 27 страниц печатного текста 8 страниц отводятся исключительно биографическим свидетельствам [9, с. 50–57]. С другой стороны, сложно представить личность ученого-историка без упоминания детализированных фактов его биографии, ибо такая персоналия не может состоять только из квалифицированного обзора научных трудов.

Итак, биографическая статья об историке выступает трехместным предикатом в виде историографического источника, поскольку, во-первых, качественная персоналия о профессиональном ученом-историке создается прежде всего историком, и это есть исторический труд; во-вторых, такая персоналия опирается на анализ исследований данного ученого, как правило, уже вошедших в научный оборот; в-третьих, основным предметом изучения в юбилейной персоналии историка является сам профессиональный ученый-историк. С другой стороны, в понятийном плане профессиональный историк – это всегда трехместный предикат, но одновременно это высказывательная функция, установленная на основе анализа некоторого множества историографических источников. Трехместный предикат профессионального историка консолидирует в своей логической структуре личность самого историка, его интеллектуальные произведения и осмысление исторического процесса с помощью исторических источников (творческую лабораторию ученого).

Историографический источник, особенно юбилейная персоналия историка, по определению, по жанровому предназначению имеет субъективный характер, ибо, во-первых, это всегда субъект-субъектная реальность, более или менее развернутое мнение лица (лиц) о другом лице, его уникальной самости; во-вторых, такой источник отражает определенную систему взглядов историка-исследователя на исторические события, явления и процессы; в-третьих, он направлен на неопределенное количество лиц (в том числе предназначен и для профессионального сообщества историков), которые рано или поздно дадут ему субъективную оценку в разных позитивных и негативных вариантах. В результате одно субъективное знание об историческом процессе сменяется новым субъективным знанием, приближая нас к исторической истине, принимаемой данным поколением людей, но большинством или меньшинством: вопрос остается открытым. Субъективный характер юбилейной персоналии историка как историографического источника неизбежно находится на своеобразных мысленных весах, где на одной чаше помещается выверенное экспертное суждение, а на другой – располагается сверкающий панегирик. У автора такого произведения, с одной стороны, непременно возникает желание дать восторженно-хвалебный отзыв, ведь человек-то достойный, а с другой – требуется компетентно, опираясь на специальные познания, представить портрет профессионального ученого-историка, историка-казаковеда в том числе.

Юбилейная персоналия историка как историографический источник составляет отдельное понятие в историографии, к существенным признакам которого относятся: описание антропонима; поименование должностей, титулов и званий;

указание основного рода профессиональной деятельности историка; определение заслуг ученого-историка; методологические позиции исследователя; выяснение имен учителей в науке данного историка; анализ историографических позиций ученого; приращение им знаний после выполнения научно-квалификационных работ; готовность самого историка свободно и критически осмысливать свое положение и труды на фоне своей профессиональной корпорации; уточнение области основных научных интересов; описание творческой лаборатории историка; установление места и роли данной личности в профессиональном сообществе историков; участие в подготовке специалистов высшей квалификации; и др. Причем при создании данного историографического источника необходимо, наряду с выражением признания высокого статуса конкретного профессионального историка, с описанием того, как он «добыл и лавры побед // И почести, чтимые миром» (если следовать известной стихотворной формуле Н.А. Некрасова в «Русских женщинах», вложенной в уста княгини М.Н. Волконской), представить совокупность авторских историографических оценок (от создателя персоналии) и личностно окрашенных историографических фактов (от героя произведения), что в конце концов делает такую работу историографическим источником, где фиксируется совокупность знаковых историографических фактов.

Таким образом, историографический источник – это конкретное произведение историка, его реализованный интеллектуальный продукт, понимание сущности которого возможно через познание целеполагания самого историка и постановку им исследуемой научной проблемы, причем данное произведение должно презюмировать новое историческое знание, для чего важно осуществление дальнейшей процедуры верификации содержащегося в труде историка контента, в том числе путем рецензирования, и отнесение указанного исторического сочинения к определенному виду (группе) историографических источников. Квалитативную роль в выявлении приращения нового исторического знания может сыграть такой вид (группа) историографических источников, как юбилейные персоналии историков, поскольку предметно выясняется вклад данного историка в развитие исторической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Скорик А.П. Донской историк Александр Иванович Козлов // Вопросы истории. 2010. № 4. С. 109–115.
2. Исаев Д.П. «Историографический источник»: проблемы истории и интерпретации понятия // Новое прошлое (The New Past). 2019. № 2. С. 98–114.
3. Алеврас Н.Н. Предмет историографии: версии современной науки // IMAGINES MUNDI. Альманах исследований всеобщей истории XV–XX вв. № 7. Серия: Интеллектуальная история. Екатеринбург, 2010. Вып. 4. С. 173–190.
4. Пушкарёв Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975. 282 с.
5. Ипполитов Г.М. Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки: непростая диалектика // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 1. С. 184–195.
6. Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки: Межвуз. темат. сб. / редкол.: М.В. Нечкина (отв. ред.) и др. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1980. 142 с.
7. Маслов Н.Н. Некоторые вопросы методологии историографии истории КПСС // Некоторые вопросы методологии историко-партийного исследования: Ученые записки Ленинградской высшей партийной школы. Л.: Лениздат, 1978. Вып. VII. С. 31–50.
8. Мининков Н.А. Дмитрий Владимирович Сень – историк казачества (к 50-летию со дня рождения) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Сер.: Общественные науки. 2024. № 2. С. 115–120.

9. Сень Д.В. Стать историком и оставаться им: практики профессионального пути исследователя казачества (беседа с Дмитрием Владимировичем Сенем) [интервью с известным российским историком / интервьюер А.В. Крюков] // Наследие веков. 2024. № 3. С. 50–75.
10. Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар: Изд-во КубГУ, 2001. 385 с.
11. Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2002. 285 с.
12. Усенко О.Г. Рецензия на монографию Д.В. Сень «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). 2-е изд., испр. и доп. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2002. 285 с. // Клио. 2003. № 4 (23). С. 239–241.
13. Сень Д.В. К вопросу о характере ухода на Кубань донских казаков в августе 1708 г. // Историко-культурное наследие и современность: мат-лы республиканской науч.-практ. конф. (Ейск, 20–24 июня 1995 г.). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1995. С. 13–15.
14. Вопросы истории и культуры Северного Кавказа, казачеств Юга России (к 85-летию профессора В.Н. Ратушняка): сб. науч. ст. / отв. ред.: В.В. Касьянов, О.В. Матвеев. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. 459 с.
15. Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2009. 280 с.
16. Сень Д.В. Ахреяне как образы «чужого»: славяне Приазовья и Кубани XVII – начала XVIII в. // Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII – XVIII в.). Избр. тр. Ростов н/Д.: Альтаир, 2020. С. 136–169.
17. Сень Д.В. Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова (конец XVII – начало XVIII в.) // Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII – XVIII в.). Избр. тр. Ростов н/Д.: Альтаир, 2020. С. 73–83.
18. Сень Д.В. Биографические данные об элитах Крымского ханства: проблемы источниковедческого изучения (случай султана Бахты-Гирея) // Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII в. – XVIII в.). Избр. тр. Ростов н/Д.: Альтаир, 2020. С. 286–303.
19. Сень Д.В. Переговоры о переходе кубанских ногайцев в российское подданство (рубеж XVII–XVIII вв.) // Magna adsurgit: historia studiorum (Великая степь: исторические исследования). Элиста: Калмыцкий научный центр РАН, 2019. № 2. С. 109–119.
20. Мильчев В.И., Сень Д.В. Клады и кладоискательство как социокультурный феномен в жизни казачества XVIII–XIX вв. // Stratum plus. Археология и культурная антропология (Санкт-Петербург, Кишинёв, Одесса, Бухарест). 2022. № 6 [Мистика повседневности]. С. 239–258.
21. Сень Д.В. Российское казачество в начале XVIII в. // Труды Института российской истории. М., 2023. Вып. 17. С. 71–87.
22. Дмитрию Владимировичу Сению – 50 лет // Электронный журнал «Кавказология». 2024. № 3. С. 468–471.
23. Сень Д.В. Горские евреи Северного Кавказа в условиях (пере)конструирования группы: вторая половина 1920-х – начало 1930-х гг. // Этнографическое обозрение. 2024. № 5. С. 10–28.
24. Сень Д.В. Народное движение под предводительством С.Т. Разина в историографии середины 1990-х – 2000-х гг. (Новый этап изучения или «тема закрыта»?) // Историческая экспертиза. 2021. № 3. С. 232–263.
25. Камынин В.Д. Теоретические проблемы историографии на рубеже XX–XXI вв. // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 3 (78). С. 54–66.
26. Маловичко С.И. Феноменологическая концепция источниковедения как теоретическая основа источниковедения историографии // Диалог со временем. 2013. № 44. С. 112–126.
27. Межрегиональный «Донской казаковедческий научный семинар» [Электронный ресурс] // Дзен. URL: <https://dzen.ru/id/6601461fb54bef2dd4fb30e5> (дата обращения: 07.01.2025).

REFERENCES

1. Skorik A.P. Donskoy historian Alexander Ivanovich Kozlov. *Voprosy istorii* [History issues]. 2010. No. 4. P. 109–115 (In Russian).
2. Isaev D.P. “Historiographical source”: problems of history and interpretation of the concept. *Novoe proshloe* [The New Past]. 2019. No. 2. P. 98–114 (In Russian).
3. Alevras N.N. The subject of historiography: versions of modern science. *IMAGINES MUNDI. Al'manakh issledovaniy vseobshchey istorii XVI–XX vv.* [Almanac of studies of the general history of the XVI – XX centuries]. No. 7. Seriya: Intellektual'naya istoriya [Series: Intellectual History]. Ekaterinburg, 2010. Issue 4. P. 173–190 (In Russian).

4. Pushkarev L.N. *Klassifikatsiya russkikh pis'mennykh istochnikov po otechestvennoy istorii* [Classification of Russian written sources on national history]. Moscow: Nauka, 1975. 282 p. (In Russian).
5. Ippolitov G.M. Historiographical Fact and Historiographical Source as Categories of Historical Science: a complex Dialectic. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences]. 2013. T. 15. No. 1. P. 184–195 (In Russian).
6. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy istorii istoricheskoy nauki* [Methodological and theoretical problems of the history of historical science]: Mezhevuzovskiy tematicheskii sbornik [An Interuniversity thematic collection] / Redkol.: M.V. Nechkina (otv. red.) i dr. Kalinin: Kalinin State University, 1980. 142 p. (In Russian).
7. Maslov N.N. Some questions of the methodology of historiography of the history of the CPSU. *Nekotorye voprosy metodologii istoriko-partiynogo issledovaniya* [Some questions of the methodology of historical and party research]: *Uchenye zapiski Leningradskoy vysshey partiynoy shkoly* [Scientific Notes of the Leningrad Higher Party School]. Leningrad: Lenizdat, 1978. Issue VII. P. 31–50 (In Russian).
8. Mininkov N.A. Dmitry Vladimirovich Sen – historian of the Cossacks (on the 50th anniversary of his birth). *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region* [Izvestiya vuzov. The North Caucasus region]. *Seriya: Obshchestvennye nauki* [Series: Social Sciences]. 2024. No. 2. P. 115–120 (In Russian).
9. Sen' D.V. Stat' istorikom i ostavat'sya im: praktiki professional'nogo puti issledovatelya kazachestva (beseda s Dmitriem Vladimirovichem Senem) [interv'yu s izvestnym rossiyskim istorikom / interv'yuer A.V. Kryukov] [Becoming a historian and remaining one: practices of the professional path of a Cossack researcher (conversation with Dmitry Vladimirovich Sen)] [interview with a famous Russian historian / interviewer A.V. Kryukov]. *Nasledie vekov* [Legacy of the Centuries]. 2024. No. 3. P. 50–75 (In Russian).
10. Sen' D.V. «Voysko Kubanskoe Ignatovo Kavkazskoe»: istoricheskie puti kazakov-nekrasovtsev (1708 g. – konets 1920-kh gg.) [“The Kuban Ignatov Caucasian Army”: historical paths of the Nekrasov Cossacks (1708 – the end of the 1920s)]. Krasnodar: Izdatel'stvo Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta [Kuban State University Publishing House], 2001. 385 p. (In Russian).
11. Sen' D.V. «Voysko Kubanskoe Ignatovo Kavkazskoe»: istoricheskie puti kazakov-nekrasovtsev (1708 g. – konets 1920-kh gg.) [“The Kuban Ignatov Caucasian Army”: the historical paths of the Nekrasov Cossacks (1708 – the end of the 1920s)]. Izd. 2-e, ispr. i dop. [2nd edition, revised and expanded]. Krasnodar: Kubankino Publ., 2002. 285 p. (In Russian).
12. Usenko O.G. Retsenziya na monografiyu D.V. Senya «Voysko Kubanskoe Ignatovo Kavkazskoe»: istoricheskie puti kazakov-nekrasovtsev (1708 g. – konets 1920-kh gg.). 2-e izd., ispr. i dop. Krasnodar: Izdatel'stvo «Kuban'kino», 2002. 285 s. Tirazh 500 ekz. [Review of D.V. Senya's monograph “The Kuban Ignatov Caucasian Army”: historical paths of the Nekrasov Cossacks (1708 – the end of the 1920s). 2nd edition, revised and expanded. Krasnodar: Kubankino Publishing House, 2002. 285 p., 500 copies]. *Klio* [Clio]. 2003. No. 4 (23). P. 239–241 (In Russian).
13. Sen' D.V. On the issue of the nature of the departure of the Don Cossacks to the Kuban in August 1708. *Istoriko-kul'turnoe nasledie i sovremennost'* [Historical and cultural heritage and modernity]: *materialy respublikanskoy nauch.-prakt. konf. (Eysk, 20–24 iyunya 1995 g.)*. [materials of the Republican Scientific and practical conference. (Yeysk, June 20–24, 1995)]. Krasnodar: Kuban State University, 1995. P. 13–15 (In Russian).
14. *Voprosy istorii i kul'tury Severnogo Kavkaza, kazachestv Yuga Rossii (k 85-letiyu professora V.N. Ratushnyaka)* [Questions of the history and culture of the North Caucasus, the Cossacks of Southern Russia (on the 85th anniversary of Professor V.N. Ratushnyak)]: *sbornik nauchnykh statey* [collection of scientific articles] / Otv. red.: V.V. Kas'yanov, O.V. Matveev. Krasnodar: Kuban State University, 2024. 459 p. (In Russian).
15. Sen' D.V. *Kazachestvo Dona i Severo-Zapadnogo Kavkaza v otnosheniyakh s musul'manskimi gosudarstvami Prichernomor'ya (vtoraya polovina XVII v. – nachalo XVIII v.)* [The Cossacks of the Don and the Northwest Caucasus in relations with the Muslim States of the Black Sea region (the second half of the 17th century – the beginning of the 18th century)]. Rostov-on-Don: Southern Federal University Press, 2009. 280 p. (In Russian).
16. Sen' D.V. Akhreyane kak obrazy «chuzhogo»: slavyane Priazov'ya i Kubani XVII – nachala XVIII v. [Akhreyans as images of “alien”: Slavs of the Azov and Kuban regions of the 17th – early 18th centuries]. *Russko-krymsko-osmanskoe pogranič'ye: prostranstvo, yavleniya, lyudi (konets XVII – XVIII v.)*. [Russian-Crimean-Ottoman borderland: space, phenomena, people (late 17th – 18th centuries)]. *Izbrannye Trudy* [Selected works]. Rostov-on-Don: Altair, 2020. P. 136–169 (In Russian).
17. Sen' D.V. Interpreters and translators in the activities of the voivodeship administration of Azov (late 17th – early 18th centuries). *Russko-krymsko-osmanskoe pogranič'ye: prostranstvo, yavleniya, lyudi (konets XVII – XVIII v.)*. [Russian-Crimean-Ottoman borderland: space, phenomena, people (late 17th – 18th centuries)]. *Izbrannye Trudy* [Selected works]. Rostov-on-Don: Altair, 2020. P. 73–83 (In Russian).
18. Sen' D.V. Biographical information about the elites of the Crimean Khanate: problems of source study (the case of Sultan Bakhty-Giray). *Russko-krymsko-osmanskoe pogranič'ye: prostranstvo, yavleniya, lyudi (konets XVII – XVIII v.)*. [Russian-Crimean-Ottoman borderland: space, phenomena, people (late 17th – 18th centuries)]. *Izbrannye Trudy* [Selected works]. Rostov-on-Don: Altair, 2020. P. 286–303 (In Russian).

19. Sen' D.V. Negotiations on the transfer of the Kuban Nogais to Russian citizenship (the turn of the XVII–XVIII centuries). *Magna adsurgit: historia studiorum (Velikaya step': istoricheskie issledovaniya* [The Great Steppe: Historical studies]). Elista: Kalmyk Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, 2019. No. 2. P. 109–119 (In Russian).
20. Mil'chev V.I. Hoards and treasure hunting as a socio-cultural phenomenon in the life of the Cossacks of the XVIII–XIX centuries. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya (Sankt-Peterburg, Kishinev, Odessa, Bukharest)* [Archaeology and Cultural anthropology (St. Petersburg, Chisinau, Odessa, Bucharest)]. 2022. No. 6. *Mistika povsednevnosti* [Mysticism of everyday life]. P. 239–258 (In Russian).
21. Sen' D.V. The Russian Cossacks at the beginning of the XVIII century. *Trudy Instituta rossiyskoy istorii* [Proceedings of the Institute of Russian History]. Moscow, 2023. Issue 17. P. 71–87 (In Russian).
22. Dmitry Vladimirovich Sen' is 50 years old. *Elektronnyy zhurnal «Kavkazologiya»* [The electronic journal "Kavkazologiya"]. 2024. No. 3. P. 468–471 (In Russian).
23. Sen' D.V. Mountain Jews of the North Caucasus in the conditions of (re)Group construction: the second half of the 1920s – early 1930s. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2024. No. 5. P. 10–28 (In Russian).
24. Sen' D.V. The Popular Movement led by S.T. Razin in the historiography of the mid-1990s – 2000s. (A new stage of study or is the "topic closed"?). *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise]. 2021. No. 3. P. 232–263 (In Russian).
25. Kamynin V.D. Theoretical problems of historiography at the turn of the XX–XXI centuries. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2010. No. 3 (78). P. 54–66 (In Russian).
26. Malovichko S.I. The phenomenological concept of source studies as the theoretical basis of source studies of historiography. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time]. 2013. No. 44. P. 112–126 (In Russian).
27. Mezhhregional'nyy Interregional "Don Cossack Scientific Seminar" [Electronic resource]. *Dzen* [Zen]. URL: <https://dzen.ru/id/6601461fb54bef2dd4fb30e5> (date of request: 07.01.2025). (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СКОРИК Александр Павлович – доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, Новочеркасск, Российская Федерация.

SKORIK Alexander Pavlovich – Doctor of Historical Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University, Novocherkassk, Russian Federation.

E-mail: s_a_p@mail.ru

© А.П. Скорик, 2025.

Дата поступления в редакцию: 10.02.2025.
Дата принятия статьи: 15.03.2025.

УДК 39

МЕСТА ПАМЯТИ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА: КЛАДБИЩЕ СТАРОЧЕРКАССКОЙ СТАНИЦЫ

© 2025 г. А.В. Шадрина

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук
(Ростовна-Дону, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается станичное кладбище Старочеркасской станицы Ростовской области как место памяти донского казачества. В качестве обоснования своей позиции автор обращается к работам исследователей, создавших концепт «исторической памяти» и «мест памяти». Автор, опираясь на факты истории донского казачества, систематизирует места памяти Донского региона, к числу которых относит Монастырский городок, Воскресенский собор Старочеркасской станицы и станичное кладбище. В процессе исследования автор приходит к выводу о том, что кладбище начало свое существование как место погребения русских воинов русского государственного укрепления на Нижнем Дону Ратного городка. После того, как русское войско покинуло городок, предварительно его разрушив, на его месте вокруг Ильинской церкви началось захоронение донских казаков. В качестве мемориала их подвигам на средства атамана Войска Донского Д.Е. Ефремова была построена великолепная каменная Преображенская церковь. На протяжении XVIII–XIX вв. вокруг этого храма продолжались захоронения как обычных донских казаков, проживавших в Старочеркасской станице, так и выдающихся представителей Войска. Помимо отдельных захоронений на кладбище были усыпальницы известных донских родов. Несмотря на постепенное естественное разрушение кладбища, за памятниками которого не осуществлялся должный уход, оно до начала XX в. продолжало оставаться местом памяти донского казачества. В настоящее время памятник продолжает разрушаться из-за воздействия человека. Учитывая необходимость реставрации кладбищенской Преображенской церкви, сегодня стоит вопрос о мемориализации кладбища, однако действия для этого не предпринимаются.

Ключевые слова: донское казачество, места памяти, Ратный городок, Преображенская церковь Старочеркасской станицы, станичное кладбище Старочеркасской станицы.

PLACES OF MEMORY OF THE DON COSSACKS: THE CEMETERY OF THE STAROCHERKASSK STANITSA

A.V. Shadrina

Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
(Rostov-on-Don, Russia)

Abstract: The article examines the stanitsa cemetery of the Starocherkasskaya stanitsa in the Rostov region as a place of memory of the Don Cossacks. To substantiate his position, the author refers to the works of researchers who created the concept of “historical memory” and “places of memory”. The author, relying on the facts of the history of the Don Cossacks, systematizes the places of memory of the Don region, which include the Monastery Town, the Resurrection Cathedral of the Starocherkasskaya stanitsa and the stanitsa cemetery. In the course of the study, the author comes to the conclusion that the cemetery began its existence as a burial place for Russian soldiers of the Russian state fortification on the Lower Don, the Ratny Gorodok. After the Russian army left the town, having previously destroyed it, the burial of Don Cossacks began in its place around the Ilyinskaya Church. As a memorial to their exploits, a magnificent stone Transfiguration Church was built at the expense of the ataman of the Don Army D.E. Efremov. During the 18th–19th centuries. Around this temple, burials of both ordinary Don Cossacks living in the Starocherkasskaya stanitsa and outstanding representatives of the Host continued. In addition to individual burials, the cemetery contained tombs of famous Don clans. Despite the gradual natural destruction of the cemetery, the monuments of which were not properly cared for, it continued to be a place of memory for the Don Cossacks until the beginning of the 20th century.

At present, the monument continues to deteriorate, given the impact of man. Given the need to restore the cemetery's Transfiguration Church, today the issue of memorializing the cemetery is being raised, but no action is being taken to this end.

Keywords: Don Cossacks, places of memory, Ratny Gorodok, Transfiguration Church of the Starocherkasskaya stanitsa, stanitsa cemetery of the Starocherkasskaya stanitsa.

Проблемы культурной и исторической памяти, поставленные в последние десятилетия в работах М. Хальбвакса [1], П. Нора [2], Яна и Алейды Ассман [3–5], дают повод по-новому осмыслить различные аспекты истории донского казачества – сложной, неоднозначной и до настоящего времени до конца не изученной социальной группы, определившей историческое развитие региона, до 1786 г. именовавшегося Земля донских казаков, с 1786 по 1870 г. – Земля Войска Донского, с 1870 по 1918 г. – Область Войска Донского.

Представляя собой военизированную структуру, донские казаки в силу образа жизни и сложившегося уже к середине XVI в. менталитета воина, не стремились сохранять память о своей истории. Однако и в их повседневности были исключения, основной характеристикой которых являлось пограничье между жизнью и смертью, с чем в силу образа жизни постоянно сталкивались донцы. Этими объектами исторической памяти – местами памяти по определению П. Нора [2, с. 26] – были Монастырский городок, на месте которого в XIX в. стояла мемориальная часовня с останками казаков, погибших при взятии Азова в XVII в., обетный собор Черкасского городка во имя Обновления храма Воскресения Христова (Воскресенский собор) и станичное кладбище Старочеркасской станицы (до 1805 г. Черкасского городка).

Названные места памяти полностью соответствуют концепции П. Нора, который понимал их как способ конструирования национальной идентичности (в данном случае идентичности субэтнуса), «сеть символов», «ритуалы общества без ритуалов» [2].

Каждое из названных мест памяти донского казачества свидетельствует о целом ряде исторических событий, остающихся в пределах коммуникативной и культурной памяти [4, с. 216, 230]. Так, Монастырский городок (1593–1644) выполнял три функции, которые даже спустя более четырех веков и несмотря утрату точных координат местоположения, обусловили его понимание как значимого места памяти в сознании коренного населения:

1) небольшого монашеского поселения, наделенного признаками крепости, в которой находилось оружие (пушки) [6, с. 112] с целью защиты находившегося в семи верстах Черкасского городка;

2) места захоронения останков казаков, погибших при взятии Азова и Азовском осадном сидении;

3) места проживания увечных, больных и состарившихся казаков [7, с. 137].

На протяжении второй половины XIX в. мемориальная часовня на Монастырском кладбище, локализовавшемся в пределах Монастырского городка, и бывшая символом «славных подвигов праотцев» донских казаков, была местом ежегодного совершения панихид по героям Дона. В субботу Сырной недели (последней недели перед Великим постом) походный атаман, ополчение Новочеркасских станиц, станиц Манычской, Аксайской и Ольгинской собирались в Монастырском урочище. По команде походного атамана они становились «вокруг могилы праотцев своих...», в этом круге «служилась панихида... и делался троекратный выстрел из ружей» [8]. Эта традиция была утрачена после 1920 г. и не возобновлена до сегодняшних дней.

Монастырский городок, несмотря на свою сложную судьбу как памятника, остается местом памяти донского казачества.

Воскресенский собор – место памяти целой череды исторических событий:

1) взятия турецкой крепости Азак (Азова), перед началом которого казаки дали обет построить в Черкасске трехпрестольный соборный храм [6, с. 113] (обет не был выполнен);

2) Азовского осадного сидения в 1641 г., когда перед лицом военного поражения и смерти казаки вторично дали обет о построении в Черкасске соборной церкви во имя Обновления Храма Воскресения Христова с четырьмя приделами. Осадное сидение закончилось, но в течение семи лет казаки так и не приступили к строительству. В 1649 г. на Дону началась чума (моровая язва). Донцы, истолковав начавшуюся эпидемию как гнев Божий за неисполнение обета, в третий раз повторили его. Эпидемия прекратилась [9, с. 26] и в результате был построен деревянный Воскресенский собор, ставший первой на Дону церковью;

3) возведения по указу царя Петра I ныне существующего каменного собора [10, л. 2 об.];

4) взрыва порохового погреба в 1744 г. в Черкасске и пожара, уничтожившего Черкасский городок, весь интерьер собора и жалованные грамоты, клейноты, войсковую казну [9, с. 76];

5) участия в «исправлении собора» императрицы Елизаветы [11, с. 2], благодаря пожертвованию которой 1000 руб. был создан ныне существующий великолепный иконостас XVIII в. [9, с. 76].

Собор является монументальным местом памяти и символом величия Войска Донского в период его ранней истории.

Местом памяти выдающихся героев Дона является кладбище Старочеркасской станицы. Его визуализация на протяжении более трех веков связана с казачьим храмом на Ратном урочище – Преображенской церковью Старочеркасской станицы. Это памятное место, отмеченное наименованием Ратное урочище и сегодня являющееся окраинной частью Старочеркасской станицы, характеризуется утратой исторической памяти о своем названии и истории. Удачная попытка вернуть «Ратному урочищу» его историческую роль принадлежит П.А. Авакову [12]. Исследование автора «Русские государственные укрепления на Нижнем Дону в XVI–XVII вв. (до 1695 г.)» позволяет увидеть, что место, понимаемое как место памяти донского казачества, таковым стало только благодаря религиозной составляющей – кладбищенской церкви.

История «Ратного урочища» началась в 1673 г. После разинского восстания и заключения весной 1672 г. союзного антитурецкого договора между Россией и Польшей царь Алексей Михайлович принял решение о захвате Каланчинских башен – фортификационных укреплений, построенных турками в 1660-х гг. вблизи Азова с целью защиты от донских казаков. Во взятии должны были участвовать русское войско и Донское войско. После захвата царь планировал «направить в Азов ультиматум для передачи его турецкому султану с требованием прекратить войну с Польшей и угрозой вторжения русских войск в турецкие и крымские пределы» [12, с. 39].

Прибыв 13 июня 1673 г. в низовья Дона, русское войско расположилось «на буграх» в 400 саженьях от Черкасска. Для его размещения состоящий на русской службе иностранный инженер полковник Альбрехт Шневенц приступил к возведению

довольно крупной крепости – земляного «города» [12, с. 40]. Как сообщает П.А. Аваков, в документах тех лет это укрепление фигурирует как «новопостроенной ратной Черкасской городок», или просто «ратной городок» [12, с. 40].

Калачинские башни взяты не были, и после изменений стратегических планов правительства в июле 1675 г. на Дон прибыло очередное пополнение – полк воеводы стольника князя И.М. Кольцова-Мосальского численностью 4847 человек.

Правительственные планы активного фортификационного строительства на Нижнем Дону и в Приазовье вызвали недовольство и резкое противодействие донского казачества [12, с. 41]. В результате, летом 1677 г. после заключения перемирия с Крымским ханством правительство царя Федора Алексеевича решило отозвать русское войско с Дона. Осенью, предварительно разрушив Ратный городок, войско покинуло Нижний Дон. Несмотря на прекращение существования городка, память о нем закрепились среди черкасцев, и местность, где в 1673–1677 гг. располагалось государственное укрепление, стало именоваться Ратное урочище.

С четырехлетним пребыванием на Дону русского войска связывается основание кладбища. Донской климат неблагоприятно сказывался на здоровье русских воинов. Только в 1674 г. после весеннего разлива Дона и затопления Ратного городка оттуда разновременно сбежало 1402 человека, умер 221 человек [12, с. 40]. Вероятнее всего, на кладбище была построена маленькая деревянная церковь, выполнявшая функции кладбищенского храма.

Как это характерно для донских церквей, начало истории церкви Ратного городка не было запечатлено в документах. По свидетельству челобитной царю Петру I, в которой казаки просили прислать священников для совершения богослужения в новой церкви [13], она была построена в 1701 г. и освящена во имя св. Илии Пророка и свв. Флора и Лавра.

Известный донской историк, предметом исследования которого был Черкасский городок, протоиерей Воскресенского собора Старочеркасской станицы Григорий Левитский сообщал: «Ратное урочище или Ратное поле было там, где ныне находится Ратинская Преображенская церковь...». Здесь необходимо пояснить, что среди жителей Черкасского городка была распространена ничем не подтвержденная легенда о существовании Ратинской станицы. Вероятнее всего, истоки этой легенды объясняются попытками обосновать название Ратный городок, о происхождении которого память у местного населения была утрачена. Одну из таких легенд озвучивал И. Попов: «Ратинской эта церковь называется, как говорят старожилы, потому что здесь в прежнее время собирались рати казаков, отправлявшихся в поход» [14, с. 11].

Протоиерей-историк Г. Левитский, продолжая повествование о Ратном урочище, утверждал, что церковь там была построена в 1733 г. при войсковом атамане Даниле Ефремове. При этом в примечании автор указывал: «Мне удалось приобрести из дома Ефремовых одну рукописную книгу войскового атамана Данилы Ефремова, в которой говорится, что Ратинская церковь построена в 1731 г., да из надписи Предтеченского образа, привезенного в эту церковь из Азова в 1737 г. видно, что она существует ранее 1751 г., 18-ю годами» [15, с. 24–27].

Донской уроженец, издатель и редактор журнала «Дон» Иван Петрович Попов в одном из номеров также приводит дату постройки церкви 1733 г.: «Кладбища Старочеркаска представляли для меня особенный интерес; вот почему я в первые же дни по приезду осведомился, где наиболее старое кладбище. Мне сказали, что

такое кладбище в ограде, так называемой Ратинской или Преображенской церкви, которая построена в 1733 г. при атамане Даниле Ефремовиче Ефремове... Церковь Ратинская находится на краю станицы; к ней ведет та самая улица, которая в былое время считалась главною и вся была вымощена камнем» [14, с. 11].

Не вполне согласны между собой и формулярные ведомости – официальные ежегодные документы Православной российской церкви. Так, в первых документах за 1801 г., переданных в Новочеркасскую духовную консисторию из Воронежской в 1829 г., сообщается, что Преображенская церковь была построена и освящена в 1751 г. [16, л. 13] (в формулярных и клировых ведомостях обычно приводились сведения о времени основания первого, как правило, деревянного храма). В ведомостях за 1819 г. значится, что церковь построена в 1751 г. В этом году были освящены боковые престолы во имя св. пророка Илии и свв. Флора и Лавра. А вот главный придел в память Преображения Господня был освящен позднее – в 1793 г. [17, л. 29], что, вероятнее всего, было связано с завершением работ по устройству иконостаса.

Несмотря на разногласия по поводу времени основания Преображенской церкви, очевидно, что она изначально понималась как кладбищенская. Ее первое здание, о котором упоминалось в челобитной Петру I, было деревянным. Каменный храм был возведен «тщанием Войска Донского войскового атамана Даниила Ефремовича Ефремова» [18, л. 34]. Вероятнее всего, эта церковь мыслилась атаманом как мемориал в память о славном семействе Ефремовых и других сынах Дона, нашедших упокоение на кладбище вокруг этого великолепного храма.

Благодаря неравнодушным представителям общественности Дона, в конце XIX в. удалось фрагментарно запечатлеть имена тех, кто был захоронен на этом кладбище Старочеркасской станицы.

Прежде всего, о ратных государевых людях, с захоронений которых началось кладбище, не осталось даже памяти. Безвозвратно были утрачены захоронения многих донских казаков, чьи могилы не венчали памятники.

В памяти остались имена следующих героев Дона, нашедших здесь упокоение:

1) участников Азовского осажденного сидения 1637–1642 гг. Среди них атаманов Наума Васильева и генерала от кавалерии, участника штурма Измаила 1790 г. Осипа Петрова [19, с. 49];

2) строителя каменной Преображенской церкви атамана Войска Донского Даниила Ефремова. Он скончался в 1760 г. и был погребен с южной стороны Преображенской церкви [20, с. 41]. Над могилой находилась плита из белого мрамора, на которой была высечена эпитафия: «Зде почивает Благородный и почтенный господин Донского Войска атаман Даниил Ефремов, который украшен был всеми добродетельми христианского закона и в звании своего чина, благо, непорочно, мужественно и достохвально достоинство свое исполнил, и судьбами Создателя отъиде в вечное блаженство в... лето жизни своей» [20, с. 41–42]. Историк Б.В. Лунин немного иначе описывал памятник: «На верхней части плиты на могиле генерал-майора Даниила Ефремовича Ефремова изображены луна и солнце, на нижней – цветы и плоды. На плите хорошо читается надпись: «Зде почивает благородный и почтенный господин донской войсковой атаман Даниил Ефремов, который украшен был всеми добродетелями христианского закона и в звании своего чина, благо, непорочно, мужественно и достохвально и достоинство свое исполнил. И судьба Создателя отойде в вечное блаженство – 1760 г.» [21, с. 75–76];

3) героев войн второй половины XVIII в.:

- донского войскового атамана (1715, 1717, 1718–1723) Фролова Василия Фроловича (? – Черкасск 1723). Под командованием отца Ф. Минаева он участвовал в Азовских походах 1695 и 1696 гг. В период Булавинского восстания 1707–1709 гг. активно боролся с повстанцами. Участник Северной войны 1700–1721 гг. [22, с. 369];
- атамана Войска Донского в 1723–1735 гг. А.И. Лопатина;
- наказного атамана Войска Донского В.П. Орлова;
- легендарного донского атамана И.М. Краснощекова, участника Северной войны, Персидского похода Петра I, русско-шведской войны 1739–1743 гг., воспетого в народных песнях XVIII–XIX вв. [19, с. 49];

4) на станичном кладбище, помимо отдельных захоронений, были усыпальницы целых казачьих родов: Иловайских, Леоновых, Ефремовых, Карповых и Платовых. Усыпальницу Платовых венчала ныне утраченная мраморная четырехугольная колонна. Надпись на памятнике гласила: «Здесь покоится прах войскового старшины Ивана Федоровича и супруги его Анны Ларионовны Платовых, родителей генерала от кавалерии Матвея Ивановича Платова, брата его полковника гвардии Петра Ивановича Платова и сына его майора Ивана Матвеевича Платова и прочих родных его» [14, с. 13].

Остались сведения и об утраченных памятниках П.Ф. Кирсанова и Я.Н. Сулина. Надпись на памятнике П.Ф. Кирсанова гласила: «Войска Донского войсковой старшина Павел Фомич Кирсанов умер 1782 года на 49 году от рождения» [14, с. 12]. На памятнике Я.Н. Сулина значилось: «Здесь погребено тело умершего господина генерал-лейтенанта Якова Никифорова Сулина, который родился 1840 года» [14, с. 12].

Как видно, станичное (Ратнинское) кладбище действительно было мемориалом выдающимся представителям Войска Донского и местом памяти, свидетельствующим о величии воинского подвига сынов Дона.

Однако станичники и потомки героев не придавали значения необходимости ухода за этим мемориалом, и оно находилось на грани разрушения уже во второй половине XIX в. Так, в 1883 г. выдающийся общественный деятель Дона, преподаватель Донской духовной семинарии А.Л. Крылов писал: «Взгляните... на Старо-черкасское кладбище. Эти памятники, отчасти разрушившиеся уже, отчасти разрушающиеся от времени, производят самое тягостное впечатление. Напоминают о неблагодарности людской, а пожалуй, и о невежестве. На кладбище похоронены семейства родовитых сынов Дона. Там находятся семейные усыпальницы Иловайских, Леоновых, Ефремовых, Карповых, Платовых (деда, отца и матери графа Платова) и других. Но какую картину разрушения представляют памятники этих громких у нас фамилий, оставивших по себе миллионные состояния в землях, деньгах и усадьбах. Так, в углу кладбища одиноко стоит памятник, поставленный над прахом генерала от кавалерии бывшего войскового атамана Василия Петровича Орлова, умершего в 1805 году. Годов пять тому назад еще можно было прочесть надпись на памятнике, а теперь только по догадкам можно составить понятие о том, кто похоронен под этим памятником, пройдет еще год, и, пожалуй, не останется ни одной буквы на памятнике. А одни имения, принадлежащие когда-то тому генералу, на нашей памяти проданы за полтора миллиона. А теперь и могилу убрать некому» [23, с. 737–738].

Осматривавший Ратнинское кладбище в 1887 г. редактор журнала «Дон» И. Попов писал: «Унылый вид казацкого кладбища с его полуразвалившимися голубцами

(голубец – надгробный памятник со схематической кровлей. – А. Ш.), с рассыпающимися камнями, с этими холодными свидетелями жизни прошлых веков, наводил на меня тяжкое впечатление. Нет никого, кто бы пришел на это кладбище вспомнить тех, кто слег на нем во времена былые; нет заботливой руки, которая бы смела пыль и грязь со старинных памятников» [14, с. 15].

Публикации в донских региональных изданиях конца XIX в., настоятельно привлекавшие внимание к памятнику, заставили Войсковое правительство принять меры к его сохранению. Так, 3 марта 1898 г. было создано попечительство по благоустройству кладбища из 16 человек под председательством Аксайского благочинного протоиерея Александра Григорьева. Однако результаты деятельности этого попечительства неизвестны.

В связи с пониманием кладбища Старочеркасской станицы как места памяти необходимо привести сложившуюся к XVIII в. легенду. Как писал И. Попов, «с этого же кладбища... в прежние времена предки наши перед походом в чужую сторону брали землю. Земля эта, говорят, много помогала от ран неприятельских» [14, с. 16]. Иными словами, покойные донские воины символически защищали живых казаков.

Сегодняшнее состояние места памяти донского казачества продолжает оставаться в более чем печальном состоянии. Работы по фиксации оставшихся захоронений XIX в. (от более ранних не осталось следа) не ведутся. Преображенская церковь, являющаяся центром кладбища, передана Русской Православной Церкви, но, учитывая ее состояние, требующее весьма дорогостоящей реставрации, богослужения в ней проводятся редко. Не ведется фиксация и учет обломков надгробий, которые периодически находятся местным населением. Учитывая потребности повседневности, поверх старинных захоронений без их идентификации производятся новые. При этом их большая часть фиксируется поблизости от храма, т.е. в том месте, где обретали вечный покой наиболее выдающиеся герои Дона.

Несмотря на выраженное запустение, вопрос о необходимости сохранения места памяти поставлен и даже ведутся работы по созданию мемориала, основная идея которого – собирательный образ, причем не донского казачества, а «славы русского оружия» [19, с. 49].

Таким образом, этот мемориал станет, возможно, финальной точкой в существовании места памяти, связанного с донским казачеством и его славной историей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007. 346 с.
2. Нора П. Проблематика мест памяти Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
3. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и полит. идентичность в высоких культурах. М.: Яз. слав. культуры, 2004. 363 с.
4. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
5. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 323, [1] с.
6. Левитский Г., прот. Монастырское урочище или Монастырский городок // Донские войсковые ведомости. 1866. № 22. С. 112–113.
7. Королев В.Н. Донские казачьи городки. Новочеркасск, 2007.
8. Левитский Г., прот. Монастырское урочище // Донские войсковые ведомости. 1861. Часть неофиц. № 46. С. 216–217. № 47. С. 220–221. № 48–49. С. 226–227. № 50–51. С. 230–231.

9. Савельев А.М. Трехсотлетие войска Донского. 1570–1870. Очерки из истории донских казаков. – Санкт-Петербург: Типография М.О. Вольфа, 1870. 124 с.
10. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 226. Оп. 2. Д. 5988.
11. Не так живи, как хочется, а как Бог велит! О Старочеркасском соборе, необходимости его ремонта и др. делах в связи с подготовкой к 150-летию юбилею храма // Донские войсковые ведомости. 1868. Часть неофиц. № 44. С. 2.
12. Аваков П.А. Русские государственные укрепления на Нижнем Дону в XVI–XVII вв. (до 1695 г.) // Рубикон. Сб. науч. работ молодых ученых. Вып. 13. Ростов н/Д., 2001. С. 35–46.
13. Багаевская С.В. Ратное урочище станицы Старочеркасской. [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2018/11/07/1269> (дата обращения: 02.05.2025).
14. Попов И.В. старом гнезде казачества (Из очерков и набросков) // Дон. 1887. № 5. С. 11–18.
15. Левитский Г. Старочеркасск и его достопримечательности. Новочеркасск: Частная Донская типография, 1906. 56 с.
16. ГАРО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 160.
17. ГАРО. Ф. 226. Оп. 19. Д. 481.
18. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11752. Т. 1.
19. Астапенко М.П. Останется вечно монументом: исторические краеведческие очерки. Ростов н/Д.: Книжное изд-во, 1984. 112 с.
20. Кириллов А.А. Старочеркасский Ефремовский женский монастырь Донской епархии. Исторический очерк монастыря с предварительными сведениями о Старочеркасске и роде Ефремовых. Новочеркасск: Донская типография, 1897. 201 с.
21. Лунин Б.В. Старый город (Черкасск). Ростиздат, 1939. 112 с.
22. Донская энциклопедия / сост. М.П. Астапенко. Таганрог: Айкэн, 2015. Т. 2. С. 369.
23. Крылов А.Л. Поездка в Старочеркасск // Донские епархиальные ведомости. 1883. № 20. С. 734–740.

REFERENCES:

1. Hal'bvaks M. *Social'nye ramki pamyati* [Social frameworks of memory]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2007, 346 p.
2. Nora P. *Problematika mest pamyati Franciya-pamyat'* [The Problem of Places of Memory France-Memory]. Saint-Petersburg, 1999. P. 17–50.
3. Assman Y. *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i polit. identichnost' v vysokih kul'turah* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in High Cultures]. Moscow, 2004, 363 p.
4. Assman A. *Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriej* [Forgetting history – obsession with history]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019, 552 p.
5. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 323, [1] p.
6. Levitskij G., prot. Monastyrskoe urochishche ili Monastyrskij gorodok [Monastery tract or Monastery town]. *Donskie vojskovye vedomosti* [Don Military Gazette]. 1866. No. 22. P. 112–113.
7. Korolev V.N. *Donskie kazach'i gorodki* [Don Cossack towns]. Novocherkassk, 2007.
8. Levitskij G., prot. Monastyrskoe urochishche [Monastery tract]. *Donskie vojskovye vedomosti* [Don Military Gazette]. 1861. Chaŝ' neofic. No. 46. P. 216–217; No. 47. P. 220–221; No. 48–49. P. 226–227; No. 50–51. P. 230–231.
9. Savel'ev, A.M. *Trekhstotletie vojska Donskogo. 1570–1870. Ocherki iz istorii donskih kazakov* [Tercentenary of the Don Cossack Host. 1570–1870. Essays on the History of the Don Cossacks]. Saint-Petersburg, Tipografiya M.O. Vol'fa, 1870, 124 p.
10. *Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti* (GARO) [State Archives of the Rostov Region]. Archives 226. Anagraph 2. Document 5988.
11. Ne tak zhivi, kak hochetsya, a kak Bog velit! O Starocherkasskom sobore, neobhodimosti ego remonta i dr. delah v svyazi s podgotovkoj k 150-letnemu yubileyu hrama [Don't live as you want, but as God commands! About the Starocherkassk Cathedral, the need for its repair and other matters in connection with the preparation for the 150th anniversary of the temple]. *Donskie vojskovye vedomosti* [Don Military Gazette]. 1868. Chaŝ' neofic. No. 44. P. 2.
12. Avakov P.A. Russkie gosudarstvennye ukrepleniya na Nizhnem Donu v XVI–XVII vv. (do 1695 g.) [Russian state fortifications on the Lower Don in the 16th–17th centuries (before 1695)]. *Rubikon. Sb. nauch. rabot molodyh uchenyh*. Vol. 13. Rostov-on-Don, 2001. P. 35–46.

13. Bagaevskaya S.V. *Ratnoe urochishche stanicy Staroherkasskoj* [Ratnoye tract of the village of Staroherkasskaya]. URL: <https://proza.ru/2018/11/07/1269> (available at 02.05.2025).
14. Popov I. V *Starom gnezde kazachestva (Iz ocherkov i nabroskov)* [In the Old Nest of the Cossacks (From Essays and Sketches)]. Don. 1887. No. 5. P. 11–18.
15. Levitskij G. *Staroherkassk i ego dostoprimechatel'nosti* [Staroherkassk and its attractions]. Novoherkassk: Chastnaya Donskaya tipografiya, 1906. 56 p.
16. GARO [State Archives of the Rostov Region]. Archives 226. Anagraph 1. Document 160.
17. GARO [State Archives of the Rostov Region]. Archives 226. Anagraph 19. Document 481.
18. GARO [State Archives of the Rostov Region]. Archives 226. Anagraph 3. Document 11752. Vol. 1.
19. Astapenko M.P. *Ostanetsya vечно monumentom: istoricheskie kraevedcheskie ocherki* [Will Remain a Monument Forever: Historical Local History Essays]. Rostov-on-Don, Knizhnoe izdatel'stvo, 1984, 112 p.
20. Kirillov A.A. *Staroherkasskij Efremovskij zhenskij monastyr' Donskoj eparhii. Istoricheskij ocherk monastyrya s predvaritel'nymi svedeniyami o Staroherkasske i rode Efremovyh* [Staroherkassk Efremovsky Convent of the Don Diocese. Historical essay on the monastery with preliminary information about Staroherkassk and the Efremovsky family]. Novoherkassk, "Donskaya tipografiya", 1897, 201 p.
21. Lunin B.V. *Staryj gorod (Cherkassk)* [Old Town (Cherkassk)]. Rostizdat, 1939, 112 p.
22. *Donskaya enciklopediya* [Don Encyclopedia] / sost. M.P. Astapenko. Taganrog: Ajken, 2015. Vol. 2. P. 369.
23. Krylov A.L. *Poezdka v Staroherkassk* [Trip to Staroherkassk]. *Donskie eparhial'nye vedomosti* [Don Diocesan Gazette]. 1883. No. 20. P. 734–740.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шадрина Алла Валерьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН), Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Shadrina Alla Valerievna – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science "Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences" (SSC RAS), Rostov-on-Don, Russian Federation.

E-mail: bergson@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1925-0216

© А.В. Шадрина, 2025

Дата поступления в редакцию: 05.04.2025.
Дата принятия статьи: 05.05.2025.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

УДК 94(470.45)«1917/1918

ВОСПОМИНАНИЯ НАЧАЛЬНИКА РАЗВЕДКИ ШТАБА ОБОРОНЫ ЦАРИЦЫНА Т.И. КОЗЬМИНА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ в РОССИИ в 1918–1922 гг.

© 2025 г. И.О. Тюменцев

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук
(Ростов-на-Дону, Россия)

Аннотация. Статья посвящена изучению биографии и мемуарам Трефилля Ивановича Козьмина – одного из героев революционных событий и обороны Царицына. Его деятельность, как и работа Штаба обороны Царицына, в частности казачьей секции, долгое время оставалась забытой из-за культа личности И.В. Сталина. До недавнего времени в литературе даже не известны были точные его имя и отчество.

Автору удалось разыскать воспоминания Т.И. Козьмина в составе двух архивных фондов в ГАВО и НВА МП «Сталинградская битва» и подготовить их публикацию. Они впервые вводятся в научный оборот. Автором использованы методы источниковедения и археографии. Проведен текстологический анализ и сличение оригинала одной из авторских рукописей и ее отредактированной машинописной копии.

В 1917–1918 гг. Т.И. Козьмин являлся весьма осведомленным человеком, так как занимал должность начальника разведки штаба обороны города. Затем вместе с И.В. Тулаком занимался формированием частей Красной армии в Калмыкии. В конце 1920-х – начале 1930-х гг., оказавшись не у дел на периферии, по просьбе своего друга, руководителя краевого архивного управления и секретаря испарта Т.М. Серегина, он описал работу штаба обороны Царицына и оставил ценные воспоминания о пережитом, которые не были опубликованными из-за репрессий, которым были подвергнуты руководители Сталинградского испарта. В публикуемых текстах показано направление редакторской работы и сделан вывод, что оно в основном носило уточняющий характер. В отличие от текстов второй половины 30-х годов XX в. Здесь апологетика И.В. Сталина делает только первые шаги, поэтому в текстах содержится ценная информация о роли в гражданской войне царицынских большевиков. Воспоминания Т.И. Козьмина, судя по всему, были использованы Т.М. Серегиным в его очерке о работе штаба обороны Царицына.

Результаты исследования позволяют существенно, уточнить и проверить организационную структуру, персональный состав Штаба обороны Царицына и проанализировать его деятельность. Автору удалось существенно расширить источниковую базу исследований по истории Гражданской войны в России 1918–1922 гг.

Ключевые слова: революционные события и оборона Царицына 1917–1918 гг., Царицынский (Сталинградский) испарт, член штаба обороны Царицына Т.И. Козьмин, неизвестные документы и материалы.

Публикация подготовлена по теме НИР «Казачество в цивилизационном освоении Россией южного фронта» в соответствии с государственным заданием ЮНЦ РАН на 2024 г. (00-234-15, № 124012200178-4, направление ПФНИ 6.1.2.8).

**MEMOIRS OF THE CHIEF OF INTELLIGENCE OF THE DEFENSE STAFF
OF TSARITSYN T.I. KOZMIN
AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE CIVIL WAR in RUSSIA
in 1918–1922**

I.O. Tyumentsev

Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
(Rostov-on-Don, Russia)

Abstract. The article is devoted to the study of the biography and memoirs of Trefill Ivanovich Kozmin, one of the heroes of the revolutionary events and the Defense of Tsaritsyn. His activities, as well as the work of the Tsaritsyn Defense Headquarters, in particular the Cossack section, remained forgotten for a long time because of the cult of personality of I.V. Stalin. Until recently, his exact name and patronymic were not even known in the literature. The author managed to find the memoirs of T.I. Kozmin as part of two archival collections in the The State Archive of the Volgograd region and The Battle of Stalingrad State Historical and Memorial Museum-Reserve, the Battle of Stalingrad Panorama Museum and prepare their publication. They are being introduced into scientific circulation for the first time. The author uses the methods of source studies and archaeography. A textual analysis and comparison of the original of one of the author's manuscripts and its edited typewritten copy was carried out.

In 1917–1918, T.I. Kozmin was a very knowledgeable person, as he held the position of chief of intelligence of the city defense headquarters. Then, together with I.V. Tulak, he was engaged in the formation of Red Army units in Kalmykia. In the late 20s – early 30s of the twentieth century, finding himself out of business on the periphery, at the request of his friend, the head of the regional archival department and secretary of the department, T.M. Seregin, he described the work of the Tsaritsyn defense headquarters and left valuable memories of his experiences that were not published due to the repression to which they were subjected the leaders of the Stalingrad ispart. The published texts show the direction of the editorial work and conclude that it was mainly of a clarifying nature. Unlike the texts of the second 30s of the twentieth century. Here the apologetics of I.V. Stalin is only taking the first steps, so the texts contain valuable information about the role of the Tsaritsyn Bolsheviks in the civil war. The memoirs of T.I. Kozmin, apparently, were used by T.M. Seregin in his essay on the work of the Tsaritsyn defense headquarters. The results of the study make it possible to significantly clarify and verify the organizational structure, personnel of the Tsaritsyn Defense Headquarters and analyze its activities. The author managed to significantly expand the source base of research on the history of the Civil War in Russia in 1918–1922.

Keywords: revolutionary events and the defense of Tsaritsyn in 1917–1918, Tsaritsyn (Stalingrad) eastpart, member of the Tsaritsyn Defense Staff T.I. Kozmin, unknown documents and materials.

The publication was prepared on the topic of research and development “Cossacks in the civilizational development of the southern frontier by Russia” in accordance with the State Task of the UNC RAS for 2024 (00-234-15, No. 124012200178-4, direction PFNI 6.1.2.8).

История обороны Царицына в 1918–1919 гг. в советское время считалось коренным переломом в Гражданской войне 1918–1922 гг., так как здесь в полной мере проявился организаторский талант И.В. Сталина и началось его стремительное восхождение к власти. В 1920–1930-е гг. сотрудники Царицынского (Сталинградского) испарта провели большую работу по сбору документов, материалов, периодической печати и воспоминаний руководителей и героев революций, гражданской войны в Царицыне [1–3]. Часть из них удалось опубликовать [4–13]. Однако во второй половине 30-х годов прошлого века многие из них подверглись репрессиям [14–17]. Культ личности И.В. Сталина затмил образы реальных героев обороны Царицына, за исключением ближайших соратников вождя – К.Е. Ворошилова и С.М. Буденного [16–23].

Собранные ими архивные коллекции оказались разрозненными и долгое время были недоступны исследователям. Лишь в 1963 г. волгоградскому профессору В.И. Томареву удалось переиздать и частично издать извлеченные из спецхранов архивов и библиотек воспоминания реальных героев обороны Царицына [24]. Выходившие в то время сборники документов и материалов содержали поздние воспоминания рядовых участников событий [25–27]. Лишь в последние годы публикация ценных архивных материалов по истории обороны Царицына возобновилась [28–29].

В числе ценных и незаслуженно забытых источников находятся воспоминания Трифиллия Ивановича Козьмина – одного из видных руководителей Штаба обороны Царицына в 1918 г. Неслучайно один из руководителей Штаба обороны и секретарь Сталинградского испарта *Тимофей Михайлович Серёгин* в 1932 г. написал его литературный портрет, наряду с другими яркими биографическими зарисовками руководителей царицынских большевиков – Я.З. Ерманом, И.В. Тулаком, Г.Ф. Арзамасцевым и др. Нарисованный Т.М. Серёгиным портрет весьма эмоционален, содержит яркие характеристики Т.И. Козьмина как руководителя, но в этой биографии практически нет конкретных фактов и деталей [30]. Поскольку автобиографий, биографий и анкет Т.И. Козьмина пока отыскать не удалось, информацию о нём приходится собирать из его собственных воспоминаний и других источников буквально по крупицам [31–33].

По словам самого Т.И. Козьмина в 1905 г. он учительствовал в станице Граббевской Сальского округа Войска Донского. В Первую мировую воевал, проявил себя храбрым и инициативным солдатом, поэтому был направлен в школу прапорщиков, которую успешно окончил. Был произведен в прапорщики. В 1917 г. вступил в ряды Партии большевиков. Вместе с И.В. Тулаком участвовал в Ростовском восстании против атамана А.М. Каледина, а после его разгрома вместе с Тулаком бежали в Царицын [31–33].

Здесь Т.И. Козьмин сначала работал в Совете, а затем 26 декабря был введен в состав членов Штаба обороны, так как он «имел большой опыт агитационной и разведывательной работы, благодаря ему Штабу легко удавались перетягивать на свою сторону казачье полки и население». На Т.И. Козьмина были возложены обязанности заведующего Агитационно-разведывательным отделом Штаба Обороны и первым секретарем Штаба обороны:

– «Тов[арищ] Козьмин, – писал Т.М. Серёгин, – никогда не считался со временем, у него не было усталости, он всегда находился в Штабе: днем и ночью был занят работой. Он любил работу, связанную с написанием документов. Так как он писучий, то поэтому большинство протоколов заседания Штаба пришлось писать ему».

Т.И. Козьмин оказался хорошим руководителем разведки. Рассказывая об одном из походов красногвардейского отряда против белоказачков на станицу Нижнечирскую, Т.М. Серёгин сообщил, что успех во многом был обеспечен благодаря дезинформации противника Т.И. Козьмина.

По словам Т.М. Серегина:

– Товарищ Козьмин большую помощь принес Советам, ибо он, не щадя своей жизни, неоднократно выезжал на фронт, где приходилось ему быть в самых больших и серьезных переплетках, где под огнем противника спокойно выполнял директивы ВКП(б) [30–35].

В 1918 г. Т.И. Козьмин и И.И. Кучин опубликовали некролог своему командиру И.В. Тулаку [34].

Как сложилась судьба Т. Козьмина после освобождения Царицына нам не известно. Судя по тому, что в год 10-летия РККА он оказался на хуторе Тормосин 2-го Донского округа, ни партийной, ни военной карьеры он не сделал. В 1927 г., узнав, что в Сталинграде в корпункте газеты «Борьба» проводится совещание по сбору и публикации воспоминаний о гражданской войне, он направил сюда свой материал и попросил выплатить гонорар, так как остро нуждался в средствах. К сожалению, эти воспоминания нами не найдены [36].

Публикуемые ниже материалы свидетельствуют, что между Т.И. Козьминым и Т.М. Серёгиным были доверительные, дружеские отношения. Проблемы по партийной линии, возникшие у товарища, по всей видимости, сподвигли Трефилля Ивановича взяться за перо. Но комиссия партийного контроля обвинила Т.М. Серёгина в том, что он ложно указал в своей биографии, что в 1918 г. являлся членом Штаба обороны Царицына и приписал себе заслуги перед Революцией с целью получения наград и льгот, которые в то время начали выдавать ветеранам [14–15]. Т.И. Козьмин написал публикуемые ниже воспоминания «О работе Штаба Оборона Царицына», в которых в самых общих чертах обрисовал его работу, уделив особое внимание работе Т.М. Серёгина на посту товарища председателя. Этот рассказ и описание работы Штаба обороны в воспоминаниях Т.М. Серёгина являются на сегодняшний день единственными выявленными ныне описаниями работы штаба с его штатами, работниками и их личными характеристиками. Оба материала – ценнейший источник по истории обороны Царицына [31–32, 35].

Воспоминания сохранились в «слепой» дефектной рукописи (далее – О) [31], поврежденной и реставрированной радикально отредактированной машинописной копии (далее – П). Направления редакторской работы хорошо видны. С одной стороны, редактор Т.М. Серёгин исправил грамматические и стилистические ошибки автора и частые опечатки машинистки, с другой – убрал смысловые повторы и, на его взгляд, всю второстепенную информацию. Редактор явно пытался превратить материал в тезисы воспоминаний. Возможно, он хотел использовать эти тезисы для публикации в сборнике по итогам совещания 27 декабря 1934 г. [32, 36–37].

Сотрудничество Т.И. Козьмина и Т.М. Серёгина продолжилось, когда Тимофей Михайлович возглавил архивное управление города Сталинграда, а затем области и работал секретарем испарта. В декабре 1934 г. Трефилль Иванович в нескольких письмах переслал Т.М. Серёгину свои воспоминания «В Астраханских степях», в которых рассказал о своей командировке в Калмыкию вместе с И.В. Тулаком и И.И. Кучминым для формирования боеспособных соединений Красной армии на подступах к Царицыну и Астрахани. В критический момент, когда формируемые части были отрезаны от Царицына и Астрахани, а эсеры спровоцировали солдатский мятеж, погубивший И.В. Тулака, именно он смог, по его словам, овладеть умами солдат и переломить ситуацию. Рассказал он о том, как сам чуть не погиб и удержал от малодушного поступка товарища – И.И. Кучмина. К сожалению, текст воспоминаний, которые сохранились в единственной копии, обрывается на полуслове и 2/3 лицевой части и оборот листа оставлены чистыми [33].

Редактируя этот текст, Т.М. Серёгин практически ничего не вычеркивал, исправлял ошибки и лишь подчеркивал и отмечал самые важные и интересные сюжеты и факты в воспоминаниях Т.И. Козьмина. Видимо, это уже отработанный ранее текст воспоминаний, о чем свидетельствует сравнение с предыдущим публикуемым текстом [31–33].

Благодаря проведенному анализу текстов воспоминаний Т.К. Козьмина можно заключить, что это очень ценное свидетельство человека, находившегося в гуще событий 1917–1919 гг. в Царицыне. Особый интерес представляют взаимоотношения царицынских большевиков, о которых написал автор. Оценки Трефиллем Ивановичем роли И.В. Сталина и К.Е. Ворошилова свидетельствуют о проникновении в воспоминания ветеранов первых элементов культа личности.

№ 1. 1928 г. до. 23 февраля. К 10 годовщине РККА
(Сопроводительное письмо к воспоминаниям)

В редакцию газеты «Борьба»

Представляю для возможного использования в газете воспоминания ко дню 10-й годовщины Красной Армии.

В случае [если] признаете материал пригодным для печати, просьба выслать гонорар (отказаться не могу по причинам материальной нужды) по адресу хутор Тормосин, 2[-го] Дон[ского] Округа. Козьмину Трифиллю Ивановичу.

Письмо написано на лицевой стороне 1/4 ученического тетрадного листа в линию фиолетовыми чернилами, металлическим пером, четким почерком. Л. 134 об. чист. Вверху, по середине лицевого листа оранжевым карандашом написана цифра «3034». Все четыре пагинации сделаны простым карандашом в правом верхнем углу: зачеркнутые старые номера: «279», «282», «284» и представлен новый: «134».

Государственный архив Волгоградской области (ГАВО) Ф. 346. Оп. 1. Ед. хр. 76. Воспоминания участников гражданской войны об организации добровольческих отрядов, обороне г. Царицына, борьбе с белогвардейцами у г. Дубовки, Калача, ст. Алексиково, Добринской и др. в 1918–1919 гг. 05.10.1923–23.12.1931. Рукописи. 213 л. Л. 134.

/Л. 1/ № 2. 1931 год 20 ноября. О работе Штаба Оборона Царицына¹
(Воспоминания)²

Роль³ Штаба обороны в деле обороны⁴ Царицына, организации и обороны Советов на местах, разоружения эшелонов⁵ демобилизованных солдат и казаков и вооружения красной гвардии и красных партизанских отрядов огромна. Штаб⁶ обороны являлся отделением Гор[одского] испол[нительного] комитета⁷. Ему были приданы секции⁸ гор[одского] совета: солдатская⁹ [и] в последствии влившаяся в него казачья¹⁰,

¹ В П темно синими чернилами почерком Т.М. Серёгина, редактировавшего печатный текст, написано: «Т[оварищ] Козьмин б[ывший] член Штаба Оборона». Далее вписано синим карандашом: «Секретарь». Название подчеркнуто. Слева от названия пометы ярко синими чернилами: «9/4/9». Справа от названия теми же чернилами: «№ 45».

² В П зачеркнуто редактором.

³ В П перед строкой помета красным карандашом: «Х». Здесь же рукой Т.М. Серёгина: «3»).

⁴ В П – «защиты».

⁵ Далее в О зачеркнуто: «№ и в...».

⁶ В П перед строкой: «4»).

⁷ В П зачеркнуто редактором. Над строкой: «Исполкома Царицынского Совета, и...».

⁸ В П над строкой вставка редактора: «солдатская и казачья»

⁹ В тексте: «солдатские».

¹⁰ Далее в О одно слово зачеркнуто.

сохранившая свою автономность до¹ прихода² в Царицын частей т[оварища К.Е.] **Во-рошилова**³ и организации Рев[олюционн]ого воен[ного] совета 10-й Красной Армии.

В первый состав Штаба обороны (пятерка)⁴ были введены участники Октябрьского переворота в Саратове⁵ и Ростове-на-Дону.

13 Ноября 1917 года в Царицын с т[оварищем С.К.] **Мининым**⁶ прибыли революционный отряд, возглавляемый⁷ т[оварищем И.И.] **Кучиным**, с 1-й Сводной революционной батареей, возглавляемой артиллеристом т[оварищем Т.М.] Серегинным⁸ [28].

Т[оварищ]⁹ Серегин насолил саратовскому духовенству тем, что, будучи отличным наводчиком, первым выстрелом сбивал¹⁰ с колоколен¹¹ пулеметы, услужливо спрятанные святыми отцами у «Христа за пазухой».

А¹² после¹³ занятия Ростова генералом [А.Г.] **Калединым** (2 декабря 1917 года) в Царицын прибыли ростовские беженцы, участники Ростовского восстания 27 ноября – 2 декабря¹⁴ [1917 года]. Трое¹⁵ из этих повстанцев¹⁶ [И.В.] **Тулак**, [И.П.] **Бабкин** и я попросились на постоянную революционную работу в Царицыне¹⁷.

С¹⁸ падением¹⁹ Ростова на Дону²⁰ усилилась опасность интервенции для²¹ Царицына. *Возникшие на Дону²² советы громились Калединым. *Казачий атаман ближайшего²³ к Царицыну 2[-го] Донского округа, грозил взять Царицын²⁴.

/Л. 1 об./ Тем временем²⁵ делегации с²⁶ казачьих хуторов и станиц от фронтовых²⁷ казаков явились в *исполком с вопросами²⁸ организации советской власти на местах и с *требованием оружия. Внутри²⁹ Царицына копились черные силы.

¹ В П редактор вычеркнул эти авторские строки и написал: «Штаб обороны руководил всеми операциями частей Красной гвардии и партизанских отрядов».

² Далее в О автор сначала зачеркнул «при...», затем написал слово полностью.

³ Подробную информацию о персоналии см. в примечаниях в конце статьи (здесь и далее выделено полужирным начертанием).

⁴ В П вымарано.

⁵ Далее в О зачеркнуто «.. и Р».

⁶ В П добавлено над строкой: «из Саратова».

⁷ В П редактор исправил: «под командованием».

⁸ В этот отряд, присланный из Саратова на помощь царицынским большевикам по просьбе С.К. Минина помимо пехоты (И.И. Кучин), артиллеристов (Т.М. Серёгин) входила также рота пулеметчиков под командованием Вальчука или Ванчука, имя отчество, которого нам пока установить не удалось.

⁹ В О одно слово зачеркнуто.

¹⁰ В О зачеркнуто: «пулеметы».

¹¹ В тексте О и П: «колоколов». В П исправлено «колоколен».

¹² Одна буква зачеркнута.

¹³ Далее зачеркнуто: «ликвидации Ростовского восстания».

¹⁴ Далее одно слово зачеркнуто.

¹⁵ В О и П: «Три». В П исправлено редактором: «Трое».

¹⁶ Далее в О одно слово зачеркнуто.

¹⁷ В П редактор эти строки сначала отредактировал, а затем совсем вычеркнул.

¹⁸ В П перед строкой редактор поставил: «1)».

¹⁹ В О слово стерто. Восстановлено по П. В П редактор слово зачеркнул и написал над строкой: «С переходом в начале октября 1917 г.».

²⁰ В П редактором добавлено: «к белым».

²¹ В П редактор зачеркнул и вписал над строкой: «для».

²² В О данный фрагмент стерт. Восстановлено по П.

²³ В О текст утрачен. Восстановлен по П.

²⁴ Автор имеет ввиду атамана Максимова.

²⁵ В О повтор: «организован». Исправлено нами. Далее зачеркнуто «казачь...».

²⁶ В П редактор исправил на: «от».

²⁷ В П редактор исправил на: «фронтовиков».

²⁸ В О эти слова стерты. Восстановлены по П. В П редактор их зачеркнул и написал: «Царицынский совет с просьбой о помощи в деле».

²⁹ В П редактор исправил на: «снабжении их оружием. В самом...»

Почтово-телеграфные чиновники *взяты под шефство атамана¹ 2-го Донского округа объявили саботаж. А через Царицын двигались вооруженные эшелоны демобилизованных солдат, нигде не сдававших и ни за что не желавших сдать оружие.

Явилась² необходимость организовать при горсовете³ специальный отдел обороны, который и был создан⁴ в последних числах декабря 1917 г. В него вошли: товарищи [С.К.] Минин (председателем), [И.И.] Кучин (зам. председателя)⁵, [В.В.] **Сергеев** (Секретарь)⁶, [Т.И.] Козьмин (Политразведка), [Т.М.] Серёгин⁷ (начальник обороны Царицына и комиссар оружейного арсенала). *Товарищу Серёгину приходилось выполнять не только функции начальника боевого снабжения, но и начальника разоружения⁸.

Разоружению⁹,двигающихся через Царицын эшелонов демобилизованными содействовала отлично¹⁰ налаженная политразведка. В штабе обороны имелись полные¹¹ сведения о политическом состоянии всех казачьих частей, расположенных по трем железнодорожным линиям, ведущим в Царицын. Этому содействовала казачья секция, работа которой должна быть отмечена в связи с работой штаба обороны, *как отдела горсовета, как отдела органа диктатуры пролетариата¹².

Сарепта¹³ представляла из себя заставу¹⁴ и сигнализировала в Штаб Обо[роны о]¹⁵ приближение того или иного эшелона войск. В зависимости от полит[сост]ояния войск, последние задерживались в Сарепте или подпускались [ближ]е. Велись переговоры с делегатами от эшелона. Проводились митинги. [В рез]ультате¹⁶ офицеры смещались¹⁷. Эшелон обезоруживался¹⁸. *Оружие накопилось¹⁹ Царицын ошетинился, имея вооруженные красногвардейские отряды /Л. 2/ внутри, кавалерийский эскадрон под командой т[оварища И.В.] Тулака²⁰, новодившей страх [и уж]ас на²¹ внутреннюю контрреволюцию, *пулеметы и оружие²² [29].

В начале²³ 1918 года в Сальских степях появились банды, генерала [К.К.] **Мамонт]ова**. Себряково²⁴ было занято юнкерами. На Чир²⁵ организованный ревком

¹ В П редактор исправил: «над которыми взял шефство атаман».

² В П перед строкой редактор поставил: «2)».

³ В П редактор зачеркнул и написал над строкой: «Царицынском совете».

⁴ Зачеркнуто «спец».

⁵ В П зачеркнуто и простым карандашом написано: «тов[арищ] председателя».

⁶ В О фамилия и должность Сергеева подчеркнуты карандашом, затем подчеркивание стерто автором.

⁷ Далее в О несколько слов зачеркнуто автором. В П добавлено «тов[арищ] председателя».]

⁸ В П это предложение вычеркнуто редактором. Далее в О три слова зачеркнуто.

⁹ В П перед строкой редактор поставил: «5)».

¹⁰ В П редактор исправил на «хорошо».

¹¹ В П редактор исправил на «подробные».

¹² В П редактор вычеркнул.

¹³ В начале строки редактор поставил: «6)».

¹⁴ В О слово зачеркнуто.

¹⁵ В П текст утрачен и реставрирован. Утраченные слова взяты нами в квадратные скобки.

¹⁶ В П редактором добавлено: «в большинстве случаев».

¹⁷ В О и П «разжаловались». Нами принята более правильная правка редактора.

¹⁸ Далее в О одно предложение зачеркнуто автором: «Кому-кому, а коленом... рук».

¹⁹ В П редактор заменил строку на: «хотя и не обходилось без столкновений, таким образом накопилось оружие».

²⁰ Далее в О зачеркнуто «в газете «Борьба» в первой части декабря 1922–1923 годов».

²¹ Далее в О зачеркнуто: «местную».

²² В П редактор вычеркнул.

²³ В П редактор исправил на: «январе».

²⁴ **Себряково** – железнодорожная станция ранее Грязе-Царицынской, ныне Приволжской железной дороги, расположена в городе Михайловка Волгоградской области.

²⁵ **Чир** – грузовая и пассажирская станция дороги Царицын-Лихая ныне Приволжской железной дороги

[был] арестован повстанцами-контрреволюционерами. Штаб обороны решал¹ вопрос: куда направить удар, чтобы разорвать затягиваемую петлю яконтр[р]еволуции. От правильного решения вопроса зависела судьба Царицына. *И это решение было правильно². Удар был направлен на Себряково с тою целью, чтобы установить постоянную связь с Москвой. Партизанить в глубь [Дон]щины было опасно³ при отсутствии связи с тылом (Москвой). В резуль [тате] этого решения член штаба обороны [В.В.] Сергеев⁴ и [Т.М.] Серёгин⁵ были направле[ны с] отрядом в Себряково. С задачей справились блестяще. Юнкера были разбиты *(Серёгин командовал артиллерией)⁶.

С⁷ Котельникова⁸, Куберле⁹, Ремонтной¹⁰ поступали¹¹ тревожные сведения о наскоках генерала Мамонтова. К тому времени казачьи части фронтовиков были сняты с линии железной дороги¹² Тихорецкая – Царицын казачьим офицером [А.И.] **Автономовым**, и на этой ветке действовал отряд красной гвардии, организованный железнодорожными рабочими *Котельниково, Великокняжеской¹³¹⁴ и отряды красных партизан-казаков, организованные казачьей секцией¹⁵.

Действия этих отрядов были разрознены. *Получилась игра в «кота и мышку»¹⁶. С целью¹⁷ объединения действий всех красных¹⁸ отрядов *против генерала [К.К.] Мамонтова и поддержки, на¹⁹ Котельниково /Л. 2 об./ был направлен член штаба (я) и т[оварищ] Тулак с отрядом. Нам удалось устроить совещание всех отрядных²⁰ командиров²¹ в Котельниково. Но один из командиров казачьей²² части, ушедшей из Котельникова²³ с полковником [Н.М.] **Голубовым** (предатель расстрелян вместе с **Богаевским** в Ростове), *расположенной на станции Великокняжеской²⁴, на совещание не явился и сорвал план боевых действий. Отряды красной гвардии и красных партизан остальных станций выступили и²⁵ разбили Мамонтова. А²⁶ последний,

¹ В П редактор исправил: «должен был решать вопрос».

² В П редактор вычеркнул.

³ Две в О буквы зачеркнуты. В П «опаснее»

⁴ В П зачеркнут карандашом. Над фамилией написано: «Цибуля» и зачеркнуто.

⁵ В П карандашом добавлено «и Цебуля».

⁶ В П редактор вычеркнул.

⁷ В П перед строкой редактор поставил: «9)» и исправил «С» на «Из». Простым карандашом над словом вставка: «В феврале...».

⁸ *Котельниково* – город и железнодорожная станция в России. Ныне административный центр Котельниковского района Волгоградской области.

⁹ *Куберле* – до революции поселок и железнодорожная станция дороги Царицын – Тихорецк. Ныне поселок Красноармейский Ростовской области и узловая станция Северо-Кавказской железной дороги.

¹⁰ *Ремонтное* – ныне село в Ростовской области, административный центр Ремонтненского района и Ремонтненского сельского поселения. Железнодорожная станция Северо-Кавказской железной дороги.

¹¹ В П редактор исправил на: «стали поступать».

¹² В О зачеркнуто: «Тихорецкая – Цари ...» и «Царицын – Велик...».

¹³ В П зачеркнуто редактором.

¹⁴ *Великокняжеская* – станица. Ныне город Пролетарск Ростовской области.

¹⁵ Два предложения зачеркнуты автором читаются слова «отряд красной гвардии т. Т», «т. Тулака».

¹⁶ В П редактор вычеркнул. В О далее зачеркнуто: «Штаб Обороны».

¹⁷ В П редактор исправил: «В целях...».

¹⁸ Слово вписано над строкой.

¹⁹ В П редактор зачеркнул и написал над строкой «и для помощи им в...»

²⁰ В О вписано над строкой.

²¹ Далее зачеркнуто «отр...»

²² Зачеркнуто «на». В П добавлено «ростовской». Затем это слово вычеркнуто редактором.

²³ В П вместо «Котельникова» написано «Ростова»

²⁴ Написано над строкой, подчеркнуто нами.

²⁵ В П вставлено редактором.

²⁶ В П редактор вычеркнул.

пользуясь прорывом у Великокняжеской, пробился в Нагавскую¹, откуда направился в Нижне-Чирскую², организуя кулацкие восстания при своем продвижении³.

*Царицынский пролетариат устроил отряду т[оварища] Тулака торжественную встречу⁴. Организация встречи⁵ была поручена от Штаба Оборона т[оварищу] Серегину⁶, который⁷ принял⁸ бойцов с музыкой⁹.

8–12¹⁰ Марта¹¹ Штаб Оборона *направил членов Штаба Оборона тов[арища] Сергеева и т[оварища] Серёгина с¹² отрядом для занятия Нижне-Чирской, захваченной¹³ генералом Мамонтовым¹⁴. Отряд успешно выполнил свою задачу¹⁵.

/Л. 3/ Однако¹⁶, по уходу красных отрядов¹⁷ из Нижне-Чирской вскорости¹⁸ снова занял ее, и пользуясь наступившим разливом Дона, прочно укрепился¹⁹. Брошенный для ликвидации кулацкого восстания на²⁰ Чиру²¹[.] командир интернационального отряда тов[арищ] Крачковский²² был разбит наголову. Казаки устроили засады в лесу и, пользуясь опрометчивостью интернационалистов, двинувшихся по занятии станции Чир на Нижне-Чирскую без разведки, налетели с гиком-криком²³ и изрубили отряд «на капусту»²⁴.

Брошенный в след за отрядом т[оварища] Крачковского отряд под командой т[оварища] Сергеева разложился²⁵, и пользуясь наступившим половодьем и разливом реки Дона, Мамонтов укрепился в Нижне-Чирской²⁶ [26; 32].

¹ Нагавская – станция в Котельниковском районе Волгоградской области.

² Нижне-Чирская – станция в Суровикинском районе Волгоградской области России, административный центр Нижнечирского сельского поселения.

³ Далее в О зачеркнуто абзац: «Отряду т. Тулака была в Царицыне организована торжественная встреча. Член штаба обороны т. Сер ... От имени пролетариата через члена Штаба Оборона т. Серегина была организована торжественная встреча».

⁴ Далее в О зачеркнуто «От имени Штаба Оборона т. Серегин встретил бойцов с музыкой».

⁵ Далее в О зачеркнуто «От имени Штаба Оборона».

⁶ Далее в О зачеркнуто «от имени»

⁷ Далее в О зачеркнуто «от и...»

⁸ Далее в О несколько букв зачеркнуто.

⁹ В П редактор вычеркнул. Простым карандашом «Вставка из газеты 18 года». В О слова «с музыкой» вписаны над строкой.

¹⁰ В начале строки редактор поставил «11»).

¹¹ В П даты зачеркнуты простым карандашом и над строкой написано: «В конце февраля...» и чернилами «1918 г.».

¹² Вписано над строкой, над зачеркнутым: «послал».

¹³ Это слово зачеркнуто. Над строкой – «занятого». Нами оставлено первоначальное чтение во избежание тавтологии. В П редактор заменил на «бывшей в руках».

¹⁴ Речь идет о Первом походе Красногвардейцев на Нижнечирскую.

¹⁵ Далее зачеркнуто абзац: «Таким образом, царицынский революционный пролетариат разорвал...». «Царицын разорвал затянутую петлю. Началась горячая усиленная работа по организации Советов на местах, по выявлению внутренней контрреволюции. В Царицын стали прибывать отряды с Кубани, из Астраханщины, с Украины. Штаб Оборона слился с военной секцией»

¹⁶ В О далее зачеркнуто: «пользуясь разливом Дона». В П добавлено «Мамонтов». Редактор перед строкой поставил: «12»)

¹⁷ В П редактор исправил на: «после ухода красного отряда».

¹⁸ В П редактор вычеркнул.

¹⁹ В П редактор добавил «там».

²⁰ В П редактор добавил «ст[анции]».

²¹ Далее в О слово зачеркнуто.

²² В О фамилия вписана над строкой. Имя и отчество этого человека нам неизвестны.

²³ В П редактор вычеркнул.

²⁴ Далее в О зачеркнуто: «Пользуясь ра...». В П карандашом написано: «С Мамонтовым в последствии пришлось вести упорную борьбу нашим красноармейским отрядам под командованием т[оварищей] Ворошилова и Щаденко».

²⁵ Далее слово вымарано автором.

²⁶ В П редактор вычеркнул этот абзац.

Штаб¹ обороны лихорадочно взялся за организацию и укрепление² советов на местах, за³ введение⁴ дисциплины и порядка в формируемых красных отрядах, организацию сна[бжения]⁵ этих отрядов, за очистку отрядов от проникших туда [контр]революционных⁶ провокаторов и уголовных элементов⁷. Пожар революции на Дону разгорался. Красные искры, зажигаемого через⁸ казачью секцию горсовета⁹ огня революции падали на Суровикино¹⁰, Обливскую¹¹, Калач¹², Иловлю¹³, белые искры контрреволюции падали на Чир, Голубинскую¹⁴, Григорьевскую^{15, 16}.

В штаб обороны стали пробиваться делегации с Кубани, Ставропольщины и Астраханщины с требованием¹⁷ оружия для обороны советов на местах¹⁸. *Партизанские отряды [Г.Г.] **Колпакова**, [Д.П.] **Жлобы** и др[угих] стремились в Царицын¹⁹.

О²⁰ том напряжении, с которым работал штаб обороны²¹ свидетельствует бесперывность²² работы президиумов²³ штаба обороны. Он был разбит на три²⁴ дежурных смены и работал день и ночь, имея председателя и двух заместителей, трех секретарей в смене [27; 30].

Из товарищей по работе в штабе обороны помню товарищей [С.К.] Минина, [Я.З.] **Ермана**, *деятельность /Л. 3 об./ которых отмечалась и будет отмечена историей²⁵, я помню: т[оварища] Кучина, с которым по мандату Реввоенсовета 10 Красной Армии (т[оварища] **Сталина**) нам в последствии²⁶ пришлось работать в Элисте, где мы пробыли отрезанными 4 ½ месяца.

Т[оварища] Серегина [по] *памятной для меня²⁷ деятельности, которой²⁸ я²⁹ касался в этом сочинении³⁰. Помимо начальника обороны и комиссара оружейного арсенала, он был зам[естителем] председателя Штаба Оборона при трехсменном дежурстве³¹.

¹ В П в начале строки редактор поставил: «8».

² Вписано над строкой.

³ Далее зачеркнуто: «органи... организацию».

⁴ В О и П повтор: «организацию» исправлено редактор простым карандашом.

⁵ В П редактор исправил: «за организацию».

⁶ В П редактор вычеркнул.

⁷ Далее в О зачеркнуто: «В Штаб Оборона стали прибывать делегаты...»

⁸ В О вписано над строкой.

⁹ В О вписано над строкой. В П зачеркнуто: «Царицынским советом».

¹⁰ *Суровикино* – ныне город, районный центр Волгоградской области.

¹¹ *Обливская* – станица в Ростовской области. Административный центр Обливского района.

¹² *Калач-на-Дону* – город, административный центр района Волгоградской области.

¹³ *Иловля* – рабочий посёлок в Иловлинском районе Волгоградской области («ВО» вписано над строкой).

¹⁴ *Голубинская* – старинная донская станица. Ныне входит в состав Калачевского района Волгоградской области.

¹⁵ *Старогригорьевская и Новогригорьевская* – ныне станицы в Иловлинском районе Волгоградской области.

¹⁶ Далее в О одно предложение зачеркнуто.

¹⁷ В П зачеркнуто редактором и над строкой написано: «просьбой о снаряжении и»

¹⁸ Далее зачеркнуто: «В Цари ...».

¹⁹ В П редактор вычеркнул.

²⁰ В начале строки редактор поставил: «12») и затем вычеркнул.

²¹ Над этими словами в П простым карандашом написаны и зачеркнуты несколько слов, которые нам не удалось разобрать.

²² В О и в П «беспрерывка». Исправлено редактором.

²³ В П редактор исправил: «президиума».

²⁴ Далее зачеркнуто: «дежурные»

²⁵ Далее зачеркнуто: «с которыми мне пришлось в том...» В Штабе Оборона.

²⁶ Вписано над строкой.

²⁷ Вписано над зачеркнутым? «как на...»

²⁸ В тексте? Которого.

²⁹ Далее зачеркнуто: «изложены».

³⁰ В тексте: «изложении».

³¹ Помета на полях почерком и карандашом автора: «Тов. Сергеева как секретаря штаба обороны».

Тов[арища] **Мулина Матвея**, введенного в Штаб Оборон секретарем при трехсменном дежурстве. А при слиянии Штаба Оборон с военной секцией, я помню товарищей Горина¹, **Онула, Арзамасцева и Горликова**².

Тов[арища]³ Тулака, который хотя и не являлся членом Штаба Оборон, но заслуги его по обороне Царицына, по налаживанию⁴ революционной дисциплины в отрядах *и революционного порядка в Царицыне⁵. Его качества, как стойкого защитника интересов рабочего класса и смертельного⁶ ненавистника⁷ буржуазии и жирного кулачества, я никогда не забуду. Он таким и умер на своем посту от рук кулачества⁸ в Крестах Элистинского уезда. *Ему я посвятил особую статью, напечатанную в газете «Борьба» в первых числах декабря 1922 или 1923 года.

20.XI.[19]31 г. Вокзал ст[анции] Сталинград. Роспись⁹.

Воспоминания написаны с лицевой и оборотной сторон трех листов из разнолинованной учетной книги форматом в лист простым карандашом. Текст выцвел. Восстанавливается с трудом. Слева от центра листа синими чернилами металлическим пером написана буква W. На левом верхнем поле Л. 3 об. расчеты синими чернилами металлическим пером. Пагинация в верхнем правом углу лицевой стороны листа простым карандашом старые две и новая 1–3. Старые пагинации зачеркнуты простым карандашом.

ГАВО. Ф. 346. Оп. 1. Ед. хр. 79. Воспоминания участников гражданской войны о работе Штаба оборон г. Царицына, военных действиях Красной Гвардии, добровольческих отрядах и др. документы. 03.11.1927–20.11.1931 г. 156 л. Рук. (Старое название – «Черновики»). Л. 1 – 3 об.

ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 38А. (Ч. 2). Выборки из газет «Луч», «Известия Саратовского совета рабочих и солдатских депутатов», воспоминания участников гражданской войны о работе Совета, аграрной реформе, введении 8-часового рабочего дня на предприятиях, продразверстке, работе партячеек на селе и др. вопросам Ч. 2. 24.03.1917–15.08.1932 г. 158 л. Л. 276–277.

/Л. 744 (Р)/

В Астраханских степях¹⁰

[I Раздел]

1 Октября 1918 года Реввоенсовет X Красной армии¹¹ дал мне задание обследовать состояние советских воинских частей по тракту: Царицын – Заветное¹² – Ремонтное – Кресты¹³ – Большая Джалга¹⁴. Части эти состояли:

¹ Мы не располагаем сведениями об этом человеке.

² В П редактор зачеркнул и написал над строкой: «Серёгина, Сергеева, Мулина, Горина, Онула, Арзамасцева, Горликова».

³ В П редактор добавил в начале строки: Хорошо помню...».

⁴ Далее в О буква зачеркнута.

⁵ В П редактор вычеркнул.

⁶ В О вписано над строкой.

⁷ В П редактор зачеркнул и написал над словом: «врага»

⁸ В П редактор исправил: «кулаков».

⁹ В П редактор вычеркнул.

¹⁰ В левом верхнем углу синими чернилами и автоматической чернильной ручкой помета: «Эпизоды в Калмыкии. Смерть Тулака». По верхнему полю тем же почерком, чернилами и ручкой: «Козьмин б. гл. вт. от.».

¹¹ Здесь и далее нами воспроизведены подчеркивания Т.М. Серёгина теми же синими чернилами и пером, что и пометы на полях.

¹² *Заветное* – село в составе Кочубеевского района Ставропольского края.

¹³ *Кресты*, в просторечии Крестовое – ныне село Первомайское в Ремонтненском районе Ростовской области.

¹⁴ *Джалга Большая* – ныне село в Ипатовском районе (городском округе) Ставропольского края.

1) Из Черноярской бригады¹ под командой тов[арища] [И.Н.] Терехова², действовавшей в районе Заветное, против колмыцко-казачьих белых банд, оперировавших в Сальском округе³ Донской области⁴;

2) Элистинской дивизии⁵ под командой тов[арища] [П.А.] **Анацкого**, действовавшей против тех же банд, а также в районе Маныча⁶ (села Крутин⁷, Кормовое⁸, Ремонтное, Кресты);

3) Ставропольской дивизии⁹ под командой тов[арища] А.С.] **Вдовиченко**, действовавшей в Ставропольщине и смыкавшейся правым флангом с Элистинской дивизией;

4) Конных частей под командой товарищей [И.Р.] **Апанасенко**, [В.И.] **Книги**, [К.А.] **Трунова** и других красных героев партизан, действовавших совместно с Ставропольской дивизией¹⁰.

Это задание совпало с отходом партизанских отрядов товарищей [Г.Г.] Колпакова, [Д.П.] Жлобы и других на Царицын. Отход произошел в результате Сорокинской авантюры¹¹ на Кубани, разложившей и обезоружившей красные части и давшей возможность формироваться генералам [А.И.] **Деникину**, [П.Н.] **Врангелю**, [А. Г.] **Шкуре** и другим.

XI-я Красная армия терпела поражения.

/Л. 745(2)/ X-я Красная армия под водительством товарищей [И.В.] Сталина и [К.Е.] Ворошилова героически отстаивала большевистскую крепость Царицын, захлестываемый кольцом красновских головорезов¹². [А.И.] Деникин спешил на помощь [П.Н.] **Краснову** под Царицын. Богатейшие хлебные районы Ставропольщины и Кубани и животноводческий Астраханский район отрезались от Царицына. Это имело не только экономическое, но и стратегическое значение: стирался буфер между генералом Красновым и Деникиным. Отсюда то исключительное внимание, которое уделял Реввоенсовет X Красной армии этому фронту.

В результате обследования была организована экспедиция в Элистинский уезд Астраханской губернии для формирования на месте боевых революционных частей. Во главе экспедиции посланы были товарищи [И.В.] **Тулак**, [И.И.] **Кучин**, [Т.И.] **Козьмин**. Наша задача была организовать оборону Элистинского уезда, сформировать по существу территориальную армию. Такой характер организации боевых частей диктовался той необходимостью, что батрак и бедняк «легкие на подъем» ушли с юга на Царицын с отрядами товарищей **Жлобы**, **Колпакова** и других¹³. Средняк же осел на месте защищать «землю и волю».

¹ Черноярская бригада – временное воинское формирование РККА.

² Имя, отчество и биографию пока установить не удалось.

³ Сальский округ – южный округ Войска Донского. Ныне большая его часть вошла в Сальский район Ростовской области.

⁴ Донская область – Земля Войска Донского, административно-территориальная единица Российской империи.

⁵ Элистинская дивизия РККА – временное воинское формирование РККА, в составе Степного фронта.

⁶ Маныч – река на Северном Кавказе.

⁷ Крутин – экономия недалеко от села Кресты, в которой разводили лошадей. В советское время экономия была превращена в хутор. Ныне не существует.

⁸ Кормовое – ныне село в Ремонтненском районе Ростовской области.

⁹ Ставропольская дивизия РККА – временное воинское формирование РККА в составе Степного фронта.

¹⁰ Пункт отчеркнут Т.М. Серёгиным по левому полю.

¹¹ «Сорокинская авантюра» – мятеж командарма 11-й Красной армии Ивана Лукича Сорокина против Реввоенсовета в октябре – ноябре 1918 г., закончившийся его арестом и расстрелом.

¹² Автор имеет в виду белоказачков.

¹³ Подчеркнуто и одновременно отчеркнуто на полях.

III [Раздел]¹

Примерно, в конце восемидесятых и в начале девяностых годов минувшего века, царское правительство превратило калмык[ов] Сальского округа в казаков. Оно запретило калмыкам вести кочевой образ жизни, прикрепило их к земле, образовало хутора и станицы, организовало атаманскую власть². Освободившиеся богатейшие земли Сальского округа были сданы войсковым правительством в аренду коннозаводчикам за баснословно дешевую цену 1–2 копейки с десятины³.

/Л. 746(3)/ Вечный скотовод кочевник калмык без агроподготовки, без практического опыта должен был по царскому велению превратиться в хлебороба. Калмыцкая верхушка – князьки, гелюнги (попы), и кулаки быстро переключились с скотоводства на коннозаводство. Остальная масса, пользуясь первое время сравнительно крупными земельными наделами, стала сдавать землю в обработку «из-полу» (из половинной части) пришельцам мужикам. *В результате таких соглашений через 2–3 года половинщик мужик делался хозяином, а хозяин калмык пролетал в трубу. Он сдавал землю в аренду или превращался в батрака, или принимался за кражу лошадей и скота. На почве кражи между донскими калмыками и астраханскими мужиками происходили настоящие бои. Национальная рознь и великодержавный шовинизм, культивируемые царским правительством, подливали масло в огонь. Учительствуя в 1905 году в калмыцкой станице Граббевской⁴, Сальского округа, я был свидетелем настоящих боев⁵: астраханские мужики сел Ремонтное и Валуевка⁶ в поисках украденного скота налетали на станицы Граббевскую и громили ее.

*В Октябрьскую революцию астраханские мужики, по-своему понявшие задачи Октября, основательно погромили сальских коннозаводчиков⁷. В погроме калмык[ов] коннозаводчиков активное участие принимали и астраханский кулак, стремившийся расширить свои владения и обогатиться за счет нехристя калмыка. Вор у вора дубинку украл. И когда полковник [К.К.] Мамонтов организовал калмык[ов] в Сальском округе и создал угрозу отмщения за совершенные погромы, астраханский кулак стал искать защиты у советской власти от банд **/Л. 747 (4)/** Мамонтова. Он стал на «защиту» советской власти. И к моменту нашего приезда в Элисту здесь был «классовый мир». И бедняк, и кулак охраняли астраханские границы от нападения калмык[ов] и казаков.

II Раздел

В момент организации экспедиции в Элисту положение в Царицыне было настолько острое и напряженное, что здесь каждый работник, каждый боец, каждый патрон были дороги. Несмотря на это, нам выделили: кавалерийский особый отряд тов[арища] Тулака, два орудия⁸ и баржу с оружием, боеприпасами и обмундированием.

¹ Так в тексте. Мы не стали изменять первоначальный порядок текста.

² Это утверждение не соответствует действительности. Калмыки становились казаками после бегства в Донскую область и Астраханскую губернию и принятия ими православия. Отличительным признаком казаков-калмыков являются их православные имена. Упомянутые Т.И. Козьминым меры лишь обустроивали места компактного расселения. Подробнее см.: Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М., 2002. 523 с.

³ Подчеркнуто и одновременно отчеркнуто на левом поле. Здесь же помета красным карандашом.

⁴ *Граббевская станица* – ныне хутор Грабовский в Зимовниковском районе Ростовской области. Станица переселена в 1931 г. на новое место в связи с передачей территории Калмыцкой АССР

⁵ Подчеркнуто.

⁶ *Валуевка* – ныне село в Ремонтненском районе Ростовской области. Центр сельского поселения.

⁷ Строки отчеркнуты по левому полю.

⁸ В тексте опечатка: «оружия»

а этой барже мы спустились по Волге до Черного Яра¹ (тракт Царицын – Заветное был занят кадетами²).

7 ноября 1918 года³ в день первой годовщины Октябрьской резолюции, мы на 700 подводках двинулись степью на Элисту. Поход наш длился 7 суток. По прибытии в Элисту мы распределили между собою роли следующим образом: на меня было возложено общее руководство и отдел снабжения на тов[арища] Кучина формирование частей Красной армии, тов[арищ] Тулак принял командование участком Заветное (Черноярская бригада), – Кормовое (Элистинская дивизия).

Мы установили связь с Ставропольской дивизией тов[арища] Вдовиченко и по мере возможности с первого дня прибытия в Элисту оказывали ставропольцам помощь в снабжении боеприпасами. Этим мы предрешили ориентировку оторванных⁴ частей разбитой XI Армии на нас. Сами же мы с первого дня экспедиции были отрезаны⁵ от Царицына и действия наши приняли партизанский характер.

/Л. 748 (5)/ За все время нахождения в Астраханских степях мы получили один единственный приказ [Л.Д.] **Троцкого**, датированный чуть ли не месяцем раньше того, чем он был получен. Приказ показался нам настолько абсурдным, что мы его даже не подвергли проработке. Нас удивляло одно: как, не зная обстановки (донесений, мы никому не могли посылать), можно издавать приказ?

А обстановка у нас менялась ежедневно, ежечасно. И мы руководствовались в своих действиях преподанной нам Реввоенсоветом X Красной армии директивой, записанной в выданном мандате – удостоверении:

– В случае, если будете отрезаны, действуйте по своему усмотрению.

Т. Козьмин.

Н[ижне-]Чирская Московская 5.

/Л. 749/

В Астраханских степях

(продолжение)

IV [Раздел]

*Элистинские «штанководы» и кулаки присвоили бедноте кличку: «тонкоштанники»⁶.

С первого дня появления нашего в Элистинском уезде нарушался «классовый мир» между «тонкоштанниками» и «толстоштанниками». По пути следования из Черного-Яра на Элисту тов[арищ] Тулак с своим отрядом оторвался от обоза; взяв направление на Улан-Эрге⁷. С товарищем Тулаком выехали из Царицына 3 чекиста. Прибыв в Улан-Эрге, тов[арищ] Тулак организовал «комитет бедноты», перевел совет из захудалого здания в лучшее помещение, организовал бедноту для борьбы с кулачеством. В Элисте также организован был «комитет бедноты».

Здесь чекисты произвели осмотр церкви. Обнаружены были большие запасы мануфактуры, платки, несколько церковных занавесей. Все это было передано «комитет бедноты» для распределения между «тонкоштанниками»⁸.

Приняв командование Элистинской дивидией и Черноярской бригадой, тов[а-

¹ *Черный Яр* – ныне село на севере Астраханской области. Административный центр Черноярского района.

² То есть белогвардейцами. Так красноармейцы обычно называли солдат и офицеров Добровольческой армии.

³ Подчеркнуто.

⁴ В тексте опечатка: «оторванных».

⁵ В тексте повтор: «оторваны».

⁶ Отчеркнуто по левому полю.

⁷ *Улан-Эрге* – ныне поселок в Яшкульском районе Калмыкии, административный центр Уланэргинского сельского муниципального образования.

⁸ Подчеркнуто и отчеркнуто по левому полю.

рищ] Тулак обнаружил недостаток продуктов питания. А кулацкие амбары ломились от запасов хлеба. Началась борьба за хлеб. Имя товарища Тулака было известно кулачеству по наслышке еще задолго до появления его в Элистинском уезде. Какой же звериный страх и ненависть вселяло оно в кулацкую среду при появлении тов[арища] Тулака /Л. 750 (2)/ в Астраханских степях?

– До Вашего приезда у нас были советы, но не было здесь советской власти – говорила нам беднота.

– Мы за советскую власть и с большевиками, – рычали кулаки, – но мы против узурпаторов и коммунистов.

*Тов[арищ] Тулак избрал своей резиденцией село Кресты. Появись провокационные слухи:

– Фронтвики защищают советскую власть, а в тылу расстреливают и грабят их отцов¹.

*Эта провокация достигла цели. 4 декабря 1918 года кулацкая группа солдат Элистинской дивизии снялась с фронта, убила тов[арища] Тулака и астраханца Пастухова² и направилась в Элисту с целью захвата оружия и вооружения мобилизованных штабом формирования крестьян, находившихся в Элисте³. Работники нашей экспедиции во главе с тов[арищем] Кучиным были арестованы. Мой секретарь тов[арищ] Козловский⁴, оказавший сопротивление бандитам, был убит. Комендант ранен. Я находился в селе – Валуевка, а поэтому спасся случайно.

Расчет кулацкой банды на то, что мобилизованные крестьяне возьмутся за оружие для свержения советской власти – не оправдался. Они просчитались. В Элисте они захватили склад оружия. По улицам побежали глашатаи с призывом:

– Берите оружие! Бей коммунистов!

Проходившие военное обучение при штабе формирования мобилизованные крестьяне в количестве до 1000 человек «нейтрально» разбежались.

Стража, охранявшая зал арестованных, не знала, что ей /Л. 751 (3)/ делать, так как «вожаки» восстания, почувствовав слабую почву, смылись из Элисты. Арестованные освободились. Восстание самоликвидировалось. Это был для нас экзамен. Этот экзамен стоил нам потери дорогого работника тов[арища] Тулака, потери т[оварищей] Пастухова и Козловского, но мы сделали вывод:

– Беднота за нас. «Нейтралитет» середняка в нашу пользу. Оборона астраханской территории обеспечена.

*Мы издали приказ в котором заявили, что⁵ тов[арищ] Тулак наш единомышленник, что мы будем проводить ту же линию, линию коммунистической партии и советского правительства, которую проводил тов[арищ] Тулак⁶. Этот приказ имеется в сталинградском архиве в одном из номеров «Солдат революции».

Я узнал об убийстве тов[арища] Тулака 5 декабря в селе Ремонтном. По телефону из штаба Элистинской дивизии представитель от Ставропольской дивизии, посланный в Кресты для связи, передал мне следующее:

– Командный состав дивизии снял с себя полномочия. Завтра, 6 декабря, созывается съезд фронтовиков солдат для выбора командования дивизии. Фронт спокоен. О восставшей банде сведений нет.

¹ Отчеркнуто по левому полю.

² Имя и отчество установить не удалось.

³ Текст отчеркнут по левому краю.

⁴ Имя и отчество установить не удалось.

⁵ В тексте пропуск.

⁶ Отчеркнуто по левому полю.

Я ответил, что буду на съезде.

6 декабря я прибыл в Кресты. Меня встретил начальник штаба, Элистинской дивизии тов[арищ] Репелов¹, который доложил, что командир дивизии тов[арищ] Анацкий находится в Элисте. Командование остается за прежним составом, а поэтому в съезде фронтовиков нет необходимости, и он отменен. Фронт спокоен.

Я отбыл в Элисту.

V [Раздел]

/Л. 752(4)/ Подписав декларацию-приказ, о котором я упомянул выше, мы с тов[арищем] Кучиным решили перевести штаб в село Ремонтное для непосредственного руководства частями Элистинской дивизии (штаб в Крестах) и Черной бригады (штаб в Заветном). В основу нашего решения было положено не только приближение руководства к фронту, но и соображения такого порядка: работа штаба в непосредственной близости к фронту, на виду фронтовиков предупредит распространение провокационных слухов, что у них что-то делается в тылу.

*После того, как кулацкая верхушка отделилась от фронтовиков, мы смело опирались в своей работе на остальную массу солдат, неподдающуюся кулацкой провокации. Мы поделили обязанности так: тов[арищ] Кучин остался работать в штабе, а я превратился в комиссара Элистинской дивизии и неотлучно находился при командире дивизии тов[арище] Анацком².

В одном из боев под селом Крутик тов[арищ] Анацкий был смертельно, ранен. Доставленный домой в село Приютное³ он на второй день умер. В лице тов[арища] Анацкого дивизия потеряла боевого отважного командира. *Вместо тов[арища] Анацкого мы назначили командиром тов[арища] Репехова, бывшего начальника штаба дивизии (впоследствии попал в плен и расстрелян белыми)⁴.

А тем временем белые жали ставропольцев к Манычу. Ставропольцы отступали в направлении Приютное, Кормовое, Кресты. И по мере наших поражений астраханская контрреволюция подымала голову выше и выше. Стали распространяться **/Л. 753 (5)/** новые провокационные слухи.

*– Идет отряд из Царицына мстить за смерть Тулака. Сметут все с лица земли.

– В ночь под рождество будут перерезаны все коммунисты⁵.

Эти слухи имели целью внести поголовную панику среди солдат (впереди белые, а сзади карательный отряд красных и коммунистов). *Меня вызвал из дивизии тов[арищ] Кучин и заявил:

– Как хочешь, а я бегу. Жена не дает покоя. Я не работник⁶.

*– А приказ забыл? Сам же давал обязательство продолжать работу. Сам же говорил: «нас не запугаете?!»

– Да ты пойми: семья.

– Ну, попробуй, явись в Царицын. Тебя спросят: с чем приехал? Ответишь:

– С семьей.

¹ Имя и отчество установить не удалось.

² Отчеркнуто по левому полю.

³ *Приютное* – ныне село в Калмыкии, административный центр Приютненского района и Приютненского сельского муниципального образования.

⁴ Отчеркнуто по левому полю.

⁵ Текст подчеркнут и отчеркнут по левому полю.

⁶ Текст подчеркнут и отчеркнут по левому полю.

– А где оружие, где снаряжение, где орудия, где все то, что в трудный момент осады Царицына тов[арищи] Сталин и Ворошилов дали тебе? Как ты будешь отвечать на эти вопросы?

Беседа «по душам» повлияла на тов[арища] Кучина.

– Черт с ней. Если хочет – пусть едет жена одна, – решил он. – Я остаюсь!¹

VI [Раздел]

*Ставропольцы терпели поражения за поражением. В Крестах обнаружались эсеры. Были вывешены воззвания с лозунгами:

– Долой ставленников и узурпаторов, так окрестили меня и Кучина.

– Да здравствует учредительное собрание!²

10 января 1919 года начальник дивизии Репехов /Л. 754 (6)/ позвонил из Крестов. И у нас произошел такой разговор:

– Эсеры ведут работу среди солдат. Организуют войсковой съезд.

*– Можно предотвратить съезд?

– Нет. Солдаты настаивают.

– Когда и где предполагается съезд.

– Эсеры назначают в Крестах на 12 января.

– Раз нельзя предотвратить съезда то возьмите инициативу в его созыве на себя. Объявите съезд не на 12 января, а на 14 и не в Крестах, а в Кормовом³.

Этим ходом был объявлен шах эсеровскому королю. Мы взяли инициативу в свои руки и сохранили авторитет. На 14 января был созван съезд в Кормовом. Но здесь перевес остался на стороне эсеров. И они поставили вопрос о перенесении съезда в Кресты на 16 января, внесли добавления пригласить на съезд и «мирных» жителей, иначе, говоря, кулацкую верхушку, от которой мы очистили боевые части.

Мы мобилизовали на съезд бойцов Черноярской бригады как более революционных и крестьян сел Заветное, Валуевка, Ремонтное, как наиболее надежных. Из Элисты на съезд прибыли военный комиссар и председатель у[ездного] исполкома.

Собравшийся съезд представлял из себя бочку пороха вблизи огня. *Вынесено было решение, при входе в зал заседания снимать оружие⁴. Враг не скрывал своего лица и стоял открыто перед нами. От группы эсеров и от нас были выделены по одному бойцу и по одному «мирному» жителю, *которые принимали при входе в зал заседания оружие и выдавали его при выходе из заседания⁵.

/Л. 755 (7)/ На съезде эсеровский актив преобладал. Президиум был из них. Повестка для составлена ими. Первым вопросом был: «О контрибуции» Второй вопрос: «О власти». Всего было 10 вопросов.

«Контрибуцией» эсеры называли военный налог, который был объявлен в 1918 году и распространялся на территории, не входящие в зону военных действий. Этим вопросом эсеры хотели подорвать авторитет советской власти, а вторым вопросом поставить точку на «и»: свергнуть советскую власть.

Ровно 2 дня и 2 ночи с небольшими перерывами мы бились над разрешением первого вопроса. Вопрос передается в дискуссию: советская власть, или учредительное собрание. И эсеры и мы хорошо понимали, что между нами идет борьба

¹ Отчеркнуто по левому полю. Здесь же пять восклицательных знаков.

² Отчеркнуто по левому полю двумя линиями. Здесь же восклицательный знак.

³ Отчеркнуто по левому полю.

⁴ Подчеркнуто. Отчеркнуто по левому полю красным карандашом.

⁵ Отчеркнуто по левому полю.

на то, на чьей стороне окажется «нейтральный» пока ничем не проявивший себя на съезде середняк. Последнее слово принадлежало середняку. Сила эсеровской агитации за учредительное собрание была в демагогии. Они считали, что их «козырь – контрибуция» нам нечем будет крыть. Но мы показали, что этот «козырь» крапленый. Что Элистинский уезд, как прифронтовой, налогом не облагается (объяснили разницу между налогом и «контрибуцией»). Попутно сделали, призыв: забрать излишки хлеба у местных кулаков для снабжения солдат революции.

Прения носили настолько жаркий характер, что *во время выступления военного комиссара на него набросился секретарь президиума с кулаками. Секретарь оказался пьян. Мы запротестовали и потребовали вывести секретаря из зала заседания. Эсеры стали на его защиту. И если бы мы не обезоруживались, то наверняка произошла бы перепалка¹. Мы все-таки /Л. 756 (8)/ настояли на своем, и пьяный секретарь был выведен из зала заседания.

Тут произошел такой эпизод. *Во время моего выступления из зала раздался голос:

– Скажите, вы кем² были в царской армии?

Речь оборвалась. Наступила гробовая настороженная тишина. Раздался снова тот же голос, с тем же вопросом.

Я ответил:

– Офицер из прапорщиков военного времени.

*Жуткая тишина. Слышно, как пролетит муха. Незабываемый момент³.

*– Так вот видите, кто нас натравливает друг на друга! – разрезал, тишину истерический голос. – Вот видите, кто командует нами! ...⁴

Я ждал смертного приговора. *На задней парте (заседание было в школе) кто-то настойчиво поднимает руку.

– Подольет масла в огонь, – думаю я.

Неизвестному дают слово⁵:

* – Товарищи, я знаю тов[арица] Козьмина по Ростову. Он первый и единственный офицер, работал с большевиками. Он участвовал в Ростовском восстании против Каледина ...⁶

Гром аплодисментов огласил зал. Кто переживал в течение двух-трех минут опасность смерти и торжество победы, – тому понятно будет мое состояние. Перелом. Нейтралитет сломлен. Сила на нашей стороне. И когда стали голосовать резолюции, – подавляющее большинство проголосовало за нашу резолюцию, за революцию советской власти против учредилки.

/Л. 757 (9)/ Было принято наше предложение: забрать излишки хлеба для снабжения бойцов Элистинской дивизии. Тут же были выделены тройки для обнаружения и изъятия излишков.

Перешли ко второму вопросу «о власти».

– Кто докладчик?

*С заметной дрожью говорит председатель собрания:

– У нас имеются сведения, что у[ездный] исполком бежал.

¹ Текст подчеркнут и отчеркнут по левому краю. Здесь же знак вопроса.

² В тексте: «чем».

³ Слева на полях «!».

⁴ Отчеркнуто по левому полю.

⁵ Подчеркнуто.

⁶ Отчеркнуто по левому полю.

Показывается председатель у[ездный] исполкома:

– У[ездный] исполком на месте. Работает нормально¹. Эсеры и тут постыдно проваливаются. Этот и последующие вопросы снимается с повестки дня. Съезд закрылся. Ночью эсеры перебежали к Деникину.

22.XII.1934 г.

(Продолжение следующей почтой)

В Астраханских степях

(окончание)

VII [Раздел]

В конце января 1919 года ставропольские части отступили за Маныч и соединились с нами. В это время из Астрахани от политотдела Каспийско-Кавказского фронта к нам в село Ремонтное прибыли два работника: тов[арищ] Кузмин² и тов[арищ] Ульянов³. Было созвано совещание командного состава астраханских и ставропольских частей. Тов[арищ] Кузмин и Ульянов предложили организовать военно-революционный совет соединенной армии, Предложение было принято. Членами военно-революционного совета особой соединенной армии были выдвинуты товарищи Сухоруков⁴, Кучин, Козьмин (я). Наша задача была руководить ставропольскими и астраханскими частями до соединения их с X Красной армией.

Село за селом переходило в руки белых. Заняты Кресты. Всего 25 верст от места нашей резиденции. На пути нашего отступления на Царицын остается 4 населенных пункта: Ремонтное, Валувка, Федосеевка⁵, Заветное. А дальше правый фланг подковы противника, захлестнувший Царицын. Путь к Царицыну отрезан. Идти на Астрахань – погибнешь в степях. Вся армия расквартирована в двух селах: Ремонтное, Валувка, Теснота – яблоку негде упасть. *Тифозные в каждой хате. Мяса вдоволь, хлеба нет⁶...⁷

Научно-вспомогательный фонд Мемориального музея-панорамы «Сталинградская битва» № 9382, п 244 ЦД. Л. 744–758. (Текст напечатан на пишущей машинке 2 или третий экземпляр под копирку на пожелтевших листах бумаги формата А 4. Первоначальная пагинация напечатана на машинке. Пометы и выделения текста сделаны перьевой чернильной авторучкой. Действующая пагинация в верхнем правом углу сделана шариковой ручкой).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Фонд Р-346. Сталинградская комиссия по сбору и обработке документальных материалов по истории Октябрьской революции и Гражданской войны 1931–1940 гг.

2. ГАВО. Ф. 6527. Оп. 1–2. Государственный музей Оборона Царицына-Сталинграда.

3. Научно вспомогательный фонд Музея-заповедника «Сталинградская битва».

¹ Отчеркнуто по левому полю.

² Имя и отчество установить не удалось.

³ Имя и отчество установить не удалось.

⁴ Имя и отчество установить не удалось.

⁵ *Федосеевка* – ныне село в Заветинском районе Ростовской области, центр сельского поселения.

⁶ Подчеркнуто. На левом поле отчеркнуто красным карандашом. Здесь же: «!».

⁷ Далее текст воспоминаний обрывается, 2/3 листа чистые.

4. *Синеоков Н.А.* Указатель материалов по истории революционного движения Сталинградского края 1905–1922 гг.; Сталин. окр. музей революции. Сталинград: [тип.] Полиграфпром ОСНХ, 1930. 31 с.
5. 1905 год в Сталинградской губернии: [Историко-революционный сборник] / под ред. Г.Т. Гаврилова, Н.Н. Соколова и М.М. Щербакова; Комис. Сталинградск. губисполкома по организации празднования 20-летия Революции 1905 года и Истпартотд. Сталинградск. губкома РКП(б). Сталинград: [Истпарт Сталинградск. губкома РКП(б)], 1925. 151 с.
6. 1917 год в Сталинградской губернии: (Хроника событий) / сост. Г.Т. Гаврилов; под ред. Н.Н. Соколова; Истпартотд. Сталинградск. губкома ВКП(б). Сталинград: [Губком ВКП(б)], типолит. Полиграфпром ГСНХ, 1927. 177 с.
7. В боях за диктатуру пролетариата: сборник воспоминаний участников Октября и гражданской войны в Нижнем Поволжье / Истпарт Н.-Волж. крайкома ВКП(б). Саратов: Парт. изд. Н.-В. краев. отд-ние, 1933. 72 с.
8. Наш край: Историко-революционный сборник царицынского испарта. Вып. 1. Царицын: Изд-во испарта при Губкоме, 1924. 84 с.
9. Наше прошлое: из истории Сталинградской организации ВЛКСМ: сборник статей и документов / Истпарт. Отдел Сталинградск. ГК ВКП(б). Сталинград: Губ. ком. ВКП(б), 1928. 160 с.
10. Оборона Царицына: Сборник статей и документов / сост: В. Алексеев. К. Нефедов; Истпартотдел Сталингр. крайкома ВКП(б). Сталинград: Краев. кн-во, 1937. 348 с.
11. *Романов И., Соколов Н.* Очерк истории революции 1917 года в Царицыне (Сталинграде). Саратов: Парт. изд-во. Н.-В. краев. отд-ние, 1932). 156 с.
12. *Синеоков Н.А.* Сталинград в гражданскую войну. Сталинград н/В.: СОРМ, 1929. 16 с.
13. *Соколов Н.Н., Синеоков Н.А., Урзапов А.Н.* Революционный Сталинград: сборник статей по истории Гражданской войны и социалистического строительства в округе. Сталинград, 1930. 64 с.
14. Центр документальных коллекций новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 59. Ед. хр. 531. Л. 1–2. Архивная справка ЦДНИ ВО для Энциклопедии Волгоградской области.
15. *Булюлина Е.В.* Очерки истории государственного архива Волгоградской области (1923–2000). Волгоград: ВолГУ, 2024. 157 с.
16. *Чигиринская К.Б.* Репрессии 1930-х годов в отношении участников обороны Царицына // Вопросы краеведения. Волгоград, 2008. С. 221–224.
17. Великая годовщина. Сталинград: Обл. из-во, 1937. 88 с.
18. Великий поход армии Ворошилова от Луганска к Царицыну и героическая оборона Царицына. М.: ГВИ НО СССР, 1938. 300 с.
19. *Генкина Э.Б.* Борьба за Царицын в 1918 году. М.: Политиздат, 1940. 220 с.
20. *Генкина Э.Б.* Приезд товарища Сталина в Царицын. Сталинград: Краевое изд-во, 1937. 56 с.
21. *Рабинович С.* История гражданской войны. Краткий очерк. М.: ГСЭИ, 1935. 270 с.
22. *Хмельков А.И.* К. Е. Ворошилов на Царицынском фронте. Сталинград: Облкнигоизд-во, 1941. 118 с.
23. *Хмельков А.И.* Сталин в Царицыне. Сталинград: Облкнигоизд-во, 1940. 42 с.
24. Дорогой борьбы и побед: сборник воспоминаний и статей к 60-летию КПСС / под ред. В.И. Томарева. Волгоград: Волг. книж. из-во, 1963. 267 с.
25. 1905 год в Царицыне (документы и материалы) / сост. В.И. Томарев и Е.Н. Шкодина. Сталинград: Кн. изд-во, 1960. 204 с.
26. 1917 год в Царицыне: сб. док. и мат-лов / под ред. В.И. Томарева. Сталинград: Стал. книгоизд., 1957. 151 с.
- 26*. В боях за Царицын: сб. воспоминаний / сост. Ю.А. Бондарева, В.Б. Мишина, Т.Н. Науменко, Л.И. Новикова. Сталинград: Кн. изд-во, 1959. 397 с.
27. За Советскую власть: сборник воспоминаний участников революционных событий в Царицыне / сост. и лит. обработка: В.И. Томарев и М. Я. Клейман. Сталинград: Стал. книжное изд-во, 1957. 239 с.
28. *Будченко Л.И., Болдырев Ю.Ф., Калашникова О.А., Копченкова Е.Л., Филиппова А.П.* Минин: портрет на фоне эпохи. Волгоград: ЦДНИВО, 2020. 204 с.
29. Царицын 1917–1922 гг. сб. док. / под ред Л.И. Будченко и др. Волгоград, принт, 2021. 320 с.
30. ГАВО. Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 164–168; Ед. хр. 122. Л. 197–198. (СерEGIN Т.М. Биографии членов Штаба Оборона Советов города Царицына (Сталинграда) 1917–1919 годы).
31. ГАВО. Ф. 346. Оп. 1. Ед. хр. 79. Воспоминания участников гражданской войны о работе Штаба обороны г. Царицына, военных действиях Красной Гвардии, добровольческих отрядах и др. документы. 03.11.1927 – 20.11.1931 г. 156 л. Рук. (Старое название – «Черновики»). Л. 1 – 3 об. (Козьмин Т.И. О работе Штаба Оборона Царицына).

32. ГАВО. Ф. 346. Оп. 1. Ед. хр. 38А. (Ч 2). Выборки из газет «Луч», «Известия Саратовского совета рабочих и солдатских депутатов», воспоминания участников гражданской войны о работе Совета, аграрной реформе, введении 8-часового рабочего дня на предприятиях, продразверстке, работе партячеек на селе и др. вопросам Ч. 2. 24.03.1917–15.08.1932. 158 л. Л. 276–277. (Козьмин Т.И. О работе Штаба Оборона Царицына).

33. Научно-вспомогательный фонд Мемориального музея-панорамы «Сталинградская битва» № 9382, п. 244 ЦД. Л. 744–758. (Козьмин Т.И. В Астраханских степях)

34. Козьмин Т.И., Кучин И.И. Памяти товарища Тулака // Борьба. 1918 г. № 289. С. 1.

35. ГАВО. Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 149–155. (Серегин Т.М. Как организовался штаб обороны советов города Царицына (Сталинграда) в 1917 году. Что заставило создать такой штаб. Какова была его структура и состав членов Штаба Оборона).

36. ГАВО. Ф. 346. Оп. 1. Ед. хр. 76. Воспоминания участников гражданской войны об организации добровольческих отрядов, обороне г. Царицына, борьбе с белогвардейцами у г. Дубовки, Калача, ст. Алексиково, Добринской и др. в 1918–1919 гг. 05.10.1923–23.12.1931. Рукописи. 213 л. Л. 134. (Козьмин Т.И. Сопроводительное письмо к воспоминаниям, направленным в газету «Борьба» 1928 г.)

36. ГАВО Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 73–74. (Стенограмма совещания Красных партизан 27.12.1934 г. в Сталинградском горкоме ВКП(б)).

37. ГАВО Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 80. 82 л. (Тезисы выступлений совещания Красных партизан 27.12.1934 г. в Сталинградском горкоме ВКП(б)).

ПРИМЕЧАНИЯ

Автономов Алексей Иванович – советский военачальник, участник Первой мировой и Гражданской войн. Главнокомандующий вооруженными силами Кубанской советской республики.

Анацкий Петр Антонович (25.09.1879–15.09.1918) командующий Степным фронтом РККА.

Апанасенко Иосиф Родионович (3[15].04.1890–05.08.1943) советский военачальник.

Арзамасцев Георгий Филиппович – Первый комендант города – член Штаба обороны и Ревтрибунала, активный организатор красной гвардии.

Богаевский Митрофан Петрович (1881–1918) – донской казак, общественный деятель, историк и педагог, заместитель донского атамана А.М. Каледина. Был пленен Н.М. Голубовым и доставлен в Ростов-на-Дону, где был расстрелян.

Бойкин В.П. – скорее всего, это (1881–?) – профессиональный революционер один из руководителей большевиков в Ростове-на-Дону, а затем в Астрахани.

Вдовиченко Антон Семенович – командир Ставропольского отряда, затем командир Второй Ставропольской дивизии.

Ворошилов Климент Ефремович (04.02.1881–02.12.1969) – российский революционер, советский военный, государственный и партийный деятель, ближайший соратник И.В. Сталина, командующий 10-й Красной Армией.

Врангель Петр Николаевич, барон, (27.08.1878–25.04.1928) – один из главных руководителей белого движения, командующий Кавказской армией, преемник А.И. Деникина на посту главнокомандующего Вооруженными силами Юга России, генерал-майор.

Голубов Николай Матвеевич (1881–29.03.1918) – войсковой старшина, возглавлял отряд красных казаков, но отказался подчиняться командованию и ушел к белым. Был убит во время оправдательной речи на казачьем круге.

Горликов Андрей Васильевич – член Штаба обороны и председатель военной секции, начальник комендантского управления города Царицына 1917–1918 гг.

Деникин Антон Иванович (16.12.1872–08.08.1947) – командующий Добровольческой армии, главнокомандующий Вооруженными силами Юга России, генерал-лейтенант.

Ерман Яков Зельманович – революционер, один из организаторов установления советской власти в Царицыне. Председатель исполкома Царицына с 1917 года по 1918 год.

Жлоба Дмитрий Петрович (03[15].06.1887–10.06.1938) советский военачальник, командир Стальной дивизии.

Каледин Алексей Максимович (12[24.10].1861–29.01[11.02].1918) – русский военачальник, генерал от кавалерии, войсковой атаман Донского казачьего войска.

Книга Василий Иванович (1882–1961) – комдив 1-й Конной армии.

Колпаков Григорий Григорьевич (?–31.10.1920), советский военачальник.

Краснов Петр Николаевич (22.09.1869 – янв. 1947) – русский генерал от кавалерии, атаман Всевеликого

войска Донского, военный и политический деятель, писатель и публицист. Видный участник Белого движения. Казнен за измену Родине.

Кучин Иван Иванович – командир Сводного революционного отряда, присланного из Саратова в Царицын осенью 1917 г., товарищ председателя Штаба обороны, начальник штаба Степного фронта в 1917–1918 гг.

Мамантов (Мамонтов) Николай Петрович (1869–1920) – полковник Императорской армии, генерал-лейтенант Донской армии Всевеликого Войска Донского и ВСЮР.

Минин Сергей Константинович (29.06.1882–08.01.1962) – профессиональный революционер, признанный вождь царицынских большевиков, политический деятель и публицист, автор работ по философии и атеизму.

Муллен Матвей Кузьмич – секретарь Штаба Обороны.

Онул Павел Аврорович – товарищ председателя военной секции и 2-го состава Штаба обороны Царицына.

Сергеев Вениамин Вениаминович – любимец С.К. Минина, командир красновардейских отрядов в двух походах на Нижне-Чирскую. Инспектор артиллерии 10-й Армии 1919 г. Репрессирован.

Сталин Иосиф Виссарионович (06[18].12.1878–5.03.1953) – руководитель СССР, генералиссимус. Во время описываемых Т.И. Козьминам событий член РВС РСФСР, ответственный за проведение продовольственной диктатуры на юге России, председатель РВС Северо-Кавказского военного округа. Вступил в острый конфликт с Л.Д. Троцким и генерал-лейтенантом А.Е. Снесаревым, фактически возглавил руководство обороны Царицына 19.07–12.09.1918 гг. и смог отбить наступление белых на Царицын. Отозван В.И. Лениным в Москву.

Троцкий (Бронштейн) Лев Давыдович (07.11.1878–21.08.1940) – русский революционер, активный участник российского и международного социалистического и коммунистического движения, советский государственный, партийный и военно-политический деятель, основатель и идеолог троцкизма. В описываемое время – народный комиссар обороны.

Трунов Константин Архипович (25.07.1886–3.08.1920) – командир дивизии в 1-й Конной армии.

Тулак Иван Васильевич (1892–1918) – активный участник Гражданской войны, один из организаторов и руководителей Ростовского восстания против А.М. Каледина и обороны Царицына в 1918 г.

Шкуро Андрей Григорьевич (19.01.1887–17.01.1947) (Шкура – фамилия при рождении, впоследствии измененная) – командир отряда белых партизан, генерал-лейтенант ВСЮР и Вермахта. Казнен за измену Родине.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Игорь Олегович Тюменцев – доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории казачества, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Igor Olegovich Tyumentsev – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at the Laboratory of Cossacks, Federal Research Centre Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation.

E-mail: tijumencev@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8762-9308

© И.О. Тюменцев, 2025

Дата поступления статьи в редакцию: 11.01.2025.

Дата принятия статьи: 22.01.2025.

ОТЗЫВЫ

УДК 94(470.6)»1855/1939»

О ЧЕРЕДЕ МОДЕРНИЗАЦИЙ В КАЗАЧЬЕМ РЕГИОНЕ (к выходу новой монографии Р.Г. Тикиджьяна)

© 2025 г. А.П. Скорик

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова
(Новочеркасск, Россия)

Аннотация. В статье на основе историографического анализа и рецензирования недавно вышедшей из печати монографии кандидата исторических наук, доцента Донского государственного технического университета Руслана Геннадьевича Тикиджьяна раскрывается текущее состояние историографии истории донского казачества на протяжении двух столетий, начиная с середины XIX в. и заканчивая рубежом 1939 г., но в целом ряде случаев историописание выходит за указанные хронологические рамки. В результате формируется проблемно-историческое поле для ведения дискуссий коллег-историков, профессионального диалога по наиболее актуальным для исследователей темам казаковедческого характера с опорой на многочисленные историографические факты и многообразные конкретно-исторические материалы, позиционируемые автором рецензируемой монографии.

Ключевые слова: дискуссия, исследования, историки, историография, казаковедение, научные перспективы, тенденции познания, точки зрения.

ON THE SERIES OF MODERNIZATIONS IN THE COSSACK REGION (to the publication of a new monograph by R.G. Tikijyan)

A.P. Skorik

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Abstract. The article, based on a historiographical analysis and review of a recently published monograph by Ruslan Gennadievich Tikijyan, Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Don State Technical University, reveals the current state of historiography of the history of the Don Cossacks for two centuries, starting from the middle of the XIX century and ending with the turn of 1939, but in a number of cases the historiography goes beyond the specified chronological framework. As a result, a problem-historical field is being formed for discussions among fellow historians, for professional dialogue on the most relevant topics of a Cossack nature for researchers, based on numerous historiographical facts and diverse concrete historical materials positioned by the author of the reviewed monograph.

Keywords: discussion, research, historians, historiography, Cossack studies, scientific perspectives, cognitive trends, points of view.

За последние годы значительно возрос в научной среде и широких слоях российского общества неподдельный интерес к изучению истории и культуры казачества. Это настоятельно требует разработки наиболее сложных сюжетов в историографии проблемы, к числу которых, безусловно, относится социальная дискуссионная панель казачество *vs/сop* крестьянство, причем неизменно актуализирующаяся на изломе исторических эпох.

В издательстве Донского государственного технического университета в марте 2024 г. вышла приличным тиражом 500 экземпляров фундаментальная монография

известного донского историка-казаковеда Р.Г. Тикиджьяна [1], вполне отвечающая сциентистско-методическим требованиям к работам такого рода и посвященная наиболее сложному и переломному периоду в истории российского государства, роли и статусу донского казачества и крестьянства в многообразных процессах второй половины XIX – первой половины XX столетий, их месту в политической, экономической и социокультурной жизни Российской империи и новой Советской России – СССР.

Автором характеризуются причины и последствия участия донского казачества и крестьянства в осуществлении буржуазно-либеральных реформ, в последующем развитии и преодолении социально-политических кризисов; даются интерпретации влияния взаимоотношений двух обозначенных акторов на итоги сразу трех русских революций начала XX в.; раскрывается их конфликтологическое противостояние в Гражданской войне; показывается трансформация взаимодействия указанных сословий с советской властью в период строительства раннего социалистического общества и превращения их в течение периода 1920-х – 1930-х гг. в одну из составных частей постклассовой консолидации квазимонолитного советского народа. При всей дискуссионности отдельных положений монографического сочинения мы реально имеем дело с самостоятельным, завершенным и достойным внимания профессионального научного сообщества историков-казаковедов и широкого круга любителей истории исследованием, обладающим познавательным значением и контекстом, выходящим далеко за рамки регионально-краеведческого фолианта. Именно в этом заключается его главное научно-публикационное достоинство при выходе в свет, и оно, несомненно, становится знаковым историографическим фактом, который, в свою очередь, выступает основной **целью изучения в настоящей статье**, переходящей в своем содержании за известные научно-методические рамки традиционной журнальной рецензии и обусловленной своим написанием современной историографической ситуацией в историческом казачеведении.

Концептуальный замысел автора заключается в рассмотрении двух модернизационных периодов (позднеимперского и раннесоветского) в истории нашей страны с использованием испытанного многократно в российской историографии сравнительно-исторического (компаративного) метода, когда в центре исследовательского внимания оказываются три знаковых исторических сюжета:

- 1) осуществление в донском регионе Великих реформ императора Александра II и ситуация пореформенного времени;
- 2) переживание жесткого перелома исторических эпох: позднемонархической и раннесоциалистической;
- 3) реализация коллизионного советского эксперимента.

В качестве исходного конкретно-исторического материала и базиса теоретических интерпретаций для историка-казаковеда служит фактологический контент из истории донского казачества и крестьянства, рассмотренный на достаточно продолжительном хронологическом отрезке с 1855 по 1939 г. Замысел раскрывается автором в опубликованной монографии, структурно-логически поделенной на четыре главы и снабженной обстоятельным научно-справочным аппаратом.

В предисловии, где после абзаца посвящения Учителям в науке и авторских благодарностей объемом полторы страницы (куда включены и добрые слова в наш адрес), объясняется оригинальный замысел монографического произведения: «Работа посвящена историографической оценке дискуссионных вопросов о проис-

хождении, становлении и трансформации донских казаков в период с конца XV до первой половины XX в. В конкретно-историческом плане охвачены хронологические рамки с 1855 по 1940 г. (имперский период 1855–1917 гг. и советский период 1917–1922, 1922–1939 гг.). Исследуются основные этносоциальные сообщества, страты и категории донского казачества, коренного крестьянства Области Войска Донского и Приазовья, иногороднего и рабочего населения Донского края, их сложные взаимоотношения с казаками» (с. 4).

Хронотопические рамки монографического исследования обозначены с учетом многократного перекраивания имперскими и советскими властями административно-территориальных границ на Юге России. Как подчеркивает Р.Г. Тикиджьян, «исследование географически включает субрегион Дона и Приазовья, территории исторической Области Войска Донского (1870–1918 гг.), Донских округов (1920–1936 гг.), территории современных Ростовской и части Волгоградской (Сталинградской) областей Юга России (с 1937 г.), входящих с мая 2000 г. в структуру Южного федерального округа РФ» (с. 4).

Теоретическая оригинальность работы в понимании донского историка-казачоведа обозначена в трех емких предложениях: «Представлен авторский анализ современных проблем историографии, теории и истории казачества и неказачьего населения Юга России, дана интерпретация имеющихся и вновь опубликованных архивных источников за последние 10–15 лет. В обобщенном виде раскрываются актуальные, спорные и дискуссионные теоретические и прикладные проблемы изучения этно- и социогенеза донского казачества XV – первой половины XX в.; проблемы военно-политических, социокультурных и экономических трансформаций казачества и неказачьего населения XIX–XX вв. Автор исследует и обобщает политико-правовую, социально-экономическую, этносоциальную и социокультурную характеристику донского казачества в пореформенный период истории 1860–1890-х гг. и в начале XX в. в Области Войска Донского и на Юге России» (с. 4–5).

Монография подводит черту более чем 25-летним научным изысканиям Р.Г. Тикиджьяна в рамках заявленной проблематики, поэтому автор ссылается на изучение «более 1000 научных и научно-популярных работ и статей, мемуаров и воспоминаний участников событий тех лет, более 100 докторских и кандидатских диссертаций» (с. 6), но в прилагаемом библиографическом списке приводится 389 печатных изданий и архивных источников, том числе, 31 авторская публикация и 7 работ в соавторстве, упоминается 6 докторских и 6 кандидатских диссертаций, 6 исследований на иностранных языках. Очевидно, что в монографии указаны лишь те источники и издания, на которые непосредственно сделаны необходимые по тексту ссылки. «Для уточнения и переосмысления проблем истории донского казачества и неказачьего населения региона второй половины XIX–XX вв. автором было исследовано более 350 фондов, 5 музеев Российской Федерации и Ростовской области и 6 основных государственных архивов: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Государственный архив Ростовской области (ГАРО), Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО), Ростовский областной музей краеведения, Новочеркасский музей истории Донского казачества, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, Таганрогский историко-краеведческий

музей, Шахтинский краеведческий музей и др.» (с. 7). Историк-казаковед Р.Г. Тикиджьян указывает на довольно высокий уровень апробации своего завершеного монографического исследования, поскольку полученные им «результаты изучения данной проблематики опубликованы более чем в 100 научных статьях (18 в журналах, включенных в перечень ВАК РФ), [были представлены] в докладах научных конференций и форумов, в 6 коллективных монографиях и очерках» (с. 7).

Помимо пятистраничного предисловия, автор монографии предлагает своему читателю четырехстраничное введение, носящее по его творческому замыслу только теоретико-методологический характер, поскольку «серьезное внимание ученых в последние 25 лет было сосредоточено на переосмыслении научных методов исследований, научных теорий и концепций, парадигм планетарного, мирового, регионального и локального развития» (с. 8). Это введение опирается на обозначенные историографические тенденции.

«В настоящее время понятия модернизации и модернизационных процессов относительно российского и советского опыта середины XIX – начала XX в., – правомерно констатирует Р.Г. Тикиджьян, – по-прежнему требуют серьезной переоценки, более глубоких научных наблюдений и обобщений. В последнее время большинство исследователей стараются рассматривать эти проблемы комплексно, с точки зрения синтеза методологического применения к имеющемуся историческому материалу как мирсистемного, цивилизационного, антропологического, так и формационного, линейно-прогрессистского, социо- и этнокультурных концептов истории, региональной и локальной истории повседневности, теории культурных архетипов. Активно используются историками и социологами также и научные методики многофакторного анализа, социальной синергетики, интеграционного, междисциплинарного и ряда других современных наукоемких подходов» (с. 8).

На фоне историографической тенденции использования историками-казаковедами мультипарадигмальных стратегий исследования в монографии предлагается свое видение проблемы. О своей теоретической рефлексии автор пишет так: «Нам представляется возможным предложить научному сообществу и заинтересованному читателю, краеведу и учителю собственную интерпретацию ряда дискуссионных и недостаточно исследованных вопросов этой большой темы, использовать инновационные историософские теории и концепции, интересные гипотезы по интерпретации богатейшего исторического материала. Постараемся предпринять очередную попытку рассмотреть, как складывались отношения казаков и государства, местного невойскового, крестьянского сельского, городского, иногороднего и инонационального населения Земли и Области Войска Донского на изломах истории, в период реформ, кризисов и краха Российской империи, в ходе революций начала XX в. и создания нового Советского социалистического рабоче-крестьянского государства и общества в рамках РСФСР и СССР» (с. 10).

Первая глава «Казачество и крестьянское население Дона и Приазовья в период позднего Средневековья, Нового и Новейшего времени» рассматриваемой монографии носит историографический характер и освещает два сюжета, изложенные в двух параграфах «Актуальные проблемы изучения истории казачества и крестьянства Дона и Приазовья» и «Донские казаки как субрегиональное и этносоциальное сообщество в Средние века, Новое и Новейшее время: проблемы исторического дискурса». Для современного профессионального сообщества историков-казаковедов представляет научный интерес попытка Р.Г. Тикиджьяна сформулировать

очень детализированный перечень недостаточно изученных вопросов в рамках рассматриваемого им научного дискурса (с. 26–28). К примеру, предлагается в перспективе исследователям переосмыслить «политико-правовые аспекты, практику землепользования и землевладения в казачьей и крестьянской общинах, проблемы их хозяйственно-экономической эффективности и конкурентной способности», рассмотреть «содержание и результаты практики расказачивания на фоне раскрестьянивания российской деревни», интерпретировать с новых методологических позиций «соотношение количественного состава, участие казаков, коренных и иногородних крестьян в составе Белой гвардии и Донской армии, в Красной армии, в “зеленых” военизированных формированиях».

Автор монографии выделяет «пять основных периодов (которые, в свою очередь, имеют свои внутренние этапы) трансформации донского казачьего сообщества в контексте его генезиса и постепенной интеграции в состав российского государства, его политико-правовой и экономической, культурных подсистем» (с. 51–64), а затем дает названным периодам развернутую характеристику. Однако вывод о ключевой первопричине разногласий между властью и казачеством выглядит спорным. Как полагает Р.Г. Тикиджьян, «практический отказ государства с начала XIX в. рассматривать казачество как особый народ (этнос, субэтнос) в итоге привел к противоречиям в политике, к ошибкам в регулировании отношений между государством, казачьими сообществами и формирующимся гражданским обществом в России» (с. 65). На наш взгляд, в таком варианте происходит осовременивание истории с применением понятий этнологии, а формирование гражданского общества в России относится ко второй половине XIX в.

В первом параграфе «Великие реформы и проблемы капиталистической трансформации пореформенного периода в Области Войска Донского и Приазовье» (с. 66–127) второй главы «Модернизационные процессы на южных окраинах Российской империи, донское казачество и крестьянство во второй половине XIX – начале XX века» при всей его большой насыщенности конкретно-историческим материалом необъяснимым образом почему-то обойдена вниманием деятельность войскового (наказного) атамана Войска Донского, генерал-лейтенанта с правами генерал-губернатора и командующего войсками военного округа Александра Львовича Потапова, а он три года, с 1865 по 1868 г., думал и, главное, действовал в духе проводимых в империи «Великих реформ». Последовательный сторонник частной собственности на землю, Александр Львович считал возможным распространить практически все общеимперские реформы 1860-х гг. на Донской край. Покидая Донскую землю, бывший наказной атаман посчитал своим долгом составить подробный доклад на высочайшее имя о проделанной работе. Впоследствии опубликованный доклад представляет собой интересный документ, содержащий вдумчивый анализ пореформенного развития Земли войска Донского, поскольку в нём дается оценка результатов проведенных преобразований и впервые не только указывается проблема финансового обеспечения реформ, но и намечаются пути ее решения. Жаль, что этот атаманский доклад как ценный исторический источник не стал предметом развернутого источниковедческого анализа для автора монографии, причем, здесь имеется место и для дискуссии по поводу позиции бывшего атамана А.Л. Потапова.

В монографии утверждается, что в предшествующие десятилетия перед крестьянской реформой 1861 г., в 1840–1850-е гг. «имели место высылки казачек

вместе с мужьями на родину последних, перевод совместных детей в разряд помещичьих крестьян» (с. 69). Тут следовало бы привести конкретный пример высылки. Очевидно, автор его сократил в целях уменьшения объема итогового варианта рукописи. Вместе с тем на этой же странице содержится правомерный вывод о том, как в результате подобных конфликтогенных проявлений постепенно стали «завязываться тугие узлы межсословных противоречий и будущих классовых антагонизмов» (с. 69). Вот такая получилась невольная историческая коллизия, и в случае второго издания монографии мы бы рекомендовали автору «расшить это узкое место», дабы лучше прояснить и дополнительно аргументировать свою исследовательскую позицию.

При изложении вопроса об отношении самих казаков к проведению реформ на Дону Р.Г. Тикиджьян резюмирует: «В этот период активизировалось и противостояние двух своеобразных негласных “партий” (общественно-политических течений) на Дону. С одной стороны, это были донские патриоты, казакотоманы (проказацкая партия), отстаивавшие идеи автономизма, защищавшие преимущественно казачьи интересы и привилегии, этническую особенность казаков и недоброжелательно относящиеся к донскому населению неказачьего и некоренного, “иностранного” происхождения. С другой – донские либералы-цивилисты (пророссийская партия), которые стояли на общероссийских позициях в определении гражданского будущего казачества, считали казаков исконно русскими людьми, выступали против сословной замкнутости и исключительно военного уклада жизни и за расширение гражданских прав и свобод» (с. 76–77). Поддерживая эту авторскую позицию, мы задаемся вопросом, какие реальные люди скрываются за этими, безусловно, примечательными формулировками?! Где, образно говоря, их голоса, голоса провинции, голоса казачьего региона Дона?! Увы, они не звучат.

На наш взгляд, текст монографии только выиграл бы от введения в научный оборот статистического материала при изложении исторического сюжета о закреплении окружного деления и фиксировании названия «Область Войска Донского» (с. 78–79). Как мы полагаем, обобщающие цифры 112 станиц и 118 крестьянских волостей следовало разбить по отдельным округам и оформить это в виде таблицы с детализацией данных по ряду сопутствующих с поселенческой информацией вопросов, например, о количестве жителей, о половозрастном составе населения, а затем поразмышлять об этой статистике в рамках общего алгоритма монографии.

Можно согласиться с выводом Р.Г. Тикиджьяна об исследовательской эффективности подхода по уточнению хронологических рамок, обозначаемых в научной литературе, этапов военно-административных преобразований в Области Войска Донского во второй половине XIX в., а также о необходимости осуществления дополнительной, развернутой интерпретации их характера с учетом вариантов проведения модернизации воинской службы казачества и соответствующего просчета вероятностных результатов. По его мнению, «такой подход является более продуктивным, позволяет увидеть изменения курса имперской политики, ответную позицию казачьих элит и рядового служилого казачества» (с. 81). Автор монографии не сумел отойти от традиционного историографического тройственного стереотипа в оценке социального расслоения казачества: «Сложившиеся уже к концу XIX в. социально-экономические группы зажиточных, середняков и бедноты уже более четко поляризовались в 80–90-е гг.» (с. 83). Например, в составе казачьей бедноты в наиболее тяжелом положении находились батраки, что любопытно по одной из

версий слово «казак» в XIV в. означало *работник, батрак* (хотя данные толкования вызывают сомнения). Нераскрытым остался вопрос о том, какими аргументами руководствовались на Дону, когда в 1867 г. предлагали «основать города Урюпин и Каменск на базе крупных окружных станиц верхних округов ОВД» (с. 91). Почему тогда хотели изменить поселенческий статус именно обозначенных станиц?

Примечательным сюжетом монографии стало авторское дополнение комплексного исследования творческого коллектива ЮНЦ РАН во главе с академиком РАН Г.Г. Матишовым и профессором А.В. Венковым, вышедшее под названием «Социально-исторический портрет дельты Дона: казачий хутор Донской» в 2012 г. [2], на основе метрических книг нижнедонских приходов Покровской церкви станицы Елизаветовской/Елизаветинской, Георгиевской церкви хутора Государевского (Донского) и хутора Обуховка/Обуховского за 1869–1912 гг. Так, согласно обобщенным данным, «брачный возраст казаков и казачек составлял в среднем 23–34 и 19–27 лет соответственно. Устойчивым оставался в начале XX в. казачье-православный обычай обязательного наличия восприемников (т.е. крестной матери и отца у новорожденного казака, казачки, о чем свидетельствует 99 % записей казачьих браков (98 % православных и 1,2 % старообрядцев). Интересны и редкие случаи женитьбы казаков на православных женщинах крестьянского сословия или вдовах-солдатках, но, как правило, вторым браком (возраст 34–54 года)» (с. 96).

Для современной историографии важен анализ смысловых пределов понятия «иностранцы». Как справедливо отмечает Р.Г. Тикиджян, «в 1870–1890-е гг. на казачьем Дону уже вкладывалось иное содержание в само понятие “иностранцы”. Именно за ними, в отличие от коренного неказачьего (бывших донских приписных крестьян) населения, закрепляется в пореформенный период статус “иностранцев”» (с. 105); «иностранное крестьянское население могло вести хозяйство только на покупной или арендованной у казаков и коренных донских крестьян земле. Особенно бесправным было иностранное население в станицах, где казачьи власти не допускали его участия в органах станичного самоуправления, накладывали всевозможные повинности и поборы, не допускали детей в станичные школы. В отличие от казаков и коренных крестьян процесс имущественного расслоения среди иностранцев протекал более быстрыми темпами» (с. 106).

В монографии выделяются две разнонаправленные тенденции социально-профессиональной занятости донских казаков к концу XIX в.: рост количества рабочих и сокращение предпринимателей: «Уже к 1898 г. 14336 казаков не жили постоянно в станицах, более 8 тыс. работали на заводах и шахтах, в портах, около 500 – на железнодорожном и около 700 на речном транспорте. Только на Сулинском металлургическом заводе работало 105 казаков, что составляло 4 % всех рабочих» (с. 107). Общество донских торговых казаков к 1875 г. насчитывало 3921 человек. «К 1898 г. торговлей и предпринимательством в составе общества занималось всего около 1000 чел., в среднем по 8 на каждую станицу» (с. 108), поскольку «в ходе реализации военной реформы правительство вновь решило ввести ограничения, обязав членов Общества донских торговых казаков нести все военные повинности и увеличив размер вступительного взноса» (с. 108).

На основе приведенных выше и ряда других исторических фактов автор монографии делает вывод: «Итак, в социальном отношении казачество как единый народ-сословие к началу XX в. сохранилось во многом только за счет искусственных ограничений. Преобразования 1860–1870-х гг. усилили в его среде процессы

внутригруппового и классового расслоения. «Единое казачество» уже давно стало мифом, сохранение которого было необходимо царскому правительству, испугавшемуся последствий либеральной политики эпохи Великих реформ» (с. 110). Но, если в понятийном плане либерализм проводившихся Великих реформ является общепринятым местом в современной историографии, то донской либерализм, о котором говорится в монографии (с. 115–117) нуждается в пояснениях, кроме изложения сведений об отдельных личностях и политических взглядах донских либералов. Если следовать понятийной трактовке авторитетного современного российского философа и общественного деятеля А.Г. Дугина, то либерализм – это «процесс освобождения личности от любого вида коллективной идентичности», но без коллективной идентичности не существует казачества. Тогда при такой логике вещей донские либералы выступали за разрушение казачества, но ведь это не так, а посему здесь смысловые пределы донского либерализма очень нуждаются в точных авторских комментариях и понимании того важного обстоятельства, насколько донские либералы были готовы выйти за пределы традиционализма, пойти по пути разрушения привычных ценностей казачества, насколько их волновала гендерная идентичность и маскулинность казачьего сообщества, ведь ими буквально пронизана казачья повседневность!

Еще один основополагающий вывод в монографии Р.Г. Тикиджьяна после определения авторского отношения к социальной эволюции базисного субъекта исторического процесса в лице донского казачества касается точки бифуркации в общей модернизационной трансформации Области Войска Донского. «Однако в Области Войска Донского в 1890-х гг. – начале XX в., особенно после присоединения к ней экономически и культурно развитых городов Приазовья, – резюмирует свое историческое описание в первом параграфе второй главы исследователь, – можно определить либерально-индустриальную модернизацию как модернизацию смешанного типа, которой были присущи как органичные, так и неорганичные черты» (с. 125).

Безусловно, разработанная еще во второй половине XIX – начале XX в. Максом Вебером, Эмилем Дюркгеймом, Георгом Зиммелем, Гербертом Спенсером и многими другими учеными, включая также Карла Маркса, теория модернизации получила довольно широкое признание среди отечественных специалистов в постсоветский период. Но, на наш взгляд, излагаемые автором монографии конкретно-исторические материалы гораздо предметнее могут быть интерпретированы с позиций достаточно обстоятельно обоснованной Шмуэлем Ноем Эйзенштадтом (или Айзенштадтом) теории «множественности модернов» [3–4], согласно постулатам которой классическая (западная) модель модернизации рано или поздно претерпевает неизбежные и весьма существенные трансформации в процессе ее реализации в тех или иных странах и государствах под влиянием этнокультурной (цивилизационной) специфики этих стран и государств. Как нам представляется, теория «множественности модернов», не отрицая модернизационную парадигму как таковую, избавляет ее от таких негативных характеристик, как линейность и универсализм западного опыта. Таким образом, теория «множественности модернов», в данном рассматриваемом в монографии случае дополняемая известными положениями «новой локальной истории», позволяет в полной мере учитывать именно специфические характеристики одного из российских имперских вариантов модернизации. Тогда эта множественность модернов качественно объясняет и преобразование кочевий донских калмыков, и эволюцию коренных донских крестьян, да

и самих донских казаков, причем все они находилось в одном трансформирующемся казачьем регионе Области Войска Донского. Тогда легче будет прокомментировать такой оригинальный авторский посыл: «На Нижнем Дону вокруг крупных городских центров к 1914 г. постепенно формируется новая полиэтническая, субкультурная общность – донцов, ростовцев и нахичеванцев, горожан, селян и казаков – составной частью которой является самобытная традиционная казачья культура, а новой основой субкультуры становится гибкость в социокультурном и межэтническом диалоге» (с. 126).

Во втором параграфе «Область Войска Донского в начале XX века: этносоциальные и экономические проблемы взаимоотношений казачества, коренного крестьянского и иногороднего населения края (1897–1917 годы)» второй главы (с. 128–162) на основе детального анализа Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Р.Г. Тикиджьян резюмирует: «В начале XX в. на динамично развивавшемся модернизирующемся Юге России прирост городского населения (130 %) уже начал постепенно опережать прирост сельского (87 %). Быстрыми темпами развивались промышленность и транспорт, и в ОВД шел быстрый процесс урбанизации ее юго-западных районов, воздействовавший и на патриархальный станичный быт, особенно на Нижнем Дону (ст. Аксайская, Александровская, Гниловская, Елизаветинская) и отчасти на Верхнем Дону (ст. Урюпинская, Усть-Медведицкая), где отдельные близкие к городам поселения и окружные станицы испытывали активное влияние крупных городских центров: Ростова, Нахичевани-на-Дону, Азова (на юго-западе), Царицына и Воронежа (на северо-востоке). Постепенно, но неуклонно складывалась сложная многословная, полиэтническая мозаичная структура современного населения Донского края» (с. 135).

В определении социального лица донского казачества на рубеже XIX–XX вв., автор монографии обращается к понятию «архетип», стремясь обозначить обобщенный общественный сценарий проистекавшей индивидуализированной эволюции казака. В этой связи Р.Г. Тикиджьян подчеркивает: «Постепенно вырисовывался и новый архетип “оцивилизованного” казака, значительно отличавшийся от предшествовавшего образа “обрусевшего” казака, имевшего место в конце XVIII – XIX в.» (с. 140). Цивилизаторскую роль, по мнению Руслана Геннадьевича, играли рыночные отношения: «Раньше казачья община была основным институтом, организующим всю жизнь казака, дававшим ему социальную защиту, гарантирующим хотя бы минимальный прожиточный уровень. Уже в начале XX в. у казаков стали появляться и другие формы социальных, общественных и хозяйственных организаций – товарищества, кооперативы, различные общества. Всё чаще именно эти организации стали играть в жизни казака определяющую роль, помогали ему приспособить свое хозяйство к новым товарно-рыночным отношениям. При этом участие в подобных товариществах было добровольным, взаимовыгодным, в отличие от общины с ее весьма жестким диктатом... Всё большую роль в правосознании казака играют общеимперские законы (не только уголовные и военные, как было раньше, но и регламентирующие хозяйственную, производственную и торговую деятельность). Типовые уставы различных обществ и товариществ способствовали внедрению в сознание казака государственных и юридических норм и правоотношений. Данная ситуация всё более сближала их с крестьянским населением» (с. 148).

Проблема хозяйственно-экономической коэволюции базисных для казачьих регионов России социальных групп казачества и крестьянства выступает актуальной

историографической задачей для региональных исследователей. «Однако в современной историографии, – правомерно пишет Р.Г. Тикиджьян, – по-прежнему нет единой точки зрения по вопросам количественного состава сельского населения, его социально-классовой дифференциации. Нет также единого мнения в вопросе о причинах очередного обострения аграрного вопроса в канун революции 1917 г. Например, авторитетный исследователь казачьей проблематики Л.И. Футорянский, продолжая давнюю научную полемику по этой проблеме, упрекает историков донской школы, которые, по его мнению, “...нередко преувеличивали богатство основной массы казачества (имея в виду наличие в ней кулаков – 23,8 %, и середняков – 51,6 %), что должно было оправдывать его ‘контрреволюционность’ в годы революции и Гражданской войны”» (с. 151). После изложения статистических материалов и аргументов Леонида Иосифовича, презюмируется его вывод: «Отсюда, не всегда верно и полно оцениваются причины и характер остроты межсословного и классового противостояния казаков, иногородних и большей части коренных крестьян из-за земли, трактуются отдельные политические события и результаты аграрных преобразований 1917 и 1918–1921 гг. на Дону и Юге России» (с. 152). Судя по всему, Р.Г. Тикиджьян не принимает это замечание оренбургского профессора ни на свой счет, ни по отношению к другим донским историкам-казаковедам, что следует из дальнейшего изложения (с. 152–162).

В первом параграфе «Политические предпочтения казачества и неказачьего, крестьянского населения Области Войска Донского в начале XX века (1905–1922 годы)» третьей главы «От Российской империи к Советской России и СССР. Донское казачество и крестьянство на переломе исторических эпох (1917–1922 годы)» (с. 163–178) после изложения массива конкретно-исторического материала по заявленному предмету в отношении донского казачества автор монографии делает резюмирующий вывод: «В условиях общенационального кризиса и начавшейся Гражданской войны казаки, как социально-этническое сообщество и военная корпорация мелких и средних землевладельцев, испытывая внутреннее и внешнее политическое и социальное давление, оказались в трагической ситуации – состоянии внутреннего раскола, постоянных “политических шатаний”. Как воины-профессионалы, они объективно не могли оставаться “нейтралитетами”, отсюда раскол и уход к “белым”, “красным” и “зеленым” политическим лагерям, что в итоге привело к кровопролитному противостоянию как с новой советской властью, так и с неказачьим, рабочим и иногородним населением казачьих областей» (с. 178). Между тем остался без ответа в монографии вопрос: почему всё-таки симптоматичная объединительная «попытка создать свою самостоятельную организацию “Казачий союз”, предпринятая казачьей интеллигенцией еще осенью 1905 г. во главе с С[ергеем Яковлевичем] Арефиным» (с. 164–165) оказалась безуспешной? Кстати, обозначенный лидер оставил примечательный след в донской историографии [5], не отмеченный в монографии. Увы, не ясно, почему же Р.Г. Тикиджьян отказался от источниковедческого анализа текстов станичных наказов и приговоров, принимавшихся в большом количестве казаками в начале Первой русской революции? Однако как достоинство работы можно отметить выстроенный им описательный рейтинг политических партий по степени популярности в среде донского казачества (если репутационный фактор партий учитывать по нисходящей шкале): «партия конституционных демократов (кадеты), народных социалистов и партия социалистов-революционеров» (с. 167). Компактно и по делу изложен сюжет о роли

донского казачества и его депутатов в Государственной думе в период российских революций и реформ начала XX в. (с. 170–176).

В рамках сложившейся историографии казачьи институции традиционно описываются исключительно в качестве характерных примеров народной демократии, но в монографии однозначно подчеркивается обратный вектор развития публичного права донского казачества. Как заявляет в первом параграфе третьей главы Р.Г. Тикиджьян, «представительские общероссийские казачьи съезды (март и июнь 1917 г.) избранные казачьи круги периода весны 1917 – осени 1920 г. всё же не являлись образцами общероссийского, общедемократического, многосословного (надсословного) парламентаризма. Они представляли возрожденный в условиях “демократической анархии” обновленный вариант казачьей корпоративной демократии для меньшей части населения казачьих областей» (с. 176). Это была диктатура меньшинства при наличии инакового большинства, которое меньшинство стремится взять под свой тотальный контроль. В самом донском казачестве сложилось во второй половине XIX в., по мнению автора монографии, два негласных политических направления (две партии), «просуществовавших вплоть до революции и Гражданской войны 1917–1920 гг.:

1) казакоманов (будущих донских сепаратистов и автономистов), ратовавших за самобытность основ казачества, его этническое отличие от русских и социальное от крестьян-мужиков. Эта идеология со временем породила идею и практику казачьей автономии и даже “самостийной государственности”;

2) русофилов-прогрессистов, видевших в современном казачестве особую часть русского народа, отстаивающую цивилизованный переход казачества к гражданскому состоянию и дальнейшему развитию его этнокультурных основ, не исключавших и сохранения элементов самобытной культуры и областного самоуправления. Эта часть казачества оставалась преданной идеям единой и неделимой России, однако различала республиканскую и монархическую альтернативы» (с. 177–178).

Во втором параграфе «Донское казачество и крестьянство в период революции и Гражданской войны в 1917–1922 гг. “Донская Вандея” и политика расказачивания Советского государства» (с. 179–236) третьей главы выдвигается тезис о демократическом многовластии (с. 181), который, на наш взгляд, оказался недостаточно раскрыт автором. В Области Войска Донского сформировалась тогда довольно своеобразная система властно-исполнительных органов, в которую вошли:

1) аппарат власти Временного правительства в лице Донского исполнительного комитета – «непогребенный труп», как его называл правительственный комиссар;

2) кадет из казаков М.С. Воронков, назначенный правительственным комиссаром, авторитетный и популярный в массах и четко метивший свою «властную территорию»;

3) казачьи управленческие структуры;

4) избранные на местах советы депутатов;

5) земельные комитеты;

6) органы городского самоуправления.

В этой связи мы полагаем, если бы удалось полноценно раскрыть властные полномочия всех перечисленных социальных институтов (а не предложить общее историописание), тогда бы получилось в монографии воссоздать цельную историческую картину о демократическом многовластии, но, увы, Р.Г. Тикиджьян по сложившейся историографической традиции акцентирует внимание на освещении земельного вопроса.

Оценивая итоги работы I Войскового круга Дона и последующую реализацию его решений в ключевом казачьем регионе, автор монографии предметно указывает на «постепенный фактический переход реальной власти в руки казачьей атаманско-офицерской верхушки, опиравшейся на зажиточные слои и часть середняцкого слоя, пока еще недостаточно четко ориентировавшегося в сложной социально-политической обстановке в России и на Дону. Попытки историков Г.В. Марченко, В.Г. Родионова [6–7] оценить с новых идеологических позиций данный процесс как прямое восстановление легитимной казачьей сословно-корпоративной демократии, которая была выгодной политической схемой в тот период и для всего неказачьего населения Дона, – подчеркивает Р.Г. Тикиджьян, – не выдерживают серьезной критики, так как недостаточно аргументированы и противоречивы» (с. 191–192).

На основе анализа начального этапа Гражданской войны делается вывод об упущенной исторической региональной альтернативе, поскольку «так и не реализовался возможный вариант политического компромисса между казачьим, крестьянским и иногородним населением края. Опыт создания и недолгой деятельности в конце декабря 1917 г. – январе 1918 г. Объединенного правительства как явно запоздавшего политического паритета (соглашения) с частью коренного крестьянского населения, фактического проекта первой Донской демократической республики, к сожалению, в итоге так и не дал серьезных положительных результатов» (с. 211–212). И, наоборот, в социальной реальности «наиболее распространенной формой противостояния в тот период времени стали решения казачьих хуторских и станичных сборов о выселении за пределы Области и к месту приписки семей крестьян, в особенности семей иногородних» (с. 221). К сожалению, Р.Г. Тикиджьян не провел развернутого источниковедческого анализа приговоров казачьих хуторских и станичных сборов о выселении за пределы Области Войска Донского и к месту приписки семей крестьян, в которых следовало бы обратить внимание на аргументацию таких решений, сколь бы похожей она не была, привести какие-то подсчеты приговоров по определенным критериям; не менее примечательны здесь реквизиты исторического документа, скажем, те же подписи, стилистика изложения текста приговора и прочие интересные детали. Тем не менее, согласно зафиксированной точке зрения автора монографии, основными причинами и обоснованием для таких жестких, репрессивных мер депортации и конфискации имущества по документальным решениям станичных и хуторских сборов «являлись:

- переход на службу в Красную гвардию, Красную армию (или уход сыновей в Красную гвардию);
- обвинение в сочувствии большевикам, советской власти и Красной армии в антиказачьих настроениях и агитации;
- отказ от мобилизации в Донскую армию и участия в мероприятиях по защите Донской области;
- отказ от подсобных служб: перевозки убитых и раненых, уборки урожая в помещичьих и казачьих хозяйствах и др.» (с. 223).

Расказачивание, ставшее в современной российской историографии одним из ключевых, нередко достаточно конъюнктурных и наиболее остро дискуссионных сюжетов с поляризацией звучащих оценок и суждений, рассматривается Р.Г. Тикиджьяном, прежде всего, как ответная мера крестьянства на сословные притеснения со стороны казачества: «Действительно, в итоге не только бесправные иногородние, но и ранее колебавшийся коренной крестьянин-середняк, склонявшийся

к политическому диалогу с казачеством, с конца 1918 – начала 1919 г. в своей массе всё активнее поддерживал политику советской власти и правящей коммунистической партии. Крестьяне всё охотнее шли служить в Красную армию и были готовы принимать активное участие в непримиримой борьбе за полное уничтожение казачества и его привилегий... В ходе наступления Красной армии на Южном фронте осенью-зимой 1919 г. и захвата большей части северо-восточных территорий Области были созданы условия для ответного социального реванша – войны крестьян и иногородних против казаков» (с. 224–225). «Кровавый маховик» Гражданской войны лихо закручивал очередной исторический сюжет. «Восстание верхнедонских станиц было в известном смысле войной железных крыш против соломенных (дом казака от дома крестьянина можно было, как правило, узнать по крыше)» (с. 226).

Со ссылками на ранее опубликованные работы С.А. Кислицына и Я.А. Перехова [8–9] в монографии указываются масштабы рассказывания: «Только за первое полугодие 1919 г. было уничтожено и переселено по разным подсчетам более 120–150 тыс. казаков, что позволило ряду историков и публицистов в конце 1980–1990-х гг. определить эту политику как “попытку геноцида всего казачества” леворадикальной частью коммунистов еврейского происхождения во главе с Я.М. Свердловым, Л.Д. Троцким и др.» (с. 227). К числу отдельных фрагментов монографии, вызывающих вопросы и требующих дополнительных разъяснений, также относится комплексная характеристика тогдашнего атамана П.Н. Краснова – «прогермански настроенный казачий патриот-националист. Он, опираясь на консерваторов-казакманов, сумел переиграть либерально-кадетскую оппозицию во главе с А.П. Богаевским, ориентируясь на А.И. Деникина и союзников из Антанты» (с. 213). «Новая жесткая вертикаль казачьей, корпоративно-демократической власти под руководством “атамана-полудиктатора” П.Н. Краснова представляла подобие своеобразной псевдопрезидентской казачьей республики» (с. 215). При авторском сравнении Всевеликого Войска Донского с Донской советской республикой указывается, что «всех признаков государства ВВД добиться не удалось» (с. 214), а вот просуществовавшая менее полугодя Донская советская республика состоялась, и «есть все основания утверждать, что весной 1918 г. подавляющее большинство поддерживало борьбу за прогрессивное развитие Донского края» (с. 213). Остался в тексте монографии безымянным «немецкий комендант Донской области» (с. 219). Был ли защитником интересов немецких колонистов прусский генерал-фельдмаршал Герман фон Эйхгорн, возглавлявший оккупационную администрацию многих захваченных российских территорий, в том числе, Донской области, не понятно, или речь идет в монографии о совершенно другом человеке, ибо 30 июля 1918 г. главного германского оккупанта убил в Киеве эсер Б.М. Донской, а власть кайзеровского полковника фон Фромма распространялась только на Ростов-на-Дону и Нахичевань. Не завершенным в монографии, к сожалению, получился примечательный исторический сюжет о прямой эксплуатации донскими казаками крестьян летом-осенью 1918 г.: «В ряде станиц была официально введена трудовая повинность крестьян группами по 15–20 чел. в хозяйствах казаков, воюющих на фронте, при мизерной оплате – 5 руб. в день» (с. 229).

В первом параграфе «Казачья эмиграция и судьбы казаков-реэмигрантов в Советской России в 1920–1930-е годы» (с. 237–245) четвертой главы «Советское государство, донское казачество и крестьянство в 1920–1930-е годы: поиски согласия и противостояние» дается простое обзорное описание, поскольку «данная

проблематика нуждается в дальнейших специальных и комплексных исследованиях» (с. 238). В конце первого параграфа делается итоговый вывод, что «в период с 1926 по 1934 гг. оставшиеся неучтенными, переселившиеся в другие районы и города или уже отбывшие сроки казаки-реэмигранты (репатрианты) были окончательно “зачищены”, выявлены и репрессированы в период Большого террора и реализации в крае известного приказа НКВД № 00447 от 1937 г.» (с. 245). Насколько однозначным может быть такое итоговое суждение, предстоит еще разбираться исследователям.

Во втором параграфе «Новая экономическая политика и проблемы взаимоотношений казачества, крестьянского и иногороднего населения Дона в 1921–1929 годы» (с. 246–273) четвертой главы на основе проведенного историографического анализа Р.Г. Тикиджьян фиксирует временной рубеж весны–лета 1922 г., когда реально произошли «прекращение повстанческого антибольшевистского, “бело-зеленого” движения (причем отнюдь не всегда носившего антисоветскую, а чаще “антикоммунистическую” направленность), ликвидация “политического бандитизма” и завершился последний этап “малой гражданской войны” на Дону и Юге России» (с. 250–251), а потому новая экономическая политика под давлением объективных и субъективных обстоятельств, в частности, сопротивления местных партийных работников, разворачивается «лишь к концу 1922 – началу 1923 г.» (с. 252). Такая оценка временного начала нэпа вполне правомерна, хотя повстанческое движение, заметим, угасает лишь к середине 1920-х гг.

Начало политики «лицом к казачеству» относится автором монографии к осени 1924 г., и это соответствует устоявшейся точке зрения в историографии, причем, по мнению Р.Г. Тикиджьяна, «итогом политической линии “лицом к казачеству” должно было стать завершение процесса сословно-корпоративного и хозяйственного расказачивания, т.е. полной и окончательной десословизации казаков» (с. 256). На ключевом для политики «лицом к казачеству», апрельском (1925 г.) пленуме ЦК РКП(б), – подчеркивает автор монографии, был «намечен целый ряд мер для усиления просоветских настроений среди казаков: всемерное привлечение “широких слоев казачества” к работе сельских и станичных советов; вовлечение “малоимущественных и середняцких слоев молодого казачества в ряды РЛКСМ”; смягчение в отношении казаков практики лишения избирательных прав; фокусирование внимания прессы на нуждах казачьих сообществ и прочее» (с. 256). Такой «либерализм ЦК РКП(б)» не находил поддержки в партийном аппарате и низовых партийных ячейках, а «представители казачьей эмиграции, оценивая новый поворот советской власти в “казачьем вопросе”, с едким сарказмом констатировали по этому поводу, что коммунисты заявляют о дружбе с казаками «с зубовным скрежетом» (с. 257). «Резко негативно политику “лицом к казачеству” расценила и масса иногородних крестьян, особенно бывшие красноармейцы и “красные” партизаны, т.е. те, кто в период Гражданской войны отстаивал с оружием в руках крестьянские интересы и сражался с казаками. Иногородние, оценивая новую ситуацию, возмущались: “советская власть делает неправильно, оказывая внимание казакам – нашим врагам”» (с. 258). Сами же казаки какое-то время не могли понять, как им относиться к произошедшим переменам в политике правящей партии большевиков. «Когда период сомнений и растерянности закончился, донское казачье сообщество разделилось на казаков, выражавших одобрение большевистским мирным инициативам, и на тех, кто эти инициативы оценивал критически. Конечно, точное соотношение тех

и других установить не представляется возможным, но, судя по частоте упоминаний в источниках, всё же большинство донцов были довольны смягчением большевистской политики и с оптимизмом смотрели в будущее, радуясь, что советская власть наконец-то «повернулась лицом к казачеству. А то до сих пор казаки чувствовали себя как бы обиженными» (с. 258–259). Теперь же получили импульс «оживление» и оказачивание станичных Советов и местной администрации, серьезно сократилось количество «лишенцев», бывший станичный и хуторской актив (атаманы, зажиточные казаки, старики и пр.) включился в политические процессы, выдвинулся в органы местного самоуправления. «В советах и во властных структурах более высокого уровня стало не только больше казаков, но это были уже другие казаки, которые ранее вызывали у коммунистов стойкую антипатию своей независимой гражданской позицией и критическими замечаниями в адрес большевистского режима» (с. 264–265). Однако, делает правомерный вывод Р.Г. Тикиджьян, «в 1925 г., как и до реализации политики “лицом к казачеству”, действительные рычаги власти находились по-прежнему в руках иногородних, а казаки чаще всего играли в администрации роль статистов или, в лучшем случае, могли претендовать на пост заместителей тех или иных “начальников”. Всё же, как нам представляется, в 1925 г. в советской администрации при наличии количественных сдвигов качественных изменений не произошло. Бесспорно, в органах власти казаков стало больше, но они, как правило, не возглавляли эти органы, не могли прямо и серьезно влиять на принятие решений. Данная ситуация в очередной раз свидетельствовала о сохранявшемся недоверии большевиков и иногородних к казакам, даже в рамках реализации более либеральной политической линии “лицом к казачеству” в 1925–1927 гг.» (с. 265–266). Мы бы здесь уточнили, что на низовом уровне управления казаки могли выбиться в лидеры, и это весьма убедительно доказывается во втором параграфе «Кампания лицом к деревне (“лицом к казачеству”) на Юге России и ее социально-политические результаты» шестой главы докторской диссертации Т.В. Панковой-Козочкиной, когда «казак попер в советы[,] и у нас спрашивать не стал» [10, с. 472].

Однако проведенные большевиками «мероприятия по оказачиванию Донской региональной парторганизации дали в итоге весьма скромные результаты. Хотя к этому времени численность казаков-партийцев и выросла на 411 чел. по сравнению с началом того же [1926] года, их представительство в рядах краевой организации ВКП(б) никоим образом не было пропорционально удельному весу в составе населения Юга России» (с. 267). Даже «к июлю 1928 г. в составе северокавказской парторганизации насчитывалось 3042 казака, или всего 3,7 % от общей численности южно-российских коммунистов» (с. 271). «Одновременно следует заметить, что даже к казакам-коммунистам партийное руководство Северо-Кавказского края по-прежнему испытывало определенное недоверие, в связи с чем в 1928 г. было даже решено проверить степень влияния “сословной розни на внутрипартийную жизнь”» (с. 267). Примерно такими же, более чем скромными, результатами закончились и попытки оказачивания донского комсомола. Тем менее автор монографии делает позитивный вывод, поскольку «мероприятия, осуществленные на Дону в 1924–1928 гг. в рамках нэпа, реализации политики “лицом к деревне”, “лицом к казачеству”, несмотря на противоречивое и даже отрицательное к ним отношение со стороны многих партийно-советских работников, части крестьянского и особенно иногороднего населения, да и части самих казаков, всё же способствовали

повышению хозяйственной и общественной активности донцов, росту их доверия к советской власти» (с. 268).

Во второй половине 1920-х гг. донцы в значительной мере сохраняли военно-служебные устремления, поэтому, правомерно подчеркивает в своих суждениях Р.Г. Тикиджьян, они «приняли в это время и достаточно активное участие в укреплении обороноспособности СССР (РСФСР), не отказываясь от поддержки проведения военно-милиционной реформы и военной службы в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии. Однако, многие позитивные начинания, налаживание взаимопонимания между советской властью и казачеством, иногородним населением Дона вновь были прерваны отказом от политики нэпа, переходом к форсированной социалистической модернизации и насильственной сплошной коллективизации деревни, начавшейся с кризиса хлебозаготовок 1928–1929 гг., репрессивной политикой по отношению к зажиточным и части середняцких слоев казачества и крестьянства Юга России в рамках перехода к жесткой авторитарной, административно-командной системе управления и режиму личной власти И.В. Сталина» (с. 268). И здесь автор ссылается на авторитетное мнение Н.А. Токаревой, которая обстоятельно рассмотрела этот исторический сюжет в своей монографии [11].

Анализируя командно-административный нажим на южно-российских хлеборобов, Р.Г. Тикиджьян делает вывод: «По ряду причин донские казаки выдвигались на передовые позиции в протестном движении российской деревни против насилия хлебозаготовителей» (с. 270). В качестве причин он называет сплоченность казачества, большую его зажиточность по сравнению с крестьянством, причем, «кулаки» из казачьей среды проявляли повышенную социально-политическую активность и имели однозначную поддержку станичников, а в ментальном плане казак воспринимал земельный участок как паевую землю, доставшуюся за прежнюю службу (свою собственную или от старших поколений), но не данную советской властью, в отличие от крестьян. Однако протестное движение не имело «характера жесткого сопротивления и выражалось в отказах отдавать хлеб государству, антисоветских высказываниях и распространении слухов, особенно о якобы приближающейся войне и иностранной интервенции (в рамках которой ожидалось возвращение казачков-белоземigrants)... Отдельные донцы, настроенные наиболее решительно, копили боеприпасы, покупая с этой целью у населения винтовочные патроны по 20–25 коп. за шт.» (с. 271).

Трудно согласиться с противоречивым выводом автора монографии об отсутствии «специальной, отдельно определявшейся “казачьей политики” как самостоятельного постоянного направления в 1920-х гг.», ведь он тут же пишет: «Изначально, еще в годы Гражданской войны и “военного коммунизма” была определена “стратегическая линия” в “казачьем вопросе”, политика поэтапного расказачивания, проводившаяся через отмену и постепенные изменения сословно-правового, военного и хозяйственно-поземельного статуса и отчасти бытового уклада жизни казачества» (с. 272). «Казачья политика» как раз и заключалась в поиске вариантов встраивания казачества в советскую систему, ибо уничтожить полностью казачество не представлялось возможным, поэтому лавирование между Сциллой и Харибдой и являлось политикой, когда антиказачьи акции сочетались с периодами потепления отношений, которые не очень-то устраивали большевиков, о чём также рассуждает Р.Г. Тикиджьян, говоря о политическом дуализме в «казачьем вопросе».

В третьем параграфе «Советское государство, донское казачество и крестьян-

ство в ходе социалистической модернизации и административно-территориальных реформ в 1920–1930-е годы» (с. 273–285) четвертой главы подчеркивает: «Идеи территориальной автономности казачьего населения, популярные в период революции и Гражданской войны, опыт Донской советской республики, Всевеликого Войска Донского и Кубанской краевой рады, Союза казачьих войск Юга России в 1918–1920 гг. были однозначно отвергнуты в новых советских реформационных проектах» (с. 276). Поиск приемлемого варианта административно-территориального устройства велся в течение почти двух десятилетий и при этом «для территории бывшей Области Войска Донского можно выделить четыре основных этапа таких значимых реформационных преобразований:

– 1-й этап – создание Юго-Восточного края, куда включалась Донская область (1920–1924 гг.), разделенная на шесть округов (Таганрог с округой входил в состав УССР);

– 2-й этап – Северо-Кавказский край (1924–1934 гг.), куда вместо области вошли четыре укрупненных округа, включавшие в себя объединенные в 1928 г. в единый мегаполис Ростов-на-Дону и Нахичевань;

– 3-й этап – выделение отдельного Азово-Черноморского края (1934–1937 гг.);

– 4-й этап – разделение Азово-Черноморского края с 13 сентября 1937 г. на Краснодарский край и Ростовскую область (в таком виде они просуществовали вплоть до 1956 г.)» (с. 277).

В итоге обозначенных преобразований более трети территории бывшей Области Войска Донского оказалась за административно-территориальными пределами Ростовской области, за которой закрепился прежний топоним Дон, используемый и в настоящее время. Подобной реформе большевики подвергли Кубанскую и Терскую области, что послужило документальным основанием «историку Н.Ф. Бугаю обозначить данный процесс и его последствия как “территориальный геноцид казачества”» [12], но, по мнению самого Р.Г. Тикиджьяна, «это, конечно, небесспорный, вполне обсуждаемый научный дискурс, требующий новых серьезных аргументов» (с. 278).

Правомерным следует признать итоговый историографический вывод автора монографии о состоянии изучения донской повседневности в первые советские десятилетия: «В региональной историографии еще неполно исследована такая тема, как трансформации традиционной (конфессиональной и хозяйственной, культурно-бытовой, в том числе праздничной) культуры сельского казачьего и крестьянского населения в 1920–1930-х гг. после установления советской власти» (с. 278), хотя ряд актуальных вопросов закрывают обстоятельные работы и фундаментальная докторская диссертация С.Д. Багдасарян [13–15], почему-то не упомянутые в рецензируемой монографии. При этом в ней отмечается «сосуществование в повседневной и праздничной обрядности казачьих станиц Юга России старых традиций и новых элементов советской обрядности» (с. 283), хотя «крестьяне и казаки старших возрастов, “темные захолустные массы народа” (по выражению одного из южно-российских селькоров), в документах и отчетах того времени часто именуемые как “длиннобородые” или “бородачи”, демонстрировали весьма критичное, а нередко и враждебное отношение к “красным” праздникам» (с. 281). Как справедливо полагает Р.Г. Тикиджьян, необходимо и дальше продолжать исследование «современных интерпретаций в виде “неоказачьего” культурного ренессанса» (с. 285).

Заметим, что «автор специально не останавливается подробно на оценках периода сплошной коллективизации на Дону и Юге России, социально-экономических

процессах социалистической модернизации сельского хозяйства, рассказывания и раскрестьянивания 1929–1935 гг., в связи с глубоким убеждением, что данная проблематика заслуживает отдельного серьезного источниковедческого и историографического исследования. В данной работе даются лишь общие оценки этой сложнейшей темы в контексте ее дальнейшего изучения» (с. 5–6). Как мы полагаем, этот исторический сюжет Р.Г. Тикиджьяну, к сожалению, не удалось развить, и в региональной историографии есть работы, на которые можно было бы опереться, скажем, на фундаментальную монографию В.А. Бондарева [16] и его же докторскую диссертацию [17], что упоминается в прилагаемом в библиографическом списке к рецензируемому труду, да и автор настоящей статьи на этом проблемном поле также предметно поработал [18–19], хотя по другим поводам ссылок на наши работы сделано предостаточно. Не менее примечательным могло бы стать освещение проблемы трансформации казачьей самоидентификации как раз в обозначенный период.

В четвертом параграфе «Военная политика Советского государства и отношение донских казаков и крестьян к службе в Рабоче-крестьянской Красной армии в 1920–1930-е годы» четвертой главы (с. 285–296) автор монографии анализирует возможности несения воинской службы казаками в условиях советской власти и приходит к выводу о выделении двух этапов в рамках заданной проблематики. Соответственно, «на первом этапе, в 1923–1929 гг., кавалерийские подразделения переменного состава к исходу 1920-х гг. были созданы уже во всех казачьих округах Северо-Кавказского края, в первую очередь на Дону и Кубани... На втором этапе – с 1936 по 1942 г., только после практики репрессивного “раскулачивания-рассказывания” и завершения сплошной коллективизации на Дону и Северном Кавказе» (с. 294) вернулись к идее кавалерийских казачьих формирований в составе РККА.

Причем на первом этапе шло «формирование особой территориально-милиционной армейской системы», когда создаваемые тогда милиционные подразделения состояли в структурном отношении «из кадра и переменного состава», а казаки имели реальную возможность нести обязанности воинской службы наравне с рабочими и крестьянами, но не в специальных казачьих, а в одних и тех же территориальных частях. «Так, немало донских казаков было приписано в качестве красноармейцев-переменников к 9-й Донской стрелковой дивизии» (с. 288). Более того, правомерно отмечает Р.Г. Тикиджьян, ссылаясь на работы известных историков-казаковедов А.В. Баранова [20], Г.Л. Воскобойникова и В.Д. Батырева [21], «правительство Советского государства пошло навстречу пожеланиям казаков и стало направлять их преимущественно в кавалерийские части. Так, уже в 1923 г. 3-я Отдельная кавалерийская бригада, дислоцировавшаяся в Северо-Кавказском военном округе, была переведена на начало территориально-милиционной системы, а к службе в ней стали привлекаться в первую очередь казаки» (с. 292). Как справедливо замечает автор рецензируемой монографии, «большинство представителей казачьего сообщества Дона (впрочем, как и Кубани, и Терека) в целом традиционно положительно относились к необходимости служить либо в кадровых, либо в территориальных частях» (с. 288), ибо прохождение воинской службы считалось для подавляющего большинства сельских юношей, особенно казаков, символом мужской социальной зрелости и здорового духа, «возможностью повысить свой образовательный уровень», выполнить долг перед Родиной, почувствовать себя настоящим казаком (средство самоидентификации) при общем облегчении «военно-мобилизационного бремени». Одновременно не обошлось при осуществ-

влении территориального способа мобилизации казаков призывных возрастов без негативных тенденций в виде кругового сбора денег, проводов на службу с алкогольными возлияниями, отказов части казаков служить в РККА по очень разным причинам (в том числе, из-за наличия злоупотреблений «командного состава, инструкторов и пр.», сроков проведения военных сборов в территориальных частях, «т.е. на время напряженных сельскохозяйственных работ», сознательного получения статуса «лишенца», особенно, зажиточными казаками, и т.д.) и разворачивания активной борьбы местных властей с иными «рекрутскими замашками» (с. 290).

«В итоге, в ходе развернувшейся политической кампании “За советское казачество” и очередной реформы РККА, накануне и в первые годы войны с 1936–1942 гг., – констатирует на основе изученной литературы Р.Г. Тикиджьян, – были созданы 91 кавдивизия и 18 корпусов. Большинство из них, 75 и 13 соответственно, в том числе легендарный 5-й Донской казачий гвардейский кавалеристский корпус, непосредственно принимало активное участие в военных действиях в ходе основных кампаний Второй мировой и Великой Отечественной войны...» Однако «непосредственно казаков в составе воинских подразделений было до 30–45 %, остальные набирались из крестьян, имевших минимальные навыки знакомства с конной выездкой и джигитовкой, как правило, из казачьих районов. Эта тенденция сохранялась и в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (с. 294, 295).

Из итоговых выводов, содержащихся в заключении (с. 297–303) рассматриваемой монографии, обращает на себя внимание суждение о коренном крестьянстве, поскольку на обозначенных казачьих «территориях формируется не менее уникальное сообщество донских крестьян-поселенцев и работных людей из России и с украинских земель Речи Посполитой, особенно после присоединения Новороссии и Крыма. Даже попав в крепостную зависимость по реформам Павла I, они внесли свой весомый вклад в историю, экономику и культуру края, а после ее отмены в 1861 г. – в капиталистическое развитие аграрного сектора» (с. 297).

Спорным представляется вывод о последствиях отказа имперских властей «с начала XIX в. рассматривать казачество как особый народ (этнос, субэтнос)», поскольку обозначенная ситуация, по мнению Р.Г. Тикиджьяна, «способствовала расколу в среде самого казачества, объективному процессу расказачивания в ходе капиталистической эволюции, обостряла аграрный вопрос и противостояние казаков и крестьянского коренного и иногороднего населения Дона. Данные противоречия с особой силой проявились в период двух российских революций и Гражданской войны 1917–1922 гг.» (с. 297). Как мы полагаем, имперские власти в принципе не могли признать казачество в качестве особого народа, ибо установление этнических статусов не являлось тогда целью великодержавной (великорусской) национальной политики.

«При создании колхозно-кооперативного строя в деревне под лозунгом “За советское казачество”, – резюмирует в заключение автор монографии, – была репрессирована практически вся зажиточная прослойка и часть середняков, оставшаяся часть постепенно растворялась в массе колхозно-кооперативного крестьянства либо, разрывая свои этнокультурные корни, переезжала в города, пополняя ряды рабочего класса и советских служащих, военных и интеллигенции» (с. 298). Здесь допущена историческая неточность, поскольку кампания «за советское казачество» реально начинается только в конце 1935 г., когда названный «колхозно-кооперативный строй» уже был создан, а коллективизация к 1936 г. практически завершилась.

Основная часть заключения монографии (с. 298–303) посвящена не итоговым суждениям по избранному предмету научного дискурса, а описанию процессов современного возрождения казачества. Это, с одной стороны, вызывает вопросы, а с другой – мы имеем дело с неотъемлемым правом автора на такую структуру заключения работы. В итоге Р.Г. Тикиджьян ставит перед своими читателями острый проблемный вопрос о дальнейших перспективах развития современного казачества: «Что же это за социально-политический и этнокультурный феномен? Искусственная и нежизнеспособная, “госреестровая” социальная корпорация или “казачий народ-этнос”, вновь формирующаяся активная, социо- и этнокультурная формация-страт или обновленные войсковые казачьи армейские части, необходимые российскому государству на данном этапе?» (с. 302). Далее обозначаются четыре основных социальных сценария: 1) показачивание и огосударствление; 2) кризис и расколы в процессе возрождения; 3) саморасказачивание «ряженных казаков»; 4) торжество российского проекта неказачества (с. 303). В итоге подчеркивается важная роль в этих процессах научного и экспертного сообщества как одного из сдерживающих факторов очередных эксцессов в казачьем движении.

Ахиллесовой пятой рассмотренного монографического исследования, на наш взгляд, является отсутствие должного развернутого источниковедческого анализа, поскольку Р.Г. Тикиджьян предпочел опору на историографические источники, вторичную интерпретацию изначального контента он вывел на первый план, и это его право, его понимание принципа свободы научного творчества. Мы же можем высказывать только сожаление по поводу такого научно-методического выбора историка-казаковеда, подчеркивая значимость первичного исторического источника, оказавшегося вторичным в рецензируемом исследовании.

Предлагая развернутую рецензию на монографию Р.Г. Тикиджьяна, мы стремились, во-первых, познакомить читателей журнала «Казаковедение» с новым фактом историографии; во-вторых, дать возможность нашим коллегам порассуждать над многими сюжетами истории донского казачества, предметно разбираемыми в данной публикации; в-третьих, акцентировать внимание, прежде всего, на сложных историографических проблемах, пока не имеющих однозначного решения, но понимаемых автором монографии; в-четвертых, сосредоточиться на концептуальных положениях, выводах и обобщениях, проистекающих из целенаправленно собранных исследователем конкретно-исторических материалов; в-пятых, высказать ему ряд полезных пожеланий, которые могли бы быть учтены при новом, дополненном издании уже опубликованного текста, или же при творческом воплощении раскрываемой совокупности научных проблем в ином его монографическом произведении.

Таким образом, монография «Донское казачество и крестьянство на переломе исторических эпох: между имперской и советской социалистической модернизацией (1855–1939 гг.)», опубликованная доцентом кафедры «История и культурология» Донского государственного технического университета, кандидатом исторических наук Тикиджьяном Русланом Геннадьевичем, свидетельствует о возможности использования полученных им результатов в исследовательской практике научно-педагогических работников и в учебном процессе вузов региона, в том числе входящих в Ассоциацию образовательных организаций высшего образования, реализующих казачий компонент.

В целом же по своему концептуальному замыслу, по логике подачи материала, по завершеному историописанию монографическое исследование, безусловно,

состоялось, а еще, будучи достойно оформленным издательством Донского государственного технического университета, оно непременно найдет благодарного читателя, причем, заметим, не только из числа профессиональных историков-казачковедов. И напоследок остается пожелать Руслану Геннадьевичу новых творческих удач и интересных научных произведений в рамках авторской траектории исследовательского поиска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Тикиджьян Р.Г.* Донское казачество и крестьянство на переломе исторических эпох: между имперской и советской социалистической модернизацией (1855–1939). Ростов н/Д.: ДГТУ, 2024. 334 с.
2. Социально-исторический портрет дельты Дона: казачий хутор Донской / Г.Г. Матишов и др.; РАН, ЮНЦ РАН, Ин-т социально-экономических и гуманитарных исследований. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 215 с.
3. *Эйзенштадт Ш.Н.* Множественность модернизмов в век глобализации // Глобализация: Контурь XXI века: реф. сб. / РАН; ИНИОН; Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем; Отдел Восточной Европы; отв. ред. П.В. Малиновский. М., 2002. Ч. 1. С. 136–145.
4. *Эйзенштадт Ш.Н.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А.В. Гордона; под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
5. *Арефин С.Я.* Донское казачество прежде и теперь: Краткая история донских казаков. М.: тип. Сокол, 1907. 64 с.
6. *Марченко Г.В.* Дорогой чести: Генерал Каледина: военная и государственная деятельность А.М. Каледина (1889–1918 гг.). М.: Ин-т этнологии и антропологии имени Миклухо-Маклая, 1996. 280 с.
7. *Родионов В.Г.* Тихий Дон атамана Каледина. М.: Алгоритм, 2007. 288 с.
8. *Кислицын С.А.* О полемике в печати о роли казачества в революции и гражданской войне // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. 1989. № 3. С. 126–132.
9. *Перехов Я.А.* Расказачивание: некоторые проблемы историографии // Российское казачество: проблемы истории и современность (к 310-й годовщине Кубанского казачьего войска): материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Тимашевск, 2–5 октября 2006 г.). Краснодар: Традиция, 2006. С. 196–200.
10. *Панкова-Козочкина Т.В.* Казаки и крестьяне Юга России в 1920-х годах: социально-политическая жизнь и хозяйственно-экономическая деятельность: дис. ... д-ра ист. наук. Новочеркасск, 2016. 617 с.
11. *Токарева Н.А.* Крестьянство и власть 1928–1929 гг. Взаимоотношения крестьянского населения и органов власти на Дону в условиях первого этапа коллективизации. Шахты: ЮРГУЭС, 2009. 122 с.
12. *Бугай Н.Ф.* Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917–90-е годы). М.: Терра, 2000. 88 с.
13. *Багдасарян С.Д., Скорик А.П.* Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и повседневность в южно-российской деревне в 1920-е годы / Юж.-Рос. гос. политехн. ун-т (НПИ). Новочеркасск: Лик, 2012. 239 с.
14. *Багдасарян С.Д.* Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы: монография / отв. ред. А.П. Скорик / Юж.-Рос. гос. политехн. ун-т (НПИ) им. М.И. Платова. Новочеркасск: Лик, 2015. 312 с.
15. *Багдасарян С.Д.* Сельская повседневность на Юге России в эпоху нэпа: устойчивость традиций и противоречия преобразований: дис. ... д-ра ист. наук. Новочеркасск, 2017. 869 с.
16. *Бондарев В.А.* Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. 560 с.
17. *Бондарев В.А.* Российское крестьянство в условиях аграрных преобразований в конце 20 – начале 40-х годов XX века: на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев: дис. ... д-ра ист. наук. Новочеркасск, 2007. 789 с.
18. *Скорик А.П.* Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. 508 с.
19. *Скорик А.П.* Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований: дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2009. 540 с.
20. *Баранов А.В.* Политическая активность и сознание казаков на Северном Кавказе // Казачий сборник. № 2. Ростов н/Д.: Изд-во ДЮИ, 2000. С. 154–173.
21. *Воскобойников Г.Л., Батырев В.Д.* Казачество и Советская власть (1924 – июнь 1941 гг.). М.: Альтекс, 2003. 194 с.

REFERENCES:

1. Tikidzh'yan R.G. *Donskoe kazachestvo i krest'yanstvo na perelome istoricheskikh epokh: mezhdru imperskoy i sovetskoy sotsialisticheskoy modernizatsiyey (1855–1939)*. [The Don Cossacks and the peasantry at the turning point of historical epochs: between Imperial and Soviet Socialist modernization (1855–1939)]. Rostov-on-Don, Don State Technical University, 2024. 334 p.
2. *Sotsial'no-istoricheskiy portret del'ty Dona: kazachiy khutor Donskoy* [Socio-historical portrait of the Don Delta: Donskoy Cossack farm] / G.G. Matishov [i dr.]; RAS, SSC RAS, Institute of Socio-Economic and Humanitarian Research. Rostov-on-Don, SSC RAS Publisher, 2012. 215 p.
3. Eyzenshtadt Sh.N. *Mnozhestvennost' modernizmov v vek globalizatsii // Globalizatsiya: Kontury XXI veka: Referativnyy sbornik* [The multiplicity of modernisms in the age of globalization // Globalization: Contours of the XXI century: Abstract collection] / Russian Academy of Sciences. Institute of Scientific Information on Social Sciences. Centre for Scientific and Information Research on Global and Regional Issues; Department of Eastern Europe; ed. P.V. Malinovskiy. Moscow, 2002. Part 1. P. 136–145.
4. Eyzenshtadt Sh.N. *Revolutsiya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noye izucheniye tsivilizatsiy* [Revolution and transformation of societies. Comparative Study of Civilizations] / Транс. A.V. Gordona; ed. B.S. Erasova. Moscow, Aspect Press, 1999. 416 p.
5. Arefin S.Ya. *Donskoe kazachestvo prezhde i teper': Kratkaya istoriya donskikh kazakov* [Don Cossacks before and now: A brief history of the Don Cossacks]. Moscow: Sokol Printing House, 1907. 64 p.
6. Marchenko G.V. *Dorogoy chesti: General Kaledin: voennaya i gosudarstvennaya deyatel'nost' A.M. Kaledina (1889–1918 gg.)* [Dear honor: General Kaledin: military and state activities of A.M. Kaledin (1889–1918)]. Moscow, Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, 1996. 280 p.
7. Rodionov V.G. *Tikhii Don atamana Kaledina* [The quiet Don of Ataman Kaledin]. Moscow, Algorithm, 2007. 288 p.
8. Kislytsyn S.A. O polemike v pechati o roli kazachestva v revolyutsii i grazhdanskoy voyne [On the controversy in the press about the role of the Cossacks in the revolution and the civil war]. *Izvestiya Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vyshey shkoly. Obshchestvennye nauki* [News of the North Caucasian Scientific Centre of the Higher School. Social sciences.]. 1989. No. 3. P. 126–132.
9. Perekhov Ya.A. *Raskazachivanie: nekotorye problemy istoriografii* [Raskazachivanie: some problems of historiography]. *Rossiyskoe kazachestvo: problemy istorii i sovremennost' (k 310-y godovschine Kubanskogo kazach'ego voyska): materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Timashevsk, 2–5 oktyabrya 2006 g.)* [Russian Cossacks: Problems of history and modernity (dedicated to the 310th anniversary of the Kuban Cossack Army): materials of the All-Russian Scientific and Practical conference (Timashevsk, October 2–5, 2006)]. Krasnodar, Tradition, 2006. P. 196–200.
10. Pankova-Kozochkina T.V. *Kazaki i krest'yane Yuga Rossii v 1920-kh godakh: sotsial'no-politicheskaya zhizn' i khozyaystvenno-ekonomicheskaya deyatel'nost'* [Cossacks and peasants of Southern Russia in the 1920s: socio-political life and economic activity]: 07.00.02. Doctor's thesis. Novocherkassk, 2016. 617 p.
11. Tokareva N.A. *Krest'yanstvo i vlast' 1928–1929 gg. Vzaimootnosheniya krest'yanskogo naseleniya i organov vlasti na Donu v usloviyakh pervogo etapa kollektivizatsii* [The peasantry and power 1928–1929 The relationship between the peasant population and the authorities on the Don in the conditions of the first stage of collectivization]. Shakhty, South Russian State University of Economics and Service, 2009. 122 p.
12. Bugay N.F. *Kazachestvo Rossii: ottozhenie, priznanie, vrozozhdenie (1917–90-e gody)* [The Cossacks of Russia: rejection, recognition, and rebirth (1917–90s)]. Moscow, Terra Publiser, 2000. 88 p.
13. Bagdasaryan S.D., Skorik A.P. *Krest'yanskaya povsednevnost' epokhi nepa: dosug i povsednevnost' v yuzhno-rossiyskoy derevne v 1920-e gody* [Peasant Daily life of the NEP Era: Leisure and Daily Life in the South Russian Countryside in the 1920s]; South Russian State Technical University (NPI). Novocherkassk, Lik, 2012. 239 p.
14. Bagdasaryan S.D. *Byt, trud i sem'ya krest'yan epokhi nepa: istoricheskaya povsednevnost' yuzhno-rossiyskoy derevni v 1920-e gody: monografiya* [The life, labor and family of peasants of the NEP era: the historical everyday life of a South Russian village in the 1920s: a monograph] / ed. A.P. Skorik; South Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platov. Novocherkassk, Lik, 2015. 312 p.
15. Bagdasaryan S.D. *Sel'skaya povsednevnost' na Yuge Rossii v epokhu nepa: ustoychivost' traditsiy i protivorechiya preobrazovaniy* [Rural daily life in the South of Russia in the era of NEP: the stability of traditions and the contradictions of transformations]: 07.00.02. Doctor's (Historical Sciences) thesis. Novocherkassk, 2017. 869 p.
16. Bondarev V.A. *Fragmentarnaya modernizatsiya postoktyabr'skoy derevni: istoriya preobrazovaniy v sel'skom khozyaystve i evolyutsiya krest'yanstva v kontse 20-kh – nachale 50-kh godov XX veka na primere zernovykh rayonov Dona, Kubani i Stavropol'ya* [Fragmentary modernization of the post-October village: the history of transformations in agriculture and the evolution of the peasantry in the late 20s – early 50s of the twentieth century on the example

of the grain regions of the Don, Kuban and Stavropol]. Rostov-on-Don: Publishing House of the North Caucasian Scientific Centre of Higher Education, 2005. 560 p.

17. Bondarev V.A. *Rossiyskoe krest'yanstvo v usloviyakh agrarnykh preobrazovaniy v kontse 20 – nachale 40-kh godov XX veka: na materialakh Rostovskoy oblasti, Krasnodarskogo i Stavropol'skogo kraev* [The Russian peasantry in the conditions of agrarian transformations in the late 20s and early 40s of the XX century: based on the materials of the Rostov region, Krasnodar and Stavropol territories]: 07.00.02. Doctor's (Historical Sciences) thesis. Novocherkassk, 2007. 789 p.

18. Skorik A.P. *Kazachiy Yug Rossii v 1930-e gody: grani istoricheskikh sudeb sotsial'noy obshchnosti* [The Cossack South of Russia in the 1930s: the facets of the historical destinies of a social community]. Rostov-on-Don, Publishing House of the North Caucasian Scientific Centre of the Higher School of the Southern Federal University, 2009. 508 p.

19. Skorik A.P. *Kazachestvo Yuga Rossii v 30-e gody XX veka: istoricheskie kollizii i opyt preobrazovaniy* [The Cossacks of Southern Russia in the 30s of the twentieth century: historical collisions and the experience of transformation]: 07.00.02. Doctor's (Historical Sciences) thesis. Stavropol, 2009. 540 p.

20. Baranov A.V. Politicheskaya aktivnost' i soznanie kazakov na Severnom Kavkaze [Political activity and consciousness of the Cossacks in the North Caucasus]. *Kazachiy sbornik*. [Cossack collection]. No. 2. Rostov-on-Don, Publishing House of the Don Law Institute, 2000. P. 154–173.

21. Voskoboinikov G.L., Batyrev V.D. *Kazachestvo i Sovetskaya vlast' (1924 – iyun' 1941 gg.)* [The Cossacks and Soviet power (1924 – June 1941)]. Moscow, Altex, 2003. 194 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СКОРИК Александр Павлович – доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, Новочеркасск, Российская Федерация.

SKORIK Alexander Pavlovich – Doctor of Historical Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University, Novocherkassk, Russian Federation.

E-mail: s_a_p@mail.ru

© А.П. Скорик, 2025.

Дата поступления в редакцию: 20.02.2025.
Дата принятия статьи: 25.03.2025.

ИССЛЕДОВАНИЯ КРАЕВЕДОВ

УДК 94(47) 084.3

НОВЫЕ ФАКТЫ О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ ЕЙСКОГО ОТДЕЛА КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

© 2025 г. С.П. Шананин

Муниципальное казенное учреждение муниципального образования Ейский район «Архив»
(Ейск, Россия)

Аннотация. Данная статья посвящена трагическим событиям, происходившим в годы Гражданской войны на территории Ейского Приазовья и Кубани.

Ключевые слова: «бело-зеленые», «белые», Гражданская война, Ейский отдел, казаки, Кубанское казачье войско, «красные», советская власть, повстанцы.

NEW FACTS ABOUT THE FIGHTING THAT TOOK PLACE ON THE TERRITORY OF THE YEYSK DEPARTMENT OF THE KUBAN REGION DURING THE CIVIL WAR

S.P. Shanenin

Municipal government institution of the Yeisk district municipality "Archive" (Yeisk, Russia)

Abstract. This article is devoted to the tragic events that took place during the Civil War on the territory of the Yeisk Azov region and Kuban.

Keywords: "white-green", "white", Civil War, Yeisk department, Cossacks, Kuban Cossack Troops, "red", soviet power, insurgents.

Предисловие

На территорию Ейского отдела Кубанской области (сейчас территория северной зоны Краснодарского края, от г. Ейска до г. Белая Глина) Гражданская война пришла в феврале 1918 г. и унесла тысячи жизней горожан и станичников. Стало уже традицией в г. Ейске на старом кладбище «на Кирпичиках», возле могилы казаков, погибших при штурме Ейска в мае 1918 г., проводить траурные поминовения. Их организуют ежегодно с начала 1990-х годов казаки Ейского района Кубанского казачьего войска.

В советское время основным источником по истории Гражданской войны по г. Ейску и Ейскому отделу были мемуары И.Л. Хижняка «Годы боевые», вышедшие в свет в 1957 и 1972 годах. Иван Лукич Хижняк (1893–1980), генерал-лейтенант, в годы Гражданской войны – командир Ейского революционного полка, в Великую Отечественную войну – командир 11-го стрелкового корпуса 58-й армии, воевавшей в 1943 г. на Кубани, Почетный гражданин г. Ейска и еще сорока населенных пунктов и организаций в СССР, активный участник трех войн XX века на территории Кубани и Кавказа. За всю свою военную карьеру Иван Лукич одиннадцать раз был ранен, восемь – контужен. Умер И.Л. Хижняк 10 августа 1980 г. в Ейске, и по его завещанию был похоронен в г. Ейске на городском кладбище.

В 2017–2018 гг. в Ейский муниципальный архив Еленой Ивановной Котенко, вдовой писателя и доктора технических наук Евгения Александровича Котенко, была передана часть материалов из личного архива ее мужа¹. Среди них – документы генерала И.Л. Хижняка.

История этих документов начинается летом 1979 г., когда уже тяжело больной И.Л. Хижняк передал часть своих бумаг Е.А. Котенко. Все эти материалы хранились в семейном архиве Е.А. Котенко в Москве. Среди этих документов особенно интересна печатная рукопись, созданная И.Л. Хижняком в 1928–1930 годах [1]. Она посвящена революционным событиям на Кубани и послужила основой для его мемуаров «Годы боевые». Первый лист печатной рукописи не сохранился, но сам И.Л. Хижняк вспоминал, что написал ее для Северо-Кавказского истпарта как отчет «о революционных событиях и боях в годы гражданской войны на Кубани» [2, с. 6]. Сравнивая печатную рукопись И.Л. Хижняка с его мемуарами «Годы боевые» 1957 и 1972 гг. издания, документами из его личного архива, а также материалами из различных музеев, архивов и других источников, попытаемся восстановить ряд событий, происходивших в 1918–1923 годах в г. Ейске и его окрестностях.

Начало Гражданской войны на территории Ейского отдела

И.Л. Хижняк родился в г. Ейске 2 апреля 1893 г. (20 марта по старому стилю) в семье ейского мещанина. Рано потеряв отца, он с детства был вынужден работать по найму, в 1914 г. был призван в царскую армию – рядовым, в годы Первой мировой войны за проявленную на полях сражений храбрость был награжден Георгиевскими крестами 4, 3, 2-й степеней, Октябрьский переворот встретил в звании подпоручика, затем революционно настроенные солдаты выбрали его помощником командира полка. В ноябре 1917 г. в Харькове Хижняк вступает в красногвардейский отряд под командованием Р. Сиверса. В составе этого отряда Иван Лукич принимает участие в боях с частями Центральной рады на Украине и атамана Каледина на Дону. В конце января 1918 г. И.Л. Хижняк возвращается в Ейск.

После Февральской революции в Ейске впервые на основе всеобщего избирательного права была избрана городская Дума, а в конце 1917 г. был образован военно-революционный комитет. В городе возникло двоевластие. С одной стороны, в Ейске находился гарнизон под командованием полковника Орлова, подчинявшийся атаману Кубанского казачьего войска и был организован отряд «белых» офицеров, а с другой – с декабря 1917 г. в городе создавался Ейский революционный батальон. Иван Лукич принимал активное участие в его формировании. Командовал этим батальоном бывший старший унтер-офицер Иван Балабанов, у которого с февраля 1918 г. Иван Хижняк был заместителем.

Вооруженный конфликт между «красными» и «белыми» становился неизбежным. Когда в ночь с 13 на 14 февраля (с 1 на 2 февраля по старому стилю) казачий пластунский батальон полковника Орлова покинул Ейск и, по железной дороге отправился в ст-цу Уманскую (сейчас Ленинградская), «белые» офицеры захватили казначейство (сейчас в этом здании поликлиника № 1), банк и другие городские объекты, что привело к боевым действиям. С рассвета до двух часов дня 14 февраля (2 февраля по старому стилю) происходил бой между революционным ба-

¹ Котенко Евгений Александрович (1930–2012) – доктор технических наук, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный изобретатель России, член Союза писателей России, Почетный гражданин города Ейска и Ейского района.

тальяном и «белыми» офицерскими частями за казначейство. В результате было убито 3 офицера, 52 белогвардейца сдались, и все они были арестованы [1, л. 21]. Пролилась первая кровь. И с этого момента можно считать, что в Ейске началась Гражданская война. Об этом событии в Ейске напоминает памятная доска на фасаде здания поликлиники № 1. Через три недели «красные» расстреляли пятнадцать пленных в городской тюрьме [1; 3, л. 146 об. – 147]. Красногвардейцам досталось еще и «Юсуповское золото», ценности Петроградской ссудно-сберегательной кассы, привезенной в Ейск из Петрограда в 1917 г. на нескольких железнодорожных составах на сумму 140 млн рублей золотом [4, с. 130–131]. В конце концов, в июле 1920 г., оно оказалось в Югославии и именовалось «казной генерала Врангеля». Затем часть драгоценностей впоследствии оказалась у генерала Власова, а в начале 1960-х гг. их след окончательно теряется в ФРГ [5].

В феврале 1918 г. Ейский ревком решил распространить свою власть на весь Ейский отдел. Не все станицы мирно признавали советскую власть. Так, за станицу Уманскую (административный центр Ейского отдела) в бою с белоказаками были убиты пять человек из революционного батальона, троих из них похоронили на Соборной площади (сейчас парк им. Горького).

С конца марта по середину апреля 1918 г. 1-й Ейский революционный батальон под командованием Хижняка принимал участие в боях с войсками генерала Корнилова за город Екатеринодар, в которых погибло и ранено 1/8 личного состава батальона (его численность в середине февраля 1918 г. составляла 600 человек) [1, л. 30].

В апреле из Одессы и Мариуполя в Ейск прибыл сербский батальон во главе с полковником Пашичем в полном вооружении и с восемью пулеметами. 18 апреля батальон был обезоружен и на судах отправлен в Таганрог, а затем в Сибирь. Отобранное оружие было передано частям «красных». Важную роль в разоружении сербского батальона сыграл И.Л. Хижняк. В ходе разоружения батальона ранения получили три серба и шесть красногвардейцев [2, с. 145].

Поход казаков на Ейск

Самым запомнившимся эпизодом Гражданской войны, который до сих пор вспоминают ейчане, стал бой, происходивший с 30 апреля по 1 мая 1918 г. под городом Ейском между восставшими «белыми» казаками из 11 окрестных станиц и отрядами красногвардейцев. Этот трагический эпизод ейской истории рассмотрим подробнее.

С установлением советской власти в г. Ейске, в станицах, традиционная власть казачьих атаманов ликвидировалась, вместо них образовывались Советы. Началось изъятие продовольствия и скота, и, что особенно возмущало казаков, это обещанная большевиками передача части казачьих земель иногородним. Как считали казаки, источником всех бед являются отряды «красных», расквартированные в Ейске. Общее восстание в станицах Ейского отдела началось 26 апреля, в день Пасхи. Советы в станицах были разогнаны, восстанавливалась власть станичных атаманов.

К концу апреля в г. Ейске, кроме 1-го Ейского революционного батальона, 2-го Должанского революционного батальона – был 1-й Ахтарский революционный полк под командованием П. Зоненко из станицы Приморско-Ахтарской и ряд других частей, а также Азовская флотилия под командованием Герштейна. В состав

флотилии входило 15 судов, в том числе 7 боевых и 8 транспортных и буксирных судов. Личный состав насчитывал 300 человек. На вооружении флотилии находилось 12 орудий [2, с. 152].

Гарнизон Ейска ко дню наступления казаков на город, составил до шести тысяч человек, в числе которых было около двух с половиной тысяч красноармейцев и до трех с половиной тысяч человек мобилизованных солдат-фронтовиков, призванных 25 апреля Революционным военным советом. Как пишет Хижняк: «Настроение последних, за небольшим исключением, скорее было шкурническим... Весь этот гарнизон на 97 % состоял преимущественно из иногородних и 3 % казаков-бедняков, добровольцев «красной гвардии» [1, л. 39]. Гарнизон был вооружен разнокалиберными винтовками, в числе которых много было неисправных. На каждую винтовку приходилось всего по 10–15 патронов. Пулеметы имелись только в основных частях: 1-м Ейском революционном батальоне – 4 шт., 2-м Должанском революционном батальоне – 2 шт., Ахтарском полку – 8 шт., а к ним было по 2–3 ленты. Полевых орудий, не считая тех, которые были на судах Азовско-Черноморской флотилии, насчитывалось всего лишь 6 шт., а к ним было 130 снарядов. Ейского кавалерийского эскадрона к этому времени в г. Ейске уже не было. Он был переведен в ст. Староцербиновскую для формирования его в полк. Командовал им бывший унтер-офицер Яков Камышанов.

По распоряжению партийного комитета 27 апреля Хижняк был направлен в Чрезвычайный штаб обороны г. Ейска и Ейского отдела. В состав штаба были назначены: командующим частями Ейского гарнизона – Сигизмунд Клово, бывший командир Таганрогского полка; начальником штаба и заместителем командующего – бывший подпоручик Иван Хижняк (после бегства во время боя командующего С. Клово он возглавил оборону города); политическим руководителем обороны – член Ейского Отдельского революционного исполнительного комитета Щемилинов (бывший юрист из Петрограда, перешедший впоследствии на сторону «белых»). Вся линия обороны проходила от Ейского лимана до Азовского моря и была разбита на три участка: командование левым участком было возложено на бывшего штабс-капитана И. Синегубова (расстрелянного немцами под Таганрогом 14 июня 1918 г.); Центральный левый участок был возложен на командира Ахтарского полка П. Зоненко, бывшего унтер-офицера и 1-й центральный – на И. Балабанова (погиб в начале боя [6]). Этот участок обороны контролировали 1-й Ейский и 2-й Должанский батальоны. Участком от лимана и до кирпичных заводов командовал И. Корниенко.

Казаки восставших станиц 30 апреля отправились на штурм г. Ейска. В печатной рукописи об этом событии Хижняк написал: «Общее командование восставших казаков возглавил полковник [по другой версии есаул. – С. Ш.] Подгорный, правой группой “белых” командовал полковник Топорков, центральной группой – есаул Головин (в 1919 г. начальник Городской стражи в Ейске), а левой – есаул Белый. Ставка и главный штаб Подгорного была ст[аниц]а Ясенская. Начальником штаба был назначен прапорщик М.В. Кириченко (из ст[аниц]ы Должанской), а комендантом станицы Ясенской – он же и комендант штаба Подгорного, прапорщик Назаренко (из ст[аниц]ы Должанской). Общее число наступавших на Ейск казаков насчитывало до 6500 человек, без резерва. Из них было до 3000 кавалерии и 3500 пехоты, в их числе – от 50¹ до 70² офицеров, при 9 пулеметах до 2000 винтовок» [1, л. 38].

¹ Исправлено на 70.

² Исправлено на 90.

По исправлениям и добавлениям (по годам смерти, назначениям его бывших сослуживцев и партийных соратников, причем некоторые из них, такие как Федько, Полуян и другие, были репрессированы), можно предположить, что все эти исправления сделаны автором в период с 1935 по 1955 г. Но у Хижняка в мемуарах «Годы боевые» можно обнаруживаем и данные в сторону увеличения: «Подгорный бросил четыре тысячи пехоты и три с половиной казачьей конницы» [2, с. 152].

Согласно справке Ейского райкома партии 1933 г., в восстании приняло участие четыре тысячи казаков, организатором был староцербиновский полковник Подгорный, а инициатива исходила от староцербиновского казачества [7]. По версии Хижняка, Подгорный был сыном псаломщика из станицы Камышеватской, а центром восстания была станица Ясенская [1, л. 36]. Об участии в походе на Ейск мобилизованных иногородних восставших станиц в официальной версии упоминания нет, так же как и у Хижняка. Но в автобиографии священника из станицы Новоцербиновской Давида Чубова обнаруживаем: «В разгар боя, мобилизованные иногородние заколебались, а провокаторы стали кричать: “Спасайся, красная конница в тылу”. В это время все мобилизованные иногородние продолжали свою провокацию и стали распускать слух, что красным идет большая помощь из Староминской» [8, с. 66–118].

Восставшие казаки вооружились винтовками, частью захваченными ими в станице Ясенской (400 шт. винтовок, 6 пулеметов, 200 ручных гранат, 100 тыс. патронов), частью принесенными с фронта, шашками и кинжалами, которые имелись у каждого казака, несколькими пулеметами. А некоторые казаки были вооружены лишь длинной палкой, к концу которой был прилеплен штык от винтовки или кинжал, или просто длинный зубок от вил. Ниже приведем данные (табл. 1) о количестве казаков восставших станиц, ранее не публиковавшиеся [1, л. 41–43].

Таблица 1. Численность казаков и офицеров восставших станиц (по материалам печатной рукописи И.Л. Хижняка) [1, л. 41–43]

№	Населенный пункт	Казаки, чел.	Офицеры, чел.
1	Ясенская (станция)	1000	7
2	Копанская (станция)	400	3
3	Новодеревянковская (станция)	425	4
4	Камышеватская (станция)	600	13
5	Должанская (станция)	475	7
6	Новоцербиновская (станция)	250	6
7	Староцербиновская (станция)	325	6
8	Широчанский (хутор)	80	1
9	Привольная (станция)	280	2
10	Ольгинская (станция)	250	3
11	Чепегинская (станция)	350	2
12	Бриньковская (станция)	300	3
13	Кухаривский (хутор ¹)	70	1

На центральном участке (в районе Форштадта), который обороняли Должанский и Ейский ревбатальоны, казаки прорвали фронт, проникли в город от линии обороны на глубину до двух километров и дошли до Сенной площади г. Ейска.

¹ У И.Л. Хижняка – поселок.

Им осталось пройти 500 метров до берега Ейского лимана и тем самым «разрезать» силы обороняющихся надвое. «Красным» удалось контратакой рассеять казаков и отбить захваченные ими орудия, автомобили, а также захватить в плен ворвавшихся со стороны Садов (восточный участок обороны) и Форштадта в г. Ейск казаков и офицеров, насчитывавших 178 человек [1, л. 43].

Потери защитников города составили 125 человек [9]. По данным Хижняка, в рядах защитников города было убито 172 человека и 186 ранено [2, с. 164]. В его печатной рукописи 1930 года читаем: убито 72¹, ранено 120² [1, л. 44].

Согласно рукописи Хижняка 1957 года, в боях за г. Ейск с 30 апреля по 1 мая восставшие белоказаки потеряли убитыми 1125 человек. Наиболее значительные потери были в Ясенском отряде: 232 убитых, 175 раненных и 400 взятых в плен [1, л. 44]. Но в его бумагах 1930 года указано, что «казаков было убито до 350, том числе ясенских казаков: убито 132³, ранено 75⁴ и взято в плен до 300⁵. В эти цифры не вошли часть пленных казаков отряда полковника Топоркова, которые были расстреляны в “Садах” Ейска, когда они были захвачены в плен» [1, л. 44]. Местом погребения части расстрелянных и погибших во время боя казаков является северо-западная часть кладбища «на Кирпичиках». Размер этой, едва заметной могилы, составляет 4 м на 15 м. На могиле в память о том кровавом событии был установлен крест. В 2018 г. крест был снесен, территория массового захоронения казаков была огорожена и частным застройщиком рядом с могилой был возведен жилой дом.

Карательный экспедиционный отряд красноармейцев, в числе 850 человек пехоты, 150 сабель при восьми пулеметах и трех (по другой версии двух) орудиях и моряков Азовско-Черноморской флотилии против восставших станиц Ейского полуострова возглавил И.Л. Хижняк. Было арестовано в станицах до 300 человек и направлено в ейскую тюрьму. Часть организаторов восстания были расстреляны, а остальные после освобождения вернулись в свои станицы [1, л. 44].

Из вышеизложенного видно, что И.Л. Хижняк, несколько раз исправлял в большую сторону количество участников боя, потери с обеих сторон и другие данные. Поэтому можно предположить, что восставших казаков погибло во время штурма Ейска чуть более 500, а защитников города – 125 человек (во всяком случае, столько было официально захоронено на Пантелеймоновской площади, сейчас площадь Революции). Обе версии о причинах восстания казаков, как «советская», так и «казачья», игнорируют по идеологическим мотивам два момента. Первый – участие в походе на Ейск иногородних из восставших станиц, и второй – наличие «Юсуповского золота» в Ейске. То есть, причина похода казаков было не одно только непринятие Советской власти и «обиды», ею причиненные, но и желание заодно просто-напросто разграбить ценности Петроградской ссудно-сберегательной кассы, да и не только их. Это отчасти объясняет, почему хорошо организованные, но плохо вооруженные казаки, профессионалы, имеющие большой боевой опыт, не задумываясь, приняли участие в этой аванюре. Они надеялись на легкую добычу и победу над «войском ремесленников, фермеров и лавочников», но никак не ожидали такого упорного сопротивления, лучше их вооруженных красногвардейских частей, под руководством бывших офицеров царской армии.

¹ Исправлено на 172.

² Исправлено на 186.

³ Исправлено на 232.

⁴ Исправлено на 175.

⁵ Исправлено на 400.

**Участие ейских красноармейцев
в боевых действиях на Северном Кавказе в 1918–1920 гг.**

В мае 1918 г. после подавления восстания казаков из красноармейцев 1-го Ейского революционного батальона и местных жителей был сформирован полк, который получил название – 1-й Ейский революционный полк. Командиром полка был назначен Иван Хижняк.

Другим трагическим событием для ейчан является, так называемый Таганрогский десант. По условиям Брестского мира, территория Таганрогского и большинство Ростовского округов была оккупирована германскими войсками. На основании того, что эта территория до 1888 г. входила в состав Екатеринославской губернии (административный центр Екатеринослав, сейчас г. Днепр, Украина), она передавалась из Войска Донского Украинской державе. Руководство советскими войсками Кубано-Черноморской Советской республики было недовольно такой постановкой вопроса и решило отбить у немцев Таганрог и Ростов-на-Дону. В Ейске был сформирован семитысячный экспедиционный отряд из горожан, казаков и красноармейцев под командованием комдива С. Клово. Иван Хижняк выступал категорически против этого мероприятия, видимо, поэтому он и был оставлен с 1-м Ейским революционным полком в Ейске. Десант грузился с 3 по 6 июля на суда Азовской флотилии и с 7 по 9 июля был высажен под городом Таганрогом. В это же время командующий советскими войсками под Батайском И. Сорокин прекратил наступление на Ростов-на-Дону и отступил от Батайска, это позволило немцам перебросить свои войска под Таганрог. После кровопролитного боя с немцами, происходившего 12–13 июня, большинство «красных» десантников сдалось. Только 2000 человек во главе с командующим С. Клово и части флотилии удалось бежать в Ейск. Вскоре С. Клово был освобожден от своей должности, по другой версии, его арестовал И.Л. Хижняк и отправил в Екатеринодар. В связи с тем, что московское советское правительство заявило о своей непричастности к этому десанту, германское командование приняло решение о расстреле «бандитов». 14 июня 1918 г. более 2000 (по другим данным 2500) военнопленных были расстреляны немцами у нескольких населенных пунктов на берегу Таганрогского залива [10, с. 35; 11]. В этой аванюре погибли сотни ейчан.

В конце июня главнокомандующим советскими войсками на Северном Кавказе К. Калниным был отдан приказ направить из Ейска для борьбы с Деникиным 1-й Ейский революционный полк. Этот полк под командованием Хижняка с 30 июня по 13 июля принимал активное участие в боях с армией Деникина и, отступая, прошел путь от района станции Торговой (Донская область) до станицы Выселки. Потери полка в боевых действиях составили около 300 человек убитыми и ранеными.

В ночь с 23 на 24 июля 1918 г. два корабля Донской флотилии «белых» пытались высажить десант на Ейскую косу и захватить город. В это время в Ейске на излечении находился Хижняк, который и возглавил оборону. После ночного боя десант был отбит. «Белые» потеряли убитыми пять донских казаков, двое попали в плен, а «красные» – несколько часовых и одно судно. Альтернативную версию об этом десанте излагал лейтенант А. Ваксмут [12, с. 226–231].

24 июля Ейский отдельский исполком и городской комитет получил приказ из штаба войск Северного Кавказа об отступлении из Ейска. В этот же день в 14 часов г. Ейск был оставлен «красными» войсками. Перед уходом «красные» расстреляли 13 человек, а за шесть дней до этого – 11 человек, находившихся в городской

тюрьме. Все расстрелянные «красными» в феврале и июле после прихода «белых» были похоронены у Николаевской церкви (сейчас территория бывшего завода «Полиграфмаш») [3, л. 142 об. – 146].

Город покинули до 2000 человек, сторонников советской власти, руководил отступлением И.Л. Хижняк. Из вышедших из города гражданских лиц и красноармейцев 26 июля в станице Приморско-Ахтарской был образован 2-й Ейский революционный полк численностью 1350 человек. Большинство из них с июля по декабрь 1918 г. погибли в боях с «белыми», попали в плен и были расстреляны или умерли от тифа. Лишь единицам в январе – феврале 1919 года удалось прорваться через Сальские степи с отступающими частями «красных» в Астрахань.

Сам Иван Хижняк в то время лежал в госпитале, восстанавливаясь после ранения и болезни тифом, а в феврале 1919 г. попал в плен к «белыми» во Владикавказе. Он провел в заключении в нескольких тюрьмах 10 месяцев, и в начале января 1920 г. был освобожден из заключения частями Красной армии, занявшей Ростов-на-Дону, и назначен командиром Ростовского полка. В начале марта 1920 г. его назначают начальником гарнизона и военным комиссаром Сальского округа, а 27 мая переводят в Краснодар командиром стрелкового полка имени III Интернационала, в августе этот полк был переименован во 2-й стрелковый. В августе 1920 г. Хижняк со своим полком был направлен на отражение Улагаевского десанта в низовье реки Кубани, а затем – в Грузию для установления там советской власти.

Тем временем в Ейске 3–7 февраля 1920 г. под руководством Василия Норенко (псевдоним Кухаренко) происходит довольно «странное» восстание против «белых», в стиле американских вестернов. До 90 человек восставших, имея одну винтовку на десятерых, бескровно разоружают трехтысячный гарнизон, в том числе «Волчью сотню» генерала Шкуро. Восстание охватило г. Ейск и Залиманье (с. Глафировку, с. Порт-Катон). На его подавление была брошена Марковская дивизия. В ходе быстротечного боя восставшие были рассеяны, более 200 человек замерзли при бегстве по льду Таганрогского залива в г. Таганрог, несколько десятков были казнены, более 500 попали в плен, а затем большинство из них зачислили в белогвардейские части. Марковцы в ходе боевой операции потеряли до 60 человек [13, с. 209–210]. Но жизнь уцелевшего белогвардейского гарнизона тоже не была легкой: за месяц от тифа погибло несколько десятков человек.

10 марта 1920 г. в Ейск вошли части 15-й дивизии Красной армии под командованием Янышева. В городе, а затем и в станицах Ейского отдела восстановилась советская власть. В Крыму обосновались войска барона Врангеля, а в плавнях и на дальних степных хуторах Ейского отдела остались сотни «белых» казаков, которые вели партизанскую войну против советской власти.

Борьба советской власти с «бело-зелеными» в Ейском отделе

В 1920–1924 гг. повстанческое движение «бело-зеленых» было широко распространено в Ейском отделе (его население в 1916 году составляло более 360 тыс. чел.) и пользовалось большой поддержкой местного сельского населения (в основном казаков). По официальным данным Ейского райкома, на территории современных Ейского и Щербиновского районов Краснодарского края (с 1923 г. – это территория Ейского района Кубано-Черноморской области) действовал отряд в 600–650 сабель под руководством Сидельника из ст-цы Старощербиновской и отряд в 253 сабель в ст-це Камышеватской, организованный местным казачьим

офицером Бардаком, действовавший только в окрестностях этой станицы. В это же время по всем станицам в западной части Ейского отдела существовали мелкоуголовные банды в количестве до 300 человек, которые также терроризировали местное население [7]. Советская власть вела беспощадную борьбу против отрядов «бело-зеленых», используя различные методы: расстрелы, аресты повстанцев и членов их семей, конфискацию имущества участников антисоветских выступлений [14].

В январе 1921 г. Иван Хижняк сдает свой полк, и его направляют на Кубань для борьбы с повстанцами. Здесь он занимает должности в штабе 9-й армии: члена Революционного трибунала, члена комиссии по борьбе с дезертирством Кубано-Черноморской области, временного комиссара штаба 39-й отдельной бригады. И в районе станицы Екатериновской (сейчас Крыловская) 5 июня 1921 г. командир объединенного отряда по борьбе с бандитизмом Хижняк окружил отряд «бело-зеленых» численностью 100 человек и в ходе шестичасового боя у хутора Евко «сжег всю банду на хуторе, захватив лишь 5 бандитов» [15].

После расформирования штаба армии Хижняка назначают помощником командира 115-го стрелкового полка, расквартированного в городе Ейске, где назначают особо уполномоченным и начальником отрядов по ликвидации белогвардейских банд в Ейском отделе. Он принимал активное участие в боях с отрядами «бело-зеленых». Так, с 14 по 17 октября 1921 г., командуя боем с бандой есаула Пацюка и сотника Дубины, численностью до 200 сабель при 20–23 пулеметах, атакой отбил 33 всадников, взятых в плен красноармейцев Северо-Донецкого полка 6-й Ченгарской дивизии. Во время боя банда была ликвидирована, а Пацюк зарублен [15, л. 137–138].

На заседании Военного совещания Ейского отдела по борьбе с бандитизмом от 3 ноября 1921 г. Хижняк был назначен уполномоченным Ейского военного совещания, и под его руководство была передана 6-я рота 115-го полка, а также отряд особого назначения. С января 1922 г. по ноябрь 1923 г. Иван Лукич являлся командиром ЧОН и одновременно был председателем сельского Совета станицы Ясенской [15, л. 39]. В этот период он вел борьбу с отрядами Дубины, Степаненко и другими атаманами «бело-зеленых». В январе 1923 г. его отряд ликвидировал повстанцев, действовавших в районе станицы Копанской. К 1925 г. советской властью повстанческое движение «бело-зеленых» на территории бывшего Ейского отдела (с 1924 г. – это территория Донского округа Северо-Кавказского края) было в основном подавлено.

Заключение

В мемуарах И.Л. Хижняка «Годы боевые» обнаруживается много противоречий при сравнении с другими его документами и воспоминаниями участников тех событий, как «красных», так и «белых». Однако эти мемуары до сих пор остаются основным источником по Гражданской войне в Ейском районе. Их цитируют авторы статей и книг. Но из его ранних рукописей 1930-х гг. становится ясно, что Хижняк неоднократно их корректировал, поэтому к его мемуарам 1950–1970-х гг. следует подходить критически. К сожалению, воспоминания участников Гражданской войны часто хранятся в городских и станичных музеях. Эти материалы так и не опубликованы и недоступны для исследователей. И хотя с момента начала Гражданской войны прошло уже 100 лет, многое еще предстоит сделать, чтобы ввести в научный оборот эти важные документы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Муниципальное казенное учреждение муниципального образования Ейский район «Архив» (МКУ «Архив»). Ф. Р-602. Оп. 1. Д. 137. 105 л.
2. Хижняк И.Л. Годы боевые. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1957–1968. в 2 т. Кн. 1. 1957. 330 с.
3. МКУ «Архив». Ф. 1. Оп. 1. Д. 52. Л. 146 об. – 147.
4. Клементьев Г.В. С любовью о Ейске. Краснодар: Краснодарские известия, 1998. 168 с.
5. Полчанинов Р. Казна генералов Врангеля – Власова // За свободную Россию. № 108, июнь 2009 г. URL: <http://www.russkije.lv/ru/journalism/read/r-polchaninov-kazna/>
6. Артюхин Ю.В., Шананин С.П., Орехова Г.Ф. Новые данные о восстании и походе казаков станиц Ейского отдела на Ейск в конце апреля – начале мая 1918 г. // Кубанский сборник Т. 5 (26). Краснодар: Книга, 2014. С. 167–181.
7. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-692. Оп. 1. Д. 1. Л. 51.
8. Автобиография священника Д.А. Чубова. Сборник: О прошлом и настоящем станицы Новошербиновской. Ростов н/Д.: Альтаир, 2012. С. 66–118.
9. ГАКК. Ф. Р-1765. Оп. 4. Д. 70. Л. 35–36 об.
10. Красный десант. Эпизод революционной борьбы в 1918 г. с немецким оккупантами в Таганроге / под ред. Губарева К.В., Боброва Д.И. Таганрог, 1927. 43 с.
11. Reinhard Nachtigal Krasnyj Desant: Das Gefecht an der Mius-Bucht. Ein unbeachtetes Kapitel der deutschen Besetzung Südrusslands 1918 in Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2005. Vol. 53. No. 2. P. 221–246.
12. Ваксмут А. К статье «Добровольческие десанты. Сборник: Флот в белой борьбе / сост. Волков С.В. М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. 606 с.
13. Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Кн. 2: 1919–1920 гг.: Наступление на Москву. Отступление. Крымская эпопея. Уход за пределы Родины. Париж, 1964. 393 с.
14. МКУ «Архив». Виртуальная историко-фотодокументальная выставка «Тайны жизни генерала Хижняка». URL: https://yeiskraion.ru/gorodskaya-sreda/arh/vv/taiyny_zhizni_generala_hizhniaka/
15. МКУ «Архив». Ф. Р-602. Оп. 1. Д. 198. Л. 137–138. Хижняк И.Л. Жизнь и труд Хижняка (сборник документов), печатная рукопись.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ШАНАНИН Сергей Петрович – ведущий специалист муниципального казенного учреждения муниципального образования Ейский район «Архив» (МКУ «Архив»), член Ейского отделения РОИА, Ейск, Российская Федерация.

SHANANIN Sergey Petrovich – leading specialist, municipal government institution of the Yeisk district municipality “Archive”, member of the Yeisk branch Yeisk branch Russian Society of Historians and Archivists, Yeisk, Russian Federation.

E-mail: guppa@yandex.ru

© С.П. Шананин, 2025

Дата поступления в редакцию: 11.01.2025.

Дата принятия статьи: 04.03.2025.

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ

УДК 94(470.6):378(075.8)

ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ (1990–2020 гг.) (отзыв официального оппонента)

© 2025 г. А.П. Скорик

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова
(Новочеркасск, Россия)

Аннотация. Написание докторской диссертации на актуальную тему современной истории, с одной стороны, задача, казалось бы, простая, ибо под рукой всегда огромный объем конкретно-фактического материала, но, с другой – история казачества последнего десятилетия XX в. и первых десятилетий нынешнего столетия настолько противоречива и политизирована, что исследователю очень сложно добиться научного, объективного и выверенного описания фрагмента исторического процесса, где есть начало и нет окончательного результата. Взявшись за создание такого труда, Антон Викторович Бредихин продолжил свои научные изыскания по кандидатской диссертации «История российско-украинского приграничного сотрудничества: на примере евро-региона “Донбасс”», защищенной по историческим наукам в Российском государственном гуманитарном университете в 2016 г., и представил к защите (которая успешно прошла 10 апреля 2025 г.) в Белгородском государственном национальном исследовательском университете (НИУ «БелГУ») докторскую диссертацию на тему «Донское казачество в системе российского приграничья (1990–2020 гг.)» по научной специальности 5.6.1. – Отечественная история. Отзыв официального оппонента отражает достоинства, критические замечания и дискуссионные моменты, которые сформулированы на основе проведенной научной экспертизы текста докторской диссертации.

Ключевые слова: диссертация, интерпретация, источниковедческий анализ, историография проблемы, методология, обоснованность научных положений, понятийно-категориальный аппарат, стратегия исследования.

THE DON COSSACKS IN THE RUSSIAN BORDERLAND SYSTEM (1990–2020) (review by an official opponent)

A.P. Skorik

M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI) (Novocherkassk, Russia)

Abstract. Writing a doctoral dissertation on a topical topic of modern history, on the one hand, is a seemingly simple task, because there is always a huge amount of concrete factual material at hand, but on the other hand, the history of the Cossacks of the last decade of the twentieth century and the first decades of this century is so contradictory and politicized that it is very difficult for a researcher to achieve scientific, an objective and verified description of a fragment of the historical process, where there is a beginning and no final result. Having undertaken the creation of such a work, Anton Viktorovich Bredikhin continued his scientific research on his PhD thesis “The History of Russian-Ukrainian cross-border cooperation: on the example of the Euroregion “Donbass”, defended in historical sciences at the Russian State University for the Humanities in 2016, and submitted for defense (which was successfully completed on April 10, 2025) at the Belgorod State National Research University (NRU “BelSU”) doctoral dissertation on the topic: “The Don Cossacks in the system of the Russian borderlands (1990–2020)” in the scientific specialty 5.6.1. – National history. The review of the official opponent reflects the

existing advantages, criticisms and discussion points, which are formulated on the basis of a scientific examination of the text of the doctoral thesis.

Keywords: dissertation, interpretation, source analysis, historiography of the problem, methodology, validity of scientific positions, conceptual and categorical apparatus, research strategy.

Актуальность избранной темы для диссертационного исследования, представленного А.В. Бредихиным на соискание ученой степени доктора исторических наук, не вызывает никаких сомнений. *Во-первых*, она обусловлена Стратегией государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 гг. (Указ Президента РФ от 9 августа 2020 г., № 505). Эта федеральная программа подчеркивает политико-управленческий аспект важности постановки научной проблемы соискателем. *Во-вторых*, казачеством создано множество своих организаций, действующих в российском приграничье. Так, на 14 октября 2024 г. на территории ЛНР существовало четыре организации: «Казачья национальная гвардия Луганский округ Всевеликого войска Донского», «Луганский округ донских казаков Всевеликого войска Донского», «Союз казаков-воинов России и Зарубежья» и «Миусский округ казачьей национальной гвардии Всевеликого войска Донского». Поэтому, вне всякого сомнения, рецензируемая диссертация приобретает институциональное значение. *В-третьих*, Указ Президента РФ от 09.11.2022 г., № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» возлагает на казачество как на носителя этих ценностей особую миссию, что позволяет говорить о культуртрегерском аспекте актуальности диссертации А.В. Бредихина. *В-четвертых*, современные общественные процессы полны социальных коллизий, и выявление исторического опыта буквально по свежим следам является актуальной научной целью, что и стремится реализовать соискатель. Современный опыт создания казачьих сообществ отчетливо демонстрирует тенденцию социального проекта и нуждается в сциентистском осмыслении, а это подчеркивает научно-исторический аспект актуальности диссертационного исследования.

Степень обоснованности научных положений рецензируемой докторской диссертации, прежде всего, обеспечивается авторским отбором комплекса исторических источников, к числу которых отнесены (с. 23–31) нормативно-правовые акты, локализованные вокруг изучаемой темы; статистические и отчетные материалы профильных органов исполнительной власти, ответственных за реализацию государственной политики в отношении российского казачества; научные и публицистические материалы, содержащие материалы об институционализации казачества, участии казаков в военных конфликтах на постсоветском пространстве, формировании казачьего самоуправления в изучаемый период. Осуществленный диссертантом анализ исторических источников и их использование в работе позволили ему достичь высокой степени обоснованности научных положений и выводов, сформулированных в диссертации, обеспечить аргументированность и достоверность исторического повествования, а, главное, продемонстрировать новизну представляемых материалов о донском казачестве в современный период, когда происходила передача социокультурной эстафеты от сформировавшихся поколений казаков первой волны возрождения казачьей общности поколениям миллениалов (поколение Y), становление личности которых происходило в два последних десятилетия XX в., а вступление во взрослую жизнь началось в первое десятилетие XXI в., причем эти процессы развивались в условиях роста социальной

конфликтогенности фронтирных территорий постсоветского политического пространства на Юге России.

Обоснованность научных положений в работе А.В. Бредихина **достигается обращением к концепции фронта**, или теории границы (с. 31–32), выдвинутой в 1890-х гг. американским историком, профессором Висконсинского университета Фредериком Джексоном Тёрнером. Действительно, одним из базисных факторов возрождения донского казачества стало наличие фронта, широкой пограничной полосы исторических российских земель, разделенной постсоветскими границами, когда, по сути, одни и те же народы проживали по обе стороны новых рубежей. Разделенной этносоциальной общностью оказалось донское казачество, для части представителей которого сдвигание границ в юго-западном направлении выступало актуальной геополитической задачей, сдерживаемой международно-правовыми нормами, в частности московской Декларацией о соблюдении суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности границ стран-участников СНГ (15 апреля 1994 г.).

Соискатель в своих научных изысканиях **опирался на традиционные принципы исторического познания** – объективности, системности, историзма. Кроме того, он применял общенаучные методы: сравнения, дедукции, индукции, аналогии, классификации и систематизации. Диссертант обращался к специальным социогуманитарным методам комплексного анализа источников, социокультурному и эмпирическому методу, или методу включенного наблюдения, ибо по месту своего происхождения он имел прямое отношение к пограничным территориям со значительной долей казачьего населения. К числу частно-научных, исторических методов исследования, примененных А.В. Бредихиным, относятся: историко-генетический, сравнительно-исторический и историко-системный.

Свою роль в обоснованности научных положений диссертации выполняет **историографический раздел введения** (с. 6–19), где изложены основные тенденции историографии российского казачества, приводятся оценки отдельных историографических фактов, из чего следует и на что опирается научная постановка изучаемой проблемы, которая выглядит вполне правомерно. Соискатель выделяет на основе ретроспективного критерия три базовых этапа в историографии своей предметной области: дореволюционный, советский и современный. Естественно, при таком трехчастном хронологическом подходе к интерпретации степени изученности темы основное внимание диссертантом уделяется современному этапу историографии (с. 9–19). Предлагается деление обобщающих работ по истории российского казачества на три группы. Первая группа обобщающих работ энциклопедического характера анализируется как совокупность трех направлений казачеведческих исследований: государственного, самостийного и умеренного. Вторая группа обобщающих монографических работ выделяется соискателем по критерию теоретико-методологического значения для современного исторического казачеведения. Третья группа обобщающих казачеведческих работ отличается консолидацией большого массива конкретно-исторической информации по двум признакам: области жизнедеятельности казачьих сообществ и территориального охвата мест исторического проживания казаков.

При рассмотрении современной историографии российского казачества соискатель предлагает опираться на такой классифицирующий параметр, как посвящение исследований отдельным казачьим регионам, среди которых Дон занимает

особое место, обусловленное историческими, количественными и социокультурными обстоятельствами. История донского казачества настолько масштабна, что здесь возможны работы по отдельным историческим периодам, в рамках одной области жизнедеятельности донских казаков или какой-то одной научной проблемы. Так, в качестве отдельного фрагмента диссертант выделяет этнолингвистическое направление в изучении донского казачества. В своем историографическом обзоре по истории донского казачества А.В. Бредихин обозначает наиболее значимые авторские исследования, коллективные монографии и учебные пособия.

Историографический характер носит второй параграф первой главы диссертации (с. 69–92), посвященной идентичности казачьего населения приграничья, поскольку, по мнению соискателя, этнокультурная идентичность, с одной стороны, получила большое освещение в историографии, с другой – остается проблемной областью исторического казачеведения. Кроме того, в системе российского приграничья неизбежно происходит актуализация этнокультурной идентичности в условиях высокого уровня социальной конфликтности, продуцируемой, прежде всего, складывающейся геополитической обстановкой и тяжелыми последствиями постсоветского развала единого этнокультурного пространства.

Представленная логика изложения аккумулируемых А.В. Бредихиным конкретно-исторических материалов в диссертации выглядит убедительной, и выделение пяти глав, как мы считаем, осуществляется на основе теории социальной идентичности польского и британского социального психолога Анри Тэшфела.

Первая глава (с. 42–92) посвящена интерпретации славянских идентичностей, в том числе донского казачества, в социальном периферийном пространстве и в наличествующей к настоящему времени научной литературе. *Вторая глава* (с. 93–143) характеризует территориальную приграничную идентичность казачества в рамках противоречивых геополитических процессов рубежа XX–XXI вв. *Третья глава* (с. 144–275), на наш взгляд, посвящена механизму социального познания самого казачества и на этнокультурных формах самокатегоризации, согласно базисным постулатам концепции британского социального психолога Джона Тёрнера, соавтора теории социальной идентичности. *Четвертая глава* (с. 276–335) акцентирует внимание на институциональной консолидации современного донского казачества, его взаимоотношениях с Российским государством и определении роли казаков в международных отношениях России. Соискателем предпринимается попытка институциональной идентичности современного казачества. *Пятая глава* (с. 336–411) раскрывает воздействие позитивной идентичности современного казачества на негативные группы и конфликтогенные тенденции на Юге России и показывает, как она способствует сбалансированности межнациональных отношений, а также в главе анализируется процесс наращивания потенциала позитивной казачьей идентичности в учреждениях культуры и образования с казачьим компонентом. Каждая глава диссертации поделена на 2–4 относительно равновеликих по объему параграфа, что свидетельствует о профессиональном умении соискателя аккумулировать конкретно-исторические материалы и квалифицированно подавать контент в смысловых пределах Content Marketing Institute.

Поставленная в докторской диссертации цель (с. 20) достигнута, и сформулированные (с. 20–21) задачи по ее реализации решены, о чём свидетельствуют итоговые выводы в заключение работы (с. 412–421). Хронологические рамки (с. 21–22) и территориальные границы (с. 22) исследования, предложенные

А.В. Бредихиным, не вызывают сомнений. Формулировки объекта и предмета исследования (с. 21) могут быть признаны приемлемыми. Положения, выносимые на защиту (с. 35–48), изложены диссертантом достаточно основательно.

Новизна диссертации заключается в осмыслении и авторской интерпретации 30-летнего периода возрождения донского казачества (1990-е – 2020-й гг.) в российском приграничье на основе ретроспективного анализа казачьей истории и культуры, что является существенным научным вкладом в российскую историографию и развитие российского исторического казачеведения как самостоятельного направления современной российской исторической мысли. Многостороннее рассмотрение социальной идентичности донского казачества в его авторском понимании складывается из этнической идентичности, территориальной приграничной идентичности, этнокультурных форм самокатегоризации, а также институциональной консолидации, обеспечивающих на современном этапе функционирования Российской Федерации культуртрегерскую, стабилизирующую роль казачества в российском обществе. В этих целях, как доказывает А.В. Бредихин, необходимо наращивать позитивную казачью идентичность, поддерживать социальные проекты самого казачества и при развитии новых российских регионов учитывать казачий фактор в рамках территориального осуществления национальных проектов России 2024–2030 гг. и реализации Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 гг., обеспечивая активное участие казачества в сохранении и укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

При всех несомненных научных достоинствах рецензируемое **диссертационное докторское исследование А.В. Бредихина имеет определенные недостатки и некоторые спорные положения принципиального характера**, которые нами, как официальным оппонентом, выносятся на публичную защиту соискателя и предполагают его развернутые ответы:

1. Нуждается в корректировке методология диссертационного исследования, для чего соискателю следовало обратить внимание на концептуальный потенциал «новой локальной истории», ориентированной на глубокий анализ событий регионального прошлого и настоящего как неотъемлемой части общероссийского исторического процесса. В частности, это актуальное направление исторических исследований достаточно активно разрабатывается рядом ставропольских и московских специалистов, прежде всего Т.А. Булыгиной и С.И. Маловичко (см., напр.: *Булыгина Т.А.* История повседневности и «новая локальная история»: исследовательское поле и исследовательский инструмент // Новая локальная история: по следам Интернет-конференций. 2007–2014. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. С. 113–117; *Маловичко С.И., Булыгина Т.А.* Современная историческая наука и изучение локальной истории // Новая локальная история. Вып. 1: Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография. Материалы первой Всероссийской научной интернет-конференции, 23 мая 2003 г. Ставрополь: СГУ, 2003. С. 6–22; *Маловичко С.И.* Современная историческая наука и изучение локальной истории: [Электронный ресурс]. URL: <https://abuss.narod.ru/Biblio/malovichko.htm?ysclid=m61xmyw4hw750623979> (дата обращения: 18.01.2025); Новая локальная история макрорегиона: практикум / авт.-сост.: *Т.А. Булыгина, К.Р. Амбарцумян*. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. 205 с.). Кроме того, профессор Т.А. Булыгина основала новое научное направление «Новая культурно-интеллекту-

альная история российской провинции». Тем самым, при обстоятельной научной постановке проблемы для докторской диссертации А.В. Бредихина требовалась мультипарадигмальная стратегия научного поиска, включающая также теорию социальной идентичности Анри Тэшфела и Джона Тёрнера, иные теоретико-методологические достижения современной научной мысли (например, теории социального поля Пьера Бурдьё), причем надо непременно учитывать эвристический потенциал и когнитивную ограниченность применяемых концептов, чего не скажешь о позиции диссертанта в отношении теории фронта, поскольку недостатки этой парадигмы в методологическом разделе введения диссертации (с. 31–32) не рассматриваются. В результате историческое понятие фронта неизбежно переводится в современную геополитическую плоскость, и с его помощью соискатель стремится объяснить специфику протекания политических процессов в российском приграничье. Фронтирная концепция воспринимается диссертантом как политически индуцированный конструкт, поскольку имеет явные «выходы» к современности.

2. Во введении диссертации соискателю следовало бы выделить подраздел «Понятийно-категориальный аппарат исследования» или же этому сюжету посвятить отдельный параграф в первой главе, поскольку в тексте своей работы А.В. Бредихин употребляет целый ряд еще не устоявшихся в исторической науке и/или довольно дискуссионных дефиниций. В число таких понятий, как мы полагаем, можно было бы включить: *приграничье, возрождение казачества, еврорегион, анклав нестабильности, территориальный геноцид, национально-культурная автономия, коренизация, национальный район, украинизация, этнокультурная идентичность, этнокультурное пространство, современная система казачьего самоуправления, система непрерывного казачьего образования* и др. Формирование авторского понятийно-категориального аппарата в докторской диссертации, несомненно, могло стать реальной новизной представляемого исследования докторского уровня.

3. В постановке исследуемой научной проблемы в диссертации, на наш взгляд, наблюдаются определенные структурно-логические диспропорции, связанные с формулировкой 13 задач, 8 положений, выносимых на защиту, и 18 пунктами новизны. Очевидно недостаточное дробление задач исследования, ибо предложено при 13 задачах 15 параграфов в структуре работы, но имеется явно избыточное количество пунктов новизны. Так, 2-й пункт новизны о «введении в научный оборот социологических и статистических данных федеральных и региональных органов власти, проводящих мониторинг ситуации в среде российского казачества», с учетом их публичного характера можно было не указывать. Пункт 4-й, направленный на «обоснование процесса формирования в приграничье славянских идентичностей посредством этногенеза с окружающими народами, влияния межцивилизационных, межкультурных, межконфессиональных факторов», не может быть признан исключительным новшеством автора диссертации, поскольку российское государство ранее уже реализовывало доктрину «географической неблагонадежности». Она была разработана в 80-е годы XIX в. военными статистиками В.И. Золотарёвым, Н.Н. Обручевым и А.И. Макшеевым для обоснования политики увеличения доли православных славян среди горского и иного населения. Пункт 10-й новизны об оценке «опыта казачьего самоуправления в различных муниципалитетах Ростовской области, необходимости реализации его в условиях вызовов современности» может быть признан таковым лишь частично, поскольку подобные оценки

ранее формулировались уже другими исследователями, например, в первом параграфе «Роль исторических форм организации и самоуправления в казачьем возрождении» шестой главы докторской диссертации О.В. Рвачёвой «Возрождение казачества на Юге России в советский период (середины 1920-х – начало 1940-х гг.) и в постсоветский период (1990-е – 2000-е гг.): историко-сравнительный анализ», защищенной в Кубанском государственном университете 23 декабря 2022 г.

4. Вызывает вопросы использованная соискателем классификация исторических источников (с. 22–31). Безусловно, она может быть признана исключительной для данной докторской диссертации, авторской по исполнению, но такой подход сильно отличается от традиций анализа в российском источниковедении, когда, по мнению соискателя, *«третью группу источников* представляют научные и публицистические материалы, содержащие материалы об институционализации казачества, участии казаков в военных конфликтах на постсоветском пространстве, формировании казачьего самоуправления в изучаемый период» (с. 28). Однако внутри этой группы мы обнаруживаем архивные материалы; сборники документов, издаваемые самими казачьими обществами; статистические данные Всероссийских переписей населения 2002, 2010, 2020 гг.; отчеты войсковых казачьих обществ; план мероприятий на 2021–2023 гг. по реализации Стратегии развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 гг.; данные современных медиаресурсов и СМИ, а также данные социологических опросов, личные воспоминания/наблюдения современников изучаемых процессов, интервью; археологические данные; материалы художественной литературы о казачестве (М.А. Шолохов, М.А. Алпатов, Л.Н. Толстой, Т.Г. Шевченко и др.). На наш взгляд, такое смешение отдельных групп исторических источников, достаточно разных по содержанию, в одном источниковедческом кейсе нельзя признать правомерным.

Автором применяется позитивистская стратегия реконструкции исторических фактов, построенная на привнесении в диссертационный текст объемного фактического материала, большого количества исторических источников, поэтому в представленном во введении диссертации источниковедческом обзоре их критическое рассмотрение уходит на второй план. Использование социологических материалов для историка по определению построено на вторичном анализе социологических данных, ибо в противном случае он становится социологом. Есть круг проблем вторичного анализа социологических данных и проведения социологического мониторинга, причем в отношении современного российского казачества, но диссертант их почему-то не затрагивает. К примеру, известны два масштабных и репрезентативных социологических исследования, выполненные с интервалом 30 лет, раскрывающие обобщенные характеристики портрета современного казачества. Материалы первого исследования 1992 г. приведены в издании: Современное донское казачество: (политический, социальный, экономический портрет) / Российская социологическая служба «Мониторинг». Ростов н/Д.: Б.и., 1992. 40 с. К нему многократно обращались историки-казаковеды, и оно признано достаточно объективным в профессиональной среде. Именно здесь обосновывается цифра в 28 % потомков казаков (или 1,2 млн из 4 370 389 человек) в составе населения Ростовской области. Второе исследование проводилось в сентябре – октябре 2022 г. в 13 войсковых казачьих обществах Государственного реестра казачьих обществ Российской Федерации, и его итоговые данные опубликованы в следующем издании: Социальный и психологический портрет современного казачества: монография / Г.С. Денисова,

В.В. Ковалёв, А.В. Чёрная [и др.]; отв. ред. Г.С. Денисова. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2024. 186 с. Рассмотрение указанных выше двух социологических исследований, выполненных по достаточно близким программам, целям и задачам, как раз и можно назвать настоящим мониторингом. Это бесценные материалы для историка, исследующего развитие современного казачества, но их вторичный анализ оказался вне поля зрения диссертанта.

5. Представляется спорным итоговый вывод А.В. Бредихина по третьей главе о том, что «особо полезным и перспективным для казачества может стать развитие концепции национальных районов как особых административно-территориальных единиц. Они позволяют не только защитить и сохранить культурную, военную, хозяйственную и социально-политическую самобытность казачества как субэтнической региональной группы русского народа, но и выполнить важную функцию фронтальной этнической группы, смягчая межнациональные противоречия в России и на сопредельных территориях, защищая “Русский мир”» (с. 275).

По данным переписи населения 2021 г., из 46 районов Ростовской области казачье население преобладает только лишь в семи районах. При этом в некоторых районах области доля казаков доходит до 90 % («Казаки по национальности»: зачем в Ростовской области разделяют русских. 18 октября 2021 г., 11:29 мск [Электронный ресурс]. URL: <https://rostovgazeta.ru/news/2021-10-18/kazaki-po-natsionalnosti-zachem-v-rostovskoy-oblasti-razdelyayut-russkih-1341782> (дата обращения: 18.01.2025). Таким образом, самый важный исторический казачий регион России характеризуется заметной этнической дисперсией, что ставит под вопрос предложение диссертанта о конституировании национальных районов как особых административно-территориальных единиц.

Нельзя также положиться (даже в перспективе!) на казачьи кадетские корпуса. Как правомерно считает профессор А.В. Венков: «Кадетские корпуса созданы для подготовки квалифицированных военных или чиновников для России, а отнюдь не для воспроизводства казачьего населения. Это опять как бы своего рода дань от казаков российскому государству. Крепче всего держится Белокалитвенский казачий кадетский корпус. На этой территории много старообрядцев, они всегда были воинствующие, поэтому кадетский корпус тут к месту» (см. источник выше). Увы, это только один корпус из 10 подобных образовательных учреждений на территории Ростовской области.

6. Следует признать исторически необоснованным итоговый вывод автора о том, что «идеи выделения казачества в отдельную этническую группу, которые сформировались в среде белоказачества еще после раскола казачества после революции 1917 года и Гражданской войны 1917–1922 годов» (с. 416) стали распространяться в период возрождения казачества 1980-х – 1990-х гг. на территории казачьих регионов Юга России. И далее А.В. Бредихин резюмирует: «В годы революции и Гражданской войны со стороны белоказачества предпринимались попытки создать отдельную от советской власти казачью государственность. В дальнейшем идеи формирования казаческого государства “Казакия” на Юге России и его отделения от России культивировались в эмигрантской среде, поддерживаемые внешними силами, заинтересованными в распаде России» (с. 416). Увы, здесь не всё так однозначно, как утверждает диссертант.

Идеи политической автономии казачества (в разной степени ограничения) присутствовали и в большевистской среде. Так, в августе 1918 г. нарком Донской

советской республики Е.А. Трифонов предлагал создать Краевое Советское правительство с местным наименованием «Войсковой Круг Советского казачьего войска», чтобы посредством этого органа вырвать трудовое казачество из-под влияния казачьей верхушки (Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Сборник документов / Август – октябрь 1918 г. / ред. коллегия: В.В. Аникеев и др. М.: Политиздат, 1969. Т. 4. С. 446). 3 сентября 1918 г. СНК РСФСР издал «Декрет о создании Походного Круга Войска Донского» (Известия ВЦИК. 1918. 7 сент. С. 1), который большевики видели ни много, ни мало войсковым правительством, в его состав должны были войти представители от советских казачьих полков и освобожденных от белогвардейцев донских станиц. Декрет тогда подписали Л.Д. Троцкий, Г.И. Петровский и управделами СНК, будущий доктор исторических наук В.Д. Бонч-Бруевич. В 1936 г. донские казаки К. Крючок, Маляхов, Самсонов написали И.В. Сталину, К.Е. Ворошилову и С.М. Будённому письмо, в котором просили «организовать между нами Красно-Казацкую Автономную Советскую Социалистическую Республику. Дабы более нам, Красным казакам, сплотиться на отпор буржуазии, также и не быть с другими национальностями и иметь право [на автономию], как и все остальные нации. Просим и Ц.И.К. разрешить это предложение и опубликовать в газетах» (Письмо донских казаков И.В. Сталину, К.Е. Ворошилову и С.М. Будённому // Письма во власть. 1928 – 1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / сост.: А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2002. С. 299). В 1991 г. Союз казаков Области Войска Донского выступил с обращением ко всем народным депутатам районных, городских, областного Советов, РСФСР и СССР от Ростовской области и призвал восстановить на Дону незаконно упраздненное национально-государственное образование в составе РСФСР. 3 декабря 1991 г. это волеизъявление казачества поддержала VIII Сессия областного Совета народных депутатов Ростовской области (см.: *Водолацкий В.П., Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Казачий Дон: очерки истории и культуры. Ростов н/Д.: Терра, 2005. С. 415). Безусловно, здесь есть о чём подискутировать, но категоричность итоговых суждений диссертанта об исключительном белоказачьем характере идей политической автономии на основе этнического и административного обособления казачества опровергается приведенными и иными историческими фактами.

Отмеченные нами недостатки не влияют на общую положительную оценку диссертации А.В. Бредихина, представленной к публичной защите.

Рецензируемая докторская диссертация **выполнена на стыке** двух актуальных научных **направлений исторических исследований**: социальной истории и этнической истории. В этой междисциплинарности, не противоречащей паспорту научной специальности 5.6.1. Отечественная история, заключается одно из главных достоинств реализованного научного проекта. Текст докторской диссертации А.В. Бредихина по характеру изложения, основному содержанию и полученным результатам **соответствует следующим направлениям исследований паспорта научной специальности 5.6.1. Отечественная история**: 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов; 7. История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности; 10. Национальная политика Российского государства и ее реализация. История национальных отношений; 12. История развития культуры, науки

и образования России, ее регионов и народов; 15. Исторический опыт российских реформ; 18. Исторические изменения ментальностей народов и социальных групп российского общества.

Публикация результатов диссертационного исследования. Научные результаты диссертационной работы изложены в **33** научных изданиях общим объемом 27,64 п.л., в том числе основные научные результаты опубликованы в **22** статьях в рецензируемых научных журналах из Перечня рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Также опубликовано **7** статей (3,07 п.л.) в научных изданиях, включенных в международные базы данных Scopus и Web of Science, перечень которых определен в соответствии с рекомендациями ВАК. Данные публикации соответствуют научной специальности, по которой выполнена диссертация. Опубликованный автореферат отражает основные положения докторской диссертации.

Итоговая оценка диссертационного исследования о соответствии нормативным критериям. Степень новизны выполненной работы, обоснованность итоговых выводов, творческий характер диссертационного сочинения, самостоятельная постановка актуальной научной проблемы, предложенная презентация результатов научного поиска в докторской диссертации и авторских публикациях А.В. Бредихина, достаточно насыщенный конкретно-историческим материалом текст работы, осмысление обобщенных сведений из разнообразных исторических источников позволяют нам сделать итоговое положительное заключение.

В диссертации А.В. Бредихина на соискание ученой степени доктора наук решена научная проблема позиционирования донского казачества в системе российского приграничья с акцентированием на его фронтирном статусе идентичности, имеющая важное политическое, социально-экономическое, культурное значение.

В целом, несмотря на наши замечания рекомендательного характера и дискуссионные моменты, представленная к защите докторская диссертация А.В. Бредихина «Донское казачество в системе российского приграничья (1990–2020 гг.)» является законченной научно-квалификационной работой, которая соответствует требованиям пунктов 2.1, 2.2, 2.4–2.9, 2.11–2.16 «Положения о присуждении ученых степеней в НИУ «БелГУ», утвержденного ученым советом НИУ «БелГУ», протокол от 26 июня 2023 г. № 12, а ее автор – Антон Викторович Бредихин – заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Примечание. Текст отзыва официального оппонента опубликован на сайте Белгородского государственного национального исследовательского университета по адресу: <https://anpk.bsuedu.ru/caseinfo/?id=2791&disId=7> (дата обращения: 07.05.2025).

7 мая 2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СКОРИК Александр Павлович – доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, Новочеркасск, Российская Федерация.

SKORIK Alexander Pavlovich – Doctor of Historical Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University, Novocherkassk, Russian Federation.

E-mail: s_a_p@mail.ru

© А.П. Скорик, 2025

Дата поступления в редакцию: 14.03.2025.
Дата принятия статьи: 28.04.2025.

СОВРЕМЕННОЕ КАЗАЧЕСТВО (взгляд неравнодушного человека)

УДК 94(470)

КАЗАЧЕСТВО ВЕРХНЕГО ДОНА (субъективный взгляд из станицы Вёшенской)

© 2025 г. В.В. Говоровский

Военный пенсионер, ветеран казачьего движения, ст. Вёшенская Ростовской области, Россия

Аннотация. Пенсионер, ветеран казачьего движения на протяжении нескольких лет записывает свои впечатления о том, как идет возрождение казачества. Он ставит вопросы о взаимоотношениях казачества и государства, о том, как относится к казакам местная власть.

Ключевые слова: государство, казачество, патриотизм, служба, память

THE COSSACKS OF THE UPPER DON (a subjective view from the village of Vyoshenskaya)

V.V. Govorovsky

Military pensioner, veteran of the Cossack movement, Vyoshenskaya station, Rostov region, Russia

Abstract. The pensioner, the veteran of the Cossack movement, has been writing down his impressions of the revival of the Cossacks for several years. He raises questions about the relationship of the Cossacks with the state, about how the local government treats the Cossacks.

Keywords: state, Cossacks, patriotism, service, youth.

Казачество на Дону зародилось на территориях современных районов: Шолоховского (станция Вёшенская), Верхнедонского (станция Мигулинская) Ростовской области и Серафимовичского (станция Усть-Медведицкая) Волгоградской области, где и до настоящего времени большинство населения относит себя к потомкам казаков. Веками в этих краях бережно сохраняли казачьи традиции. Воинская служба всегда была и остается почетным делом, о котором мечтают большинство мальчишек. Даже в советское время государство это понимало и активно использовало. Большинство казаков проходили срочную службу в погранвойсках, ВДВ, спецназе, в группах войск за границей и на флоте, многие становились офицерами. С начала боевых действий на Кавказе Северо-Кавказский военный округ стал воюющим. Сотни наших земляков достойно себя там проявили. Но и до этого сотни лет ни одна война или конфликт не обходили казаков Верхнего Дона стороной.

Поэтому встает вопрос: как власти страны сейчас используют этот потенциал защитников Отечества? Ответ краткий. Практически никак. От двух высших военных учебных заведений (г. Ростов-на-Дону – РВСН и г. Новочеркасск – связь) осталось только воспоминание. Правильно, зачем в казачьих краях военные училища? Вместо них звучат предложения сделать как на Дальнем Востоке, т.е. просить, чтобы дали по одному гектару земли (наших песков) и стать счастливыми, даже назвать

этот гектар президентским. А почему горожанам не предложили на каждой кухне поставить по мини- (если угодно нано-) мартеновской печи и не начать выплавлять сталь? Что стране сталь не нужна?

Традиционно казачьи части, пока они существовали, отличались высокой выучкой, отличной боевой подготовкой, слаженностью и т.п. Это всё основывалось на традициях воспитания и обучения будущего Воина, защитника Православной Веры и Отечества. Что сейчас? Да ничего. Кадетских корпусов, о которых с душевным надрывом власти говорят уже так давно, что и не упомнишь, как не было в наших краях, так и нет. А если даже и планируется, то в форме СПТУ. Конечно, разве казаки достойны большего? Учителя в наших, даже так называемых казачьих школах, как в армии не служили (льгота учителей сельских школ), так и не служат, даже начальной военной подготовки не имеют. Сборы допризывной казачьей молодежи – окружные (1 день по 10 человек от каждого юрта, т.е. от района), и юртовые (3 дня – 30 человек) – это слёзы, тем более проводятся в основном на энтузиазме, а энтузиазм в казачьем движении уходит в крутое пике.

На советах атаманов, на кругах тема развития казачьего движения, так как понятие «возрождение», длящееся уже четверть века, даже уже смех не вызывает, остается главной. Попытки разобраться в вопросе «кто виноват и что делать» ведут только, как правило, к очередному расколу и отходу энергичных, думающих людей от движения.

Конечно, сложно в казачьих краях объединить казаков просто так, без идеи. Это как создать союз ростовчан в Ростове или союз москвичей в Москве. Понятно, что ростовчане в Москве или москвичи в Ростове всегда будут стремиться создать объединяющую структуру, чтобы находить взаимную поддержку, как, например, всегда делали и делают национальные диаспоры. Но не могут же казаки чувствовать себя на родной земле диаспорой! Как же быть казакам, а точнее тому активу населения, кто мечтает, чтобы казачество служило Вере Православной и Отечеству, как делало сотни лет. Нужна объединяющая идея и поддержка государства.

Идея в принципе есть – это патриотизм, преданность Вере Православной и Отечеству.

А вот нужно ли казачество государству? Как говорят, вопрос интересный. Четверть века «возрождения» ясно показывают, что власть стоит перед дилеммой, каким бы оно хотело видеть казачество. Основной вариант – фольклор, что-то близкое к цыганам с песнями и плясками (не в обиду будет сказано этой национальности, чьи представители также становились казаками и энтузиастам, сохраняющим культурное наследие казаков). Чтобы были далеки от политики, не мешали власти спокойно сидеть в «болоте жизни», требовать от подотчетных «реестровых» структур великих отчетов об иллюзорных достижениях, никаким образом движение не финансировать (а то явно пропьют, мол, мы ведь сами пропиваем, а казаки явно пропьют больше). Проводить смотры, конференции и т.д. и т.п. PR-компании, которыми можно оправдать существование войскового правления. Сейчас, явно для хохмы, введены три оплачиваемые должности на юрт аж по шестнадцать тысяч, что, правда в два раза больше зарплаты казачьих дружинников (у тех около восьми тысяч), которые в большинстве своем, не имея прав и социальных гарантий, исполняют обязанности участковых инспекторов полиции, но это отдельная тема. Ну не может казак быть жандармом по своей сути! И это приводит к мнению: вот получаешь деньги и паши, а я лучше в это время свой огород вскопаю. Если бы в

областной администрации были такие оклады, то вопрос отпал бы сразу. И если отбросить коррупционную составляющую (дали тебе ключи от склада, а там крутись, как умеешь), то кто бы рвался работать в такой администрации?

Только люди, далекие от реальной жизни, считают, что в сельской местности жить дешевле. Это при ценах на корма и воду для полива. А оплата посредникам за привезенный за сотни километров товар? Да и кто горожанам не дает на дачных участках разводить свиней и кур, выращивать картошку. А корма «брать» в колхозах, как все делали раньше. Но где взять эти колхозы?

По вопросу финансирования, это, конечно, очередной казачий феномен. За четверть века юртовые правления ни разу не получили ни копейки помощи, а наоборот, всегда приходили призывы собрать деньги на ...

Сейчас из Войска пришли две «гениальные» идеи – взять в аренду землю и передать ее в субаренду, чтобы получить денег. При этом умалчивается, где ее взять (кто ее потерял, пахотную землю, а не пески и иные неудобья?) и кому ее передать? И почему у сельхозпроизводителей должна появиться эта «казачья» прослойка, или кто-то думает, что это вызовет восторг «селян»? Но ведь «селяне», это тоже казаки. Почему они должны облагаться двойным налогом? Вторая идея – взносы с казаков. Это с зарплат по 10 тысяч рублей? Лихо! Вы, казаки, занимайтесь общественными делами, но не забывайте за это еще и платить.

Понятно, почему руководство Войска и тем более «московские» руководители могут появиться в Вёшках только во время «Шолоховской весны» и сидеть на трибунах, далеких от народа, от казаков. Поэтому казачий актив давно пришел к выводу: можно надеяться только на себя – ни Ростову, ни Москве тем более, мы не нужны.

В то же время при общении со многими людьми зачастую звучат претензии к казакам: почему не поддержали Донецк и Луганск, почему на своих строевых конях с личным оружием полками и дивизиями не пошли забирать назад земли Войска Донского, отданные так «любимым» на Украине Лениным? Хотя казаки смеются, что проще поехать в Техас и набить морды ковбоям, отобрать боевых коней, тогда не то, что на Украине, во всем мире станет спокойнее жить.

Почему только Козицын Н.И. с немногочисленными сторонниками пытался себя проявить на Донбассе, да еще немногие добровольцы, как всегда по велению сердца, туда отправились на свой страх и риск.

Почему в Приднестровье, Абхазию ехали, а на Донбасс только единицы?

Причин много. Как думается, некоторые из них:

– иллюзии девяностых о том, что казаки могут быть востребованы и надо только себя показать, проявить. Что закон о реабилитации казачества не будет «мертво-рожденным»;

– опыт войн на Кавказе, что война – это ужасно, и всё не так, как в кино, особенно в первую чеченскую. Что ветеранские удостоверения вручили почти через десять лет, уже в двухтысячные, что выплаты за участие в боевых действиях, которое не прибавило здоровья для военнослужащих запаса, около 2600 (менее 45 американских рублей), льгота – установка без очереди стационарного телефона;

– Донбасс – это, конечно, близко, там кумовья, сваты и т.д. Но появление в 2014 году «беженцев» на джипах, с золотыми цепями в палец, с удочками и пляжными принадлежностями, с претензиями, что 800 рублей в сутки на еду это мало, не вызвало к ним чувства сострадания и желания мчаться защищать их землю. Конечно, таких были единицы, но на то и ложка дегтя на бочку меда. И несмотря ни

на что собирали и отправляли гуманитарку, принимали у себя женщин и детей, т.к. до этого видели реальных беженцев из Средней Азии и Кавказа, в отношении которых от имени государства звучали «золотые слова»: «Денег нет, но вы держитесь».

Попытки объяснить в «высоких кабинетах», что русские цари, а потом императоры были намного умнее Вас, т.к. понимали, что казачество это сила, умная, достойная сила, а не сборище певцов и танцоров, хотя казачьи песни звучат во всем мире и от них никто, упаси, Боже, не отказывается. Но не в песнопении ведь суть казачества. Это как заявить, что для священнослужителей главное не Вера в Господа, а песнопения в храме. Ведь есть среди казаков Верхнего Дона профессора, доктора наук, генералы и Герои России и т.д., но к власти казаков не особо пускают.

Даже в советские времена вёшенцы были в Политбюро (уроженец станицы Базковской Шолоховского района В.П. Никонов).

Поэтому и появляются «программы развития», «законы о государственной службе» и т.п., которые далеки от реалий жизни казаков на Верхнем Дону.

Специально не хочу затрагивать экономические вопросы жизни на Верхнем Дону, где нет промышленности, даже переработки, где до ближайшей железной дороги 150 километров, где молодые парни после службы в армии, вместо того чтобы обзаводиться семьями, растить и, главное, воспитывать казачат, уезжают на заработки в крупные города, конкурировать с выходцами из Средней Азии.

Не говорю о том, что на Верхнем Дону нет ни одной воинской части (кроме кадрированной радиотехнической роты ПВО), где могли бы служить наши молодые казаки. И это, когда до Луганска ближе, чем до Ростова более чем на сто километров.

Что же делать? Верить в Господа Бога и надеяться, что власть определится: нужно ли казачество, нужны ли патриоты России? Попытаюсь понять, что такое казачий дух и почему он неистребим. Может, еще «окусываться», когда к нам едут последователи фашистских недобитков, чтобы очередной раз внести в казачьи ряды смуту, игнорировать появление «красных казаков от КПРФ» и продолжать жить на славной земле Верхнего Дона. А Господь не даст сгинуть воинам Христовым. Так было, так есть и так будет всегда, пока Дон течет через сердца казаков.

15.10.2016

В.В. Говоровский, ст. Вёшенская.

К великому сожалению, за год ничего не изменилось. Поэтому ни убавить, ни добавить нечего. Вот как-то так.

25.12.2017

В.В. Говоровский, ст. Вёшенская.

Все неизменно. Может, пора что-то менять?

07.07.2018

В.В. Говоровский, ст. Вёшенская.

2019 год принес изменения. Ветераны военной службы (труда) в Ростовской области, если являются участниками боевых действий, лишены права бесплатного проезда в муниципальном транспорте. Очередная пощечина казакам, после «пенсионной» и «мусорной» «реформ». Осознание того, что РОДИНА, ОТЕЧЕСТВО и власть – это разные понятия, это только и согревает. Дураки у власти – это одна из бед России. Истина не казаками высказана, но не оспаривается. Просто труднее становится объяснять молодежи, молодым казакам, что верная служба и готовность, если потребуется, с оружием в руках защитить РОДИНУ, погибнуть или стать

никому не нужным калекой – является святой обязанностью для казака. И эти жертвы кто-то сможет оценить, но видно только не власть. Вот как-то так получается.

09.08.2019

В.В. Говоровский, ст. Вёшенская.

9 мая 2020 года у памятника односельчанам, погибшим в Великую Отечественную войну, даже на пару часов не включили Вечный огонь. Это в 75-ю годовщину Победы! Как говорят казаки: «Куды бечь?»

10.05.2020

В.В. Говоровский, ст. Вёшенская.

22 июня. В день Памяти и Скорби даже для фото для отчетов о проведенных мероприятиях Вечный огонь не включили. Где Память? Где Скорбь? Одна боль!

22.06.2020

В.В. Говоровский, ст. Вёшенская.

К великому сожалению, начинают сбываться прогнозы здравомыслящей части казачества. Одно радует, что это мнение большинства. Печалит, что власти не хотят, а возможно, от своей близорукости, если не сказать более резко, не видят назревающие возможные процессы и тенденции. Реестровое казачество свелось к «работающим в казаках» и дружинникам. Считанные единицы пытаются еще что-то делать на излете энтузиазма.

Склоки с должностью Войскового атамана. Это еще один удар под дых казакам. Приезд Войскового атамана в реально окружную станицу Боковскую. Где звон колоколов? Где встречающие? Где хоть третий помощник младшего дворника от районной администрации?

Еще один плевок. «Шолоховская весна – 2021». Где Войсковой атаман? Почему не открывает праздник? Или Шолохов не казачий писатель? Может, кто-то подскажет, в какие же года у нас была Ростовская губерния?

Но казачество всегда имело свойство ртути, готовность к объединению. Если «реестр» имеет тенденцию к разъединению, значит скоро появится что-то объединяющее. Какие возникнут цели и направления движения? Казачество не способно к длительному застою. Но кто определит стратегическую линию?

31.05.2021

В.В. Говоровский, ст. Вёшенская.

17 августа 2022 года в районе хутора Матвеевский администрацией Шолоховского района открыт памятный знак, посвященный 80-летию начала Сталинградской битвы. На бетонном блоке установлена красная пятиконечная звезда, около одного метра в диаметре, с табличкой:

«Бойцам и командирам Красной Армии, своим подвигом, положившим начало освобождению Ростовской области от немецко-фашистских захватчиков.

20 августа 1942 года воины 1-го батальона 889-го стрелкового полка 197-й стрелковой дивизии под командованием капитана Гаврилова В.И. переправились через Дон и стремительным ударом освободили хутор Матвеевский, заняли господствующие высоты над Доном.

Увеличенный в тяжелых боях плацдарм стал острием дальнейших ударов по врагу и имел важное значение для победы советских войск в Сталинградской битве».

Замечательно, что бойцам и командирам 1-го стрелкового батальона 889-го стрелкового полка 197-й стрелковой дивизии установлен данный весьма скромный

памятник. Но тогда, исходя из значения сражений в наших краях, в степях Верхнего Дона подобных памятных знаков требуется возвести еще более 5000 (пяти тысяч!). Целесообразно ли это?

Надеюсь, наступит время, когда на месте Еланского плацдарма появится МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС. ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ, здесь совершенный, должен быть увековечен! О нем должны знать все россияне!

Еще более важно, когда в сотне километров от нас в период специальной военной операции опять гремят бои с нацистами.

В Войске новый реестровый атаман. Вспомнят ли его имя потомки?

12.09.2022

В.В. Говоровский, ст. Вёшенская.

В библиотеке санатория «Семеновское», расположенного рядом с бывшей «дальней» дачей Сталина, имеется книга английского историка Десмонда Сьюарда «Наполеон и Гитлер» (Смоленск: Русич, 1995). Учитывая традиционное для англосаксов изложение многих фактов, а главное, явное собственное убеждение, что именно они победили армии Наполеона и Гитлера, удивляет вывод всей книги:

«Во время своего краха 1814 года император признался в тесном кругу: “Если казаки достигнут стен Парижа – это конец императора и империи”. Казаки царя Александра действительно поставили своих лошадей в парижские конюшни. В 1945-м сталинские казаки вошли в Берлин. Обе столицы оказались во власти казаков только из-за безумия своих правителей».

Замечательно, когда хоть кто-то способен оценить казаков. Только жаль, когда это делают только враги нашего Отечества.

12.12.2022

В.В. Говоровский, ст. Вёшенская.

Парад Победы в Москве. Проход парадной коробки, одетой в форму донских казаков по городским улицам с песней «Ростов-город, Ростов-Дон». Конечно, откуда взять донским казакам строевую песню? Очередная фиксация полной победы купеческого Ростова над столицей Области Войска Донского Новочеркасском. Бедный атаман Платов, хотя в 2023 году у него юбилей – 270-летие со дня рождения. Его стараниями столица Дона обязана своим появлением. Вот она память о великом человеке! Что? забылись о нем песни? Возрождение во всей красе!!!

09.05.2023

В.В. Говоровский, ст. Вёшенская.

Мероприятия «Шолоховской весны». Вопрос руководителю организации ветеранов боевых действий Шолоховского района о возможности получить билеты на открытие (около 500 штук) и галла-концерт (около 1500). Ответ, что при выделении – без проблем, но с нижайшим поклоном на прием к А.М. Шолохову и О.Н. Дельнову не пойдет. Итог: организации не выделено ни одного билета! Рассказывали, что губернатор, депутаты красиво говорили со сцены о патриотизме. Шолохов все вспоминал своего деда, фантазировал, что тот бы ему сказал. С казаками решили, что тот «ухи оторвал бы» без лишних слов. Вот истинное отношение к СВО! Зачем слова, когда есть дела?

30.05.2023

В.В. Говоровский, ст. Вёшенская.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГОВОРОВСКИЙ Владислав Валентинович – военный пенсионер, ветеран казачьего движения, ст. Вёшенская, Ростовская область, Российская Федерация.

GOVOROVSKY Vladislav Valentinovich – Military pensioner, veteran of the Cossack movement, Vyoshenskaya station, Rostov region, Russian Federation.

© В.В. Говоровский, 2025.

Дата поступления в редакцию: 28.03.2025.
Дата принятия статьи: 07.05.2025.